

ДОЛГОЖДАННЫЙ **НОВЫЙ** РОМАН
ИЗ ЗАХВАТЫВАЮЩЕЙ СЕРИИ
О **ХАРРИ ХОЛЕ!**

НОЖ Ю НЕСБЁ

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ **40 000 000** КНИГ Ю НЕСБЁ

Инспектор Харри Холе

Ю Несбё

Нож

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.135.5-312Несбе
ББК 84(4Нор)-44

Несбё Ю.

Нож / Ю. Несбё — «Азбука-Аттикус», 2019 — (Инспектор Харри Холе)

ISBN 978-5-389-16685-1

В Осло совершено жестокое убийство. В этом деле Харри Холе играет не совсем обычную роль – он возглавляет не расследование, а список подозреваемых. Сам он ничего не может сказать по данному поводу, поскольку переживает не лучшие времена и некоторые события последних дней напрочь выпали из его памяти. Правда, на момент убийства у него имеется алиби, но случайная находка, сделанная в своей квартире, заставляет Харри усомниться в нем. Он почти убежден в том, что виновен, и ведет собственное расследование – в первую очередь, это расследование темных глубин собственного «я»... Долгожданный 12-й роман из захватывающей серии о Харри Холе. Впервые на русском языке! Подробный гид по творчеству Ю Несбё читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.135.5-312Несбе
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-389-16685-1

© Несбё Ю., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	37
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	55
Глава 11	60
Глава 12	61
Глава 13	63
Глава 14	68
Глава 15	74
Глава 16	77
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Ю Несбё Нож

Jo Nesbø
KNIV

Copyright © Jo Nesbø 2019
Published by agreement with Salomonsson Agency
All rights reserved

Серия «Звезды мирового детектива»

Перевод с норвежского Екатерины Лавринайтис
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

© Е. А. Лавринайтис, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Часть 1

Глава 1

Рваное платье развевалось на ветке гнилой сосны. Старику невольно вспомнилась песенка времен его молодости – про платье, сохнувшее на веревке. Правда, этот предмет женского гардероба, в отличие от того, о котором говорилось в песне, колыхался не под порывами южного ветерка, а в потоках ледяной талой воды. На дне реки было совсем тихо. Часы показывали уже пять часов вечера, но на дворе стоял март, так что еще не стемнело. Если верить прогнозу синоптиков, то небо там, над поверхностью реки, должно было быть безоблачным, однако внизу солнечный свет, прошедший через слой льда и четыре метра воды, казался рассеянным, и поэтому сосна и платье скрывались в загадочной зеленоватой полумгле. Старик точно установил, что это летнее платье, синее в белый горошек. Возможно, когда-то этот наряд имел другой цвет, трудно сказать, все зависит от того, как давно он зацепился за ветку. И теперь платье барахталось в нескончаемом потоке воды, который полоскал его, то поглаживая спокойным течением, то дергая и утягивая за собой, когда река бурлила. И в результате от материи постепенно отрывался кусочек за кусочком. Старик подумал, что в этом отношении платье было похоже на него самого. Когда-то оно явно имело значение для какой-нибудь девушки или женщины, на него бросали взгляды мужчины, его касались детские руки. Но теперь платье, так же как и он сам, было потеряно, утрачено, не имело никакой функции, угодило в ловушку, где и томилось, безъязыкое и неподвижное. Оставалось только ждать, когда течение и время унесут последний лоскут того, что некогда было красивым нарядом.

– На что вы смотрите? – услышал он голос позади.

Превозмогая мышечные боли, старик, сидевший на своем стуле, повернул голову и посмотрел вверх. Перед ним стоял новый клиент. Теперь старик не все удерживал в памяти, но никогда не забывал лиц людей, заходивших в магазин «Сименсен: всё для охоты и рыбалки». Этому посетителю не нужны ни оружие, ни боеприпасы. Немного потренировавшись, можно научиться по взгляду клиентов определять, кто из них относится к жвачным животным, этой навсегда утратившей охотничий инстинкт половине человечества, не знакомой с тайной другой половины: человек чувствует себя по-настоящему живым только тогда, когда всадит пулю в большое и теплое млекопитающее. Старик полагал, что этот мужчина пришел за блеснами или удочками, развешанными вокруг большого телевизионного экрана на стене напротив. А может, за одной из фотоловушек, выставленных в другом конце магазина.

– Он смотрит на реку Хаглебюэльва, – ответил его зять Альф, подходя к ним. Альф остановился рядом и раскачивался на каблуках, засунув руки в большие карманы длинной кожаной охотничьей жилетки, которую всегда носил на работе. – В прошлом году мы вместе с производителем установили в реке подводную камеру, так что теперь у нас прямая круглосуточная трансляция из-под лестничного рыбхода у водопада Нурафоссен, и мы увидим, когда рыба начнет подниматься по реке.

– И как скоро это будет?

– Некоторые экземпляры появятся уже в апреле-мае, но большое движение начнется только в июне. Форель нерестится раньше лосося.

Посетитель улыбнулся старику:

– Рановато вы начали смотреть, да? Или уже заметили рыбу?

Старик открыл рот, продумал слова – их он не забыл, но, так ничего и не сказав, вновь сомкнул губы.

– Афазия, – сообщил Альф.

– Что? – не понял клиент.

– После инсульта он не может говорить. Вы ищете рыболовные снасти?

– Фотоловушку.

– Значит, вы охотник?

– Охотник? Нет, боже упаси. Просто я обнаружил какие-то странные, абсолютно ни на что не похожие экскременты прямо перед дачным домиком в Сёркедалене. Я их сфотографировал, выложил в «Фейсбук» и спросил, может, кто знает, чьи они. Горцы сразу ответили: медвежьи. Можете себе такое представить, а? Медведь! В лесу, в двадцати минутах езды и в получасе ходьбы от Осло!

– Но это же потрясающе.

– Ну не знаю, лично я не в восторге. У меня, как я уже говорил, там дачный домик. Я вывожу туда семью. И хочу, чтобы кто-нибудь убил этого зверя.

– Я охотник и прекрасно понимаю, что вы имеете в виду. Но знаете, даже в Норвегии, где не так уж давно этих зверей водилось множество, за последние пару сотен лет едва ли был зарегистрирован хоть один случай нападения медведя на человека со смертельным исходом.

«А вот и неправда, – подумал старик. – Начиная с 1800 года таких случаев было одиннадцать. Последний произошел в 1906-м».

Возможно, он утратил речь и пальцы плохо его слушаются, но с памятью все в порядке. И мысли его были по-прежнему ясными. По большей части. Время от времени он путался и, заметив, как его зять Альф и дочь Метте обмениваются многозначительными взглядами, понимал, что свалил дурака. В первое время, после того как дети начали управлять магазином, который он сам основал и содержал целых пятьдесят лет, старик приносил много пользы. Но теперь, после очередного удара, он просто сидел в зале. Нельзя сказать, что это ему не нравилось. Нет, после смерти Оливии старик по большому счету не предъявлял особых требований. Много ли ему осталось? Вполне достаточно находиться рядом с близкими, каждый день получать горячий обед, сидеть на стуле в магазине и смотреть по телевизору бесконечную беззвучную программу, которая демонстрируется как раз в его темпе, и самым драматичным событием этой передачи станет появление на лестничном рыбободе первой готовой к нересту рыбы.

– С другой стороны, это вовсе не означает, что подобное не может произойти вновь, – услышал старик голос Альфа, провожавшего клиента к стенду с фотоловушками. – Этот зверь вряд ли похож на милого плюшевого медвежонка, а убийство у хищников в крови. Так что, ясное дело, вам нужна камера, чтобы понять, поселился ли он рядом с вашим домиком или же просто проходил мимо. Кстати говоря, бурые медведи как раз сейчас выходят из спячки, и они *голодные*. Установите камеру там, где нашли экскременты, или у самого дома.

– Значит, камера находится внутри этого скворечника?

– Этот скворечник, как вы его называете, защищает ее от ветра и осадков, а также от зверей. Вот это недорогая камера, самая простенькая. В нее встроена линза Френеля, фиксирующая инфракрасное излучение, незаметное для людей и животных. Как только объект появляется в зоне видимости, камера реагирует на исходящее от него тепло и автоматически включается.

Старик вполуха слушал их разговор, но его внимание привлекло кое-что другое, на телеэкране. Он не видел, что именно это было, но зеленый полумрак внезапно прорезал свет.

– Запись сохраняется на карте памяти, вмонтированной в камеру, ее потом можно воспроизвести на своем компьютере.

– Ну надо же, как далеко зашел прогресс!

– Минус в том, что вам необходимо приехать на место, чтобы проверить, произвела ли камера запись. Если вы приобретете вот эту модель, которая стоит чуть дороже, то каждый раз при включении камеры будете получать смс-уведомление. Есть и еще один вариант – вот эта супермодель, которая не только записывает изображение на карту памяти, но, кроме того,

отправляет его прямо на ваш телефон или электронный адрес. В этом случае ваше присутствие необходимо лишь изредка, чтобы поменять батарейки, а так можете спокойно сидеть в своей гостиной.

– А что, если медведь заявится ночью?

– У камеры есть светодиодные лампы. Это невидимый свет, который не спугнет зверя.

Свет. Теперь старик видел его. Яркий поток лился справа, сверху по течению. Он пробурлил толщу зеленой воды, попал на платье, и на какой-то ужасный миг старику показалось, что девушка в платье пробудилась к жизни и танцует от радости.

– Ну, это уже просто из области фантастики!

Старик изумленно открыл рот, когда увидел, как в кадре появляется космический корабль. Он светился изнутри и парил на расстоянии около полутора метров от речного дна, а потом наткнулся на большой камень и, как при замедленной съемке, начал вертеться вокруг него, а исходявшие спереди лучи света заскользили по дну и на мгновение ослепили старика, попав в линзу камеры. Толстая ветвь сосны поймала крутящийся автомобиль и остановила его. Старик слышал, как колотится сердце у него в груди. Автомобиль! В салоне горел свет, и он видел, что машина наполнилась водой почти до самого верха. В салоне кто-то был. Человек полусидел-полустоял на переднем сиденье, отчаянно стараясь дотянуться до воздуха, скопившегося под крышей. Одна из гнилых веток, удерживавших автомобиль, сломалась и уплыла вниз по течению.

– Правда, изображение будет не таким резким и отчетливым, как при дневном свете, да вдобавок еще и черно-белым. Но если линза не запотеет от росы и ничто не загородит обзор, то вы увидите своего медведя.

Старик затопал в попытке привлечь внимание Альфа. Казалось, человек в автомобиле сделал глубокий вдох и нырнул. Его короткие щетинистые волосы пошли волнами, а щеки раздулись. Он ударил обеими руками в боковое стекло, находившееся прямо напротив камеры, но вода, заполнившая салон автомобиля, ослабила силу удара. Старик уперся в подлокотники стула и попытался встать, но мышцы не желали его слушаться. Он отметил, что средний палец на руке мужчины в салоне автомобиля был серого цвета. Бедняга перестал наносить удары и прижался лбом к стеклу. Как будто сдался. Еще одна ветка сломалась, течение все тащило и тащило автомобиль, стараясь высвободить его, но сосна не желала отпускать свою добычу. Старик уставился на лицо, прижимавшееся к окну изнутри. Мужчина был уже не первой молодости. Выпученные голубые глаза. Шрам, прочертивший багровый полукруг от уголка рта до уха. Старик поднялся со стула и, пошатываясь, сделал два шага в сторону прилавка с фотоловушками.

– Простите, – тихо сказал зять покупателю. – Что случилось, папа?

Старик жестами указывал на телеэкран у себя за спиной.

– Правда? – недоверчиво произнес Альф и быстро прошествовал мимо тестя к телеэкрану. – Неужели рыба?

Старик помотал головой и повернулся к экрану. Автомобиль пропал. И все опять стало как раньше. Речное дно, мертвая сосна, платье, зеленый свет, струящийся сквозь лед. Как будто ничего и не случилось. Он снова топнул и показал на экран.

– Успокойся, папа. – Альф дружески похлопал его по плечу. – Еще рано для нереста. – И он вновь вернулся к фотоловушкам.

Старик смотрел на двух мужчин, стоявших к нему спиной, и чувствовал, как его сердце наполняют отчаяние и ярость. Как объяснить им, что он сейчас видел? Врач говорил, что при некоторых видах инсульта нарушается общая способность коммуницировать, в том числе письменно или жестами. Старик проковылял обратно к стулу и снова уселся. Он смотрел на бегущую без остановки реку. Невозмутимая. Равнодушная. Неизменная. И через пару минут он почувствовал, как сердце его успокаивается. Кто знает, может, на самом деле ничего и не было.

Вдруг это всего лишь следующий шаг в сторону полного мрака? Или же, в его случае, в сторону наполненного яркими красками мира галлюцинаций. Он посмотрел на платье. На мгновение, когда, как ему показалось, платье осветили фары автомобиля, бедняге привиделось, что это танцует Оливия. А за оконным стеклом в освещенной кабине автомобиля он разглядел лицо, которое видел раньше. Которое помнил. А единственными лицами, что он пока еще помнил, были лица тех, кого он видел здесь, в своем магазине. Этот мужчина заглядывал к ним дважды. Голубые глаза, багровый шрам. Оба раза он покупал фотоловушки. Совсем недавно сюда приходила полиция и спрашивала о нем. Старик мог бы рассказать, что тот мужчина высокий. И что у него особый взгляд. Взгляд человека, посвященного в тайну. Человека, который не принадлежал к жвачным животным.

Глава 2

Свейн Финне склонился над женщиной и положил руку на ее мокрый от пота лоб. Смотревшие на него снизу вверх глаза были широко распахнуты от боли. Или оттого, что она слишком громко кричала. Скорее второе, решил он.

– Ты боишься меня? – шепотом поинтересовался Финне.

Женщина кивнула и сглотнула. Он всегда считал ее красивой: когда смотрел, как она входит в дом и выходит из него, занимается в спортклубе, когда усаживался в метро напротив – чтобы она знала: он тут, рядом. Но она никогда не казалась ему более прекрасной, чем сейчас, лежащая здесь, абсолютно беспомощная, вся в его власти.

– Обещаю все сделать быстро, любовь моя, – прошептал он.

Женщина проглотила слезы. Как же она боится! Финне задумался, не поцеловать ли ее.

– Нож в живот, – продолжил он, – чик, и все кончится.

Она сжала веки, и из-под ресниц показались две прозрачные слезинки.

Свейн Финне тихо рассмеялся:

– Ты знала, что я приду. Ты знала, что я не смогу оставить тебя в покое. Я же обещал.

Он провел указательным пальцем по смеси пота и слез на ее щеке. Он видел ее глаз сквозь большую, зияющую в ладони, в крыле орла, дыру, которую оставила пуля тогда еще молодого полицейского. Свейна Финне осудили на двадцать лет за восемнадцать эпизодов сексуального домогательства, и он не отрицал самих действий, но выступал как против формулировки «домогательство», так и против того, что за подобные действия мужчину вроде него вообще необходимо наказывать. Но судьи и присяжные, очевидно, сочли, что законы Норвегии выше законов природы. Таково было их мнение.

Через кратер в ладони на Финне смотрел глаз женщины.

– Ты готова, любовь моя?

– Не называй меня так, – проскулила она, скорее умоляя, чем приказывая. – И не говори про нож...

Свейн Финне вздохнул. Ну откуда этот извечный страх? Нож, между прочим, первый инструмент, который появился у наших далеких предков, и у человечества было два с половиной миллиона лет, чтобы к нему привыкнуть, но кое-кто тем не менее до сих пор не способен разглядеть красоту в предмете, позволившем хомо сапиенс спуститься с деревьев. Охота, хозяйство, земледелие, пища, оборона. Нож забрал столько же жизней, сколько и спас. Одно невозможно без другого. Только тот, кто понимает это, осознает последствия принадлежности к роду человеческому, принимает свое происхождение, способен любить нож. Бояться и любить. Ведь это же две стороны одной медали.

Свейн Финне поднял глаза и посмотрел на готовые к употреблению ножи, разложенные на столе рядом с ними. Можно выбирать. Важно уметь выбрать подходящий инструмент для каждого вида работы. Эти ножи хороши для его цели, все они превосходного качества. Но ясное дело, им не хватает того, что Свейн Финне всегда искал в ноже. Личность. Дух. Магия. А ведь до того как высокий молодой полицейский с жесткими короткими волосами все испортил, у Свейна Финне имелась замечательная коллекция из двадцати шести экземпляров.

Самым красивым был нож с Явы – длинный, тонкий и асимметричный, этакая извивающаяся змея с рукояткой. Красота в чистом виде, ну прямо как у женщины. Возможно, такой нож не самый удобный в использовании, но зато обладает гипнотическим действием, присутствующим змеям и очаровательным женщинам, и заставляет людей делать именно то, чего ты от них хочешь. Самым эффективным орудием убийства в коллекции был нож рампури, излюбленное оружие индийской мафии. От него веяло холодом, словно он сделан из льда, и еще этот нож был завораживающе некрасив. Керамбит, имевший форму тигриного когтя, сочетал в

себе функциональность и красоту. Хотя его красота, возможно, и выглядела немного нарочито, как у слишком ярко накрашенной проститутки в слишком обтягивающем платье со слишком глубоким вырезом. Свейну Финне керамбит никогда не нравился. Он предпочитал невинные, девственные и по возможности простые инструменты вроде своего любимого пуукко – финского ножа. Рукоятка из дерева орехового цвета без всякой гарды, короткое лезвие с долом и загнутым вверх острым концом. Этот пуукко Свейн купил в Турку, а через пару дней воспользовался им, чтобы доходчиво объяснить сложившуюся ситуацию пухлой восемнадцатилетней девчужке по имени Маалин, которая совершенно одна работала на АЗС «Несте» неподалеку от Хельсинки. Уже тогда, как обычно в предвкушении секса, он начал слегка заикаться. Это не признак потери контроля над ситуацией, скорее наоборот, результат выброса адреналина. И еще подтверждение того факта, что, прожив на свете семьдесят семь лет, Свейн Финне по-прежнему полон сил. Ровно две с половиной минуты прошло с того момента, как он открыл дверь, и до того, как он вышел обратно на улицу. За это время Финне успел прижать Маалин к прилавку, содрать с нее штаны и оплодотворить девчонку, а затем взять ее удостоверение личности и переписать себе фамилию и адрес. Две с половиной минуты. Сколько секунд заняло само оплодотворение? Половой акт у шимпанзе длится в среднем восемь секунд, восемь секунд две обезьяны остаются совершенно незащищенными в мире, полном страшных хищников. Горилла, у которой меньше врагов в дикой природе, может растянуть удовольствие на минуту. Но дисциплинированный мужчина во вражеском стане должен принести удовольствие в жертву более высокой цели: репродукции. Поэтому точно так же как ограбление банка не должно превышать четырех минут, так и оплодотворение в общественном месте не должно длиться более двух с половиной. Эволюция докажет его правоту, это всего лишь вопрос времени.

Но здесь и сейчас они в безопасности. Кроме того, никакого оплодотворения не ожидалось. Нельзя сказать, что у Финне не было желания, оно было. Но сегодня у нее произойдет соитие с ножом. Нет никакого смысла в том, чтобы пытаться оплодотворить женщину, если в результате у нее не появится потомства. В этом случае дисциплинированный мужчина сохранит свое драгоценное семя.

– Мне можно называть тебя любимой, мы же помолвлены, – прошептал Свейн Финне.

Она смотрела на него черными от ужаса глазами. Невероятно черными, словно бы уже угасшими. Как будто в них больше не осталось света.

– Да, мы же помолвлены, – тихо засмеялся он, прижимаясь своими толстыми губами к ее, после чего автоматически вытер женщине рот рукавом фланелевой рубашки, чтобы не оставить там следов своей слюны. – Ну а теперь я сделаю то, что обещал... – сказал Свейн и резко провел зажатый в руке ножом между ее грудями вниз к животу.

Глава 3

Харри проснулся. Что-то явно было не так. Понятное дело, он скоро вспомнит, в чем именно заключается проблема, и несколько благословенных секунд неведения – это все, что у него есть, прежде чем кулак реальности нанесет ему безжалостный удар. Он открыл глаза и сразу пожалел об этом. Казалось, солнечный свет, который пробивался сквозь грязное, в подтеках окно, освещая маленькую пустую гостиную, беспрепятственно проник прямо к болезненной точке позади глаз. В поисках убежища Харри снова зажмурился. Он успел вспомнить, что ему снился сон. О Ракели, конечно же. Первую часть этого сна он видел неоднократно: было утро, много лет назад, вскоре после того, как они познакомились. Она лежала, положив голову ему на грудь, а Харри спросил, правда ли то, о чем все говорят: якобы у него нет сердца? И Ракель рассмеялась тем смехом, который он так любил. Чтобы вызвать у нее этот смех, он был готов совершать самые идиотские поступки. Ракель подняла голову, посмотрела на него теплыми карими глазами, унаследованными от матери-австрийки, и ответила, что люди правы, но это ничего – она отдаст ему половинку своего сердца. А ведь на самом деле все, считай, именно так и произошло. Сердце Ракели оказалось огромным, оно гоняло кровь по его телу, помогало ему оттаять, вновь делало его настоящим человеком. Любящим мужем. И заботливым отцом Олега, погруженного в себя серьезного парнишки, которого Харри со временем полюбил, как собственного сына. Харри был буквально на седьмом небе от счастья, и в то же время все это страшно его пугало. Он понимал, что это как-то неправильно, ведь он не создан для блаженства. И он до смерти боялся потерять Ракель. Потому что одна половинка сердца не может биться, если не бьется другая, это прекрасно известно всем, в том числе ему и Ракели. Но если Харри не может без нее жить, почему же он сбежал от нее в сегодняшнем сне?

Он толком не помнил, как это произошло, но Ракель явилась, чтобы потребовать назад свою половинку сердца, она услышала слабеющие удары сердца в груди Харри, нашла его и позвонила в дверь.

И занесенный кулак реальности настиг его. Вот она, жестокая правда жизни.

На самом деле он уже потерял Ракель.

И это не он сбежал, а она сама выгнала его.

Харри принялся хватать ртом воздух. В уши настойчиво проникал какой-то звук, и он понял, что голова его буквально разрывается от мигрени. Этот же самый звук ворвался, причинив боль, в его сон перед самым пробуждением. А ведь кто-то на самом деле звонит в дверь. И у него невольно опять появилась эта идиотская, мучительная, неослабевающая надежда.

Не открывая глаз, Харри протянул руку к бутылке виски, стоявшей на полу рядом с диваном, опрокинул ее и, услышав гроыхание катящегося по вытертому паркету сосуда, понял, что тот пуст. Он заставил себя открыть глаза и увидел руку, жадной клешней свисающую над полом, и титановый протез, заменяющий средний палец. Рука была в крови. Черт! Он понюхал пальцы, пытаясь вспомнить, чем закончился вчерашний вечер и присутствовали ли там женщины. Харри откинул одеяло и оглядел свое 193-сантиметровое тело – длинное, голое и тощее. Вот, пожалуйста, физические следы того, что он опустился на дно. Если и дальше вести такой образ жизни, то мышечная масса начнет уменьшаться неделя за неделей, а кожа, которая уже приобрела сероватый оттенок, побледнеет еще больше, он превратится в призрак и в конце концов исчезнет полностью. Но в этом-то и заключается весь смысл употребления алкоголя, разве нет?

Издав стон, Харри привел себя в сидячее положение и огляделся. Он вернулся туда, где находился перед тем, как снова стать человеком, только теперь стоял ступенькой ниже. Он не знал, ирония ли это судьбы или простое совпадение, но двухкомнатная сорокаметровая квартира его молодого коллеги из полиции, куда его сначала пустили пожить и которую он со вре-

менем снял, находилась этажом ниже той, где Харри обитал до того, как переехал в бревенчатую виллу Ракели в Хольменколлене. Поселившись здесь, Харри купил в «ИКЕЕ» раскладной диван. Этот самый диван, забитая виниловыми пластинками книжная полка в спальне, журнальный столик, зеркало, до сих пор прислоненное к стене гостиной, и комод в коридоре – вот и вся обстановка новой квартиры. Харри и сам толком не знал, почему не обустраивает жилье: то ли в силу инертности, то ли в глубине души надеется, что Ракель все-таки позовет его обратно.

Харри прислушался к себе: не надо ли ему проблеваться? М-да, вот вопрос. Похоже, за две недели организм постепенно адаптировался к яду и стал не только лучше переносить алкоголь, но и даже требовать увеличения дозы. Харри посмотрел вниз на пустую бутылку из-под виски, остановившуюся между его ступнями. «Питер Доусон спешал». Прямо скажем, не самый лучший выбор. То ли дело «Джим Бим»: прекрасный виски, да к тому же его выпускают в прямоугольных бутылках, которые никуда не укатятся. Но зато «Доусон» стоит дешево, а томимому жаждой алкоголику с зарплатой полицейского и пустым банковским счетом особо привередничать не приходится. Харри взглянул на часы. Без десяти четыре. До закрытия винных магазинов оставалось два часа десять минут.

Он сделал вдох и поднялся. Голова вот-вот взорвется. Он покачнулся, но устоял на ногах. Харри посмотрел на себя в зеркало и решил, что сильно смахивает на донную рыбу, которую вытащили на поверхность так быстро, что, казалось, глаза и внутренности вот-вот вывернутся наружу, да еще с такой силой, что прорвали ей крючком щеку, оставив серповидный розовый шрам от левого уголка рта до уха. Он пошарил под одеялом, но трусов не нашел, натянул лежавшие на полу джинсы и вышел в коридор. На неровном стекле входной двери вырисовывался темный силуэт.

«Это Ракель, она вернулась!» Точно так же он думал, когда в дверь позвонили в прошлый раз. Но тогда это оказался сотрудник энергетической компании «Хафслунд Стрём». Он обходил квартиры, предлагая жильцам заменить старые счетчики на новые, современные, которые измеряют расход электричества каждый час: дескать, очень удобно, всегда можно самому удостовериться, в какое время ты включал электроплиту или настольную лампу. Харри ответил, что плиты у него нет, а если бы даже и была, ему бы не хотелось, чтобы все вокруг знали, когда он пользуется ею, а когда нет. И выпроводил агента.

Но силуэт, который он видел сейчас, был женским. Ее рост, ее фигура. Интересно, как Ракель проникла в подъезд?

Он открыл дверь.

На пороге стояли две гостьи. Абсолютно незнакомая женщина и девочка, такая маленькая, что просто не доставала до стекла. Харри заметил кружку для сбора пожертвований и понял, что сначала они позвонили в домофон и кто-то из соседей впустил их в подъезд.

– Благотворительная акция по сбору средств на нужды Красного Креста, – сказала женщина. Поверх курток у них обеих были надеты оранжевые жилеты с соответствующей эмблемой.

– А я думал, она проводится осенью, – ответил Харри.

Женщина и девочка молча смотрели на него. Сначала он принял это за враждебность, как будто он обвинил их в обмане. Но потом понял, что это презрение, вызванное, возможно, тем, что он был кое-как одет и от него разило спиртом, и это в четыре часа дня. Кроме того, Харри не знал о благотворительной акции, проходящей, вероятно, по всей стране, о чем наверняка сообщали по телевидению.

Харри задумался, не испытывает ли он чувство стыда. Да, есть немного. Он засунул руку в карман брюк, где обычно хранил наличность, когда уходил в запой, зная по опыту, что банковскую карту в таких случаях лучше с собой не носить.

Он улыбнулся девочке, которая широко раскрытыми глазами смотрела на его окровавленную руку, опускающую свернутую купюру в щель опломбированной кружки. Перед тем как купюра исчезла в кружке, Харри заметил усы. Усы Эдварда Мунка¹.

– Черт! – воскликнул он, вновь опуская руку в карман. Пуст, как и его счет.

– Прошу прощения? – произнесла женщина.

– Я думал, это двести крон, но по ошибке дал вам тысячную купюру.

– Бывает.

– А можно... э-э-э... получить ее обратно?

Посетительницы молча переглянулись. Девочка осторожно подняла кружку повыше, чтобы ему лучше была видна пломба поверх логотипа благотворительной акции.

– Понятно, – прошептал Харри. – А как насчет сдачи?

Женщина улыбнулась, как будто слышала шутку, и он тут же улыбнулся в ответ, чтобы заверить ее, что она права, но его мозг отчаянно продолжал искать решение проблемы. Необходимо раздобыть 299 крон и 90 эре до шести часов. Или хотя бы 169 крон и 90 эре, этого хватит, чтобы приобрести маленькую бутылку.

– Утешайтесь тем, что ваши деньги пойдут нуждающимся, – сказала женщина и потянула девочку за собой в сторону лестницы и следующей квартиры.

Харри запер за ними дверь, прошел в кухню, смыл с руки кровь и почувствовал жгучую боль. Вернувшись в гостиную, он огляделся и заметил на пододеяльнике отпечаток кровавой ладони. Он опустился на четвереньки и достал из-под дивана мобильный телефон. Сообщений нет, только три пропущенных вчера вечером звонка: один от Бьёрна Хольма, криминалиста, родом из Тутена, и два от Александры, эксперта из Института судебной медицины. Они с Харри близко познакомились совсем недавно, после того как Ракель выгнала его из дома, и, судя по тому, что он помнил, Александра была не из тех дамочек, кто считает менструацию причиной для отмены секса.

В первый раз, когда она приволокла сюда его, пьяного, и они оба безуспешно шарили по его карманам в поиске ключей, Александра подозрительно быстро и ловко вскрыла замок, уложила Харри на диван и сама устроилась рядышком. А когда он проснулся, ее уже и след простыл, осталась только записка, в которой она благодарила его за прекрасную ночь. Так что это вполне могла быть кровь Александры.

Харри зажмурился и попробовал сосредоточиться. События последних недель вообще виделись ему как в тумане, а что касается вчерашнего вечера и минувшей ночи, то здесь его память не сохранила абсолютно ничего. Seriously, в голове была полная пустота. Он открыл глаза и посмотрел на правую руку, которая сильно болела. Кожа с костяшек трех пальцев ободрана, по краям ран запеклась кровь. Скорее всего, он кого-то ударил. А то, что пострадали три пальца, означало, что ударов было несколько. Теперь он заметил кровь и на брюках тоже. Много крови, столько не могло натесть из ран на руке. И она вряд ли была менструальной.

Харри вытряхнул одеяло из пододеяльника, одновременно набирая номер Бьёрна Хольма. В трубке раздались гудки, и Харри знал, что где-то там, вдалеке, звучит мелодия одной из песен Хэнка Уильямса², в которой, по утверждению Бьёрна, рассказывалось о криминалисте вроде него самого.

– Как делишки? – раздался добродушный тутенский говорок Бьёрна.

– Так себе, – ответил Харри, заходя в ванную. – Можешь одолжить мне триста крон?

– Сегодня воскресенье, Харри. Винные магазины закрыты.

¹ Норвежский художник Эдвард Мунк был изображен на купюре в 1000 норвежских крон старого образца. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. перев.*

² Уильямс Хэнк (1923–1953) – американский автор-исполнитель в стиле кантри.

– Воскресенье? – Харри выскользнул из брюк и запихал их вместе с пододеяльником в переполненную корзину с грязным бельем. – Черт бы его побрал.

– Еще что-нибудь?

– У меня пропущенный звонок: оказывается, ты звонил мне вчера около девяти вечера.

– Да, но ты не ответил.

– Угу. Судя по всему, мой телефон последние сутки пролежал под диваном. Я был в баре «Ревность».

– Так я и подумал, поэтому позвонил Эйстейну, и он сообщил мне, что ты там.

– И?..

– Ну и я тоже заявился туда. Ты что, серьезно – ничего не помнишь?

– Да что случилось, черт возьми?

Харри услышал, как его коллега вздохнул, и представил, как слегка выпученные рыбы глаза Бьёрна закатились на круглом и бледном, как луна, лице, обрамленном кепкой и самыми густыми рыжими бакенбардами во всем Полицейском управлении Осло.

– Что именно тебя интересует?

– Только то, что, по-твоему, мне следует знать, – произнес Харри, обнаруживший в корзине для белья кое-что интересное. Там среди грязных трусов и футболок торчало горлышко бутылки. Он рывком достал ее. «Джим Бим». Пустая. Или?.. Он открутил пробку, приставил горлышко ко рту и закинул голову назад.

– Хорошо, тогда слушай короткий отчет, – сказал Бьёрн. – Когда я прибыл в бар «Ревность» в четверть десятого, ты был пьян, а когда я в половине одиннадцатого повез тебя домой, ты мог связно говорить только на одну-единственную тему. Вернее, только об одном человеке. Угадай о ком.

Харри не ответил, он тряс бутылку, следя за каплей, стекающей вниз.

– О Ракели, – пояснил Бьёрн. – Ты с трудом добрался до машины, а потом я запер тебя в квартире, вот и все.

По скорости движения капли Харри понял, что у него еще много времени, и отнял бутылку ото рта.

– Мм... Правда?

– Это краткая версия.

– Мы дрались?

– Ты и я?

– Ясно. Судя по твоей реакции, дрался только я, причем явно не с тобой. А с кем?

– Ну, новый владелец «Ревности» точно получил затрещину.

– Всего одну? Я проснулся с тремя ободранными костяшками на руке, да и брюки у меня тоже в крови.

– Сперва ты стукнул Рингдала по носу, причем с такой силой, что брызнула кровь. После этого он уклонился, и ты попал в стену. Причем несколько раз подряд. Думаю, на стене остались твои кровавые следы.

– Неужели Рингдал не защищался?

– Решил не связываться. Честно говоря, Харри, ты так надрался, что твои действия не могли считаться оскорбительными. Нам с Эйстейном удалось остановить тебя до того, как ты нанес себе повреждения.

– Черт возьми, ничего не помню. А за что я бил Рингдала?

– Ну, одну-то затрещину этот тип точно заслужил. Он проиграл всю пластинку «White Ladder»³ и решил поставить ее сначала. Но тут ты принялся орать, что он разрушает добрую репутацию заведения, созданную, по твоему мнению, тобой, Эйстейном и Ракелью.

³ Четвертый музыкальный альбом британского певца и композитора Дэвида Грея; вышел в 1998 году.

– Но ведь так оно и есть! Этот бар был золотой жилой, Бьёрн. И Рингдал получил все хозяйство за бесценок, я потребовал лишь одного: он не станет крутить всякое дерьмо, а только настоящую музыку.

– То есть такую, которую выбрал ты?

– Которую выбрали мы, Бьёрн. Ты, я, Эйстейн, Мехмет... Никакого Дэвида Грэя, черт побери!

– Возможно, тебе надо было объяснить это более доходчиво... Ой, Харри, малыш заплакал.

– Да, конечно. Спасибо тебе, Бьёрн. И прости за вчерашнее. Черт, я сейчас выгляжу словно клоун. Все, отбой. Привет Катрине.

– Она на работе.

Харри дал отбой, и в тот же миг в голове у него словно бы взорвался фейерверк, и он, как при вспышке молнии, увидел какую-то картину. Правда, все произошло так быстро, что он не успел толком понять, что именно увидел, однако внезапно сердце его бешено заколотилось. Он сел и тяжело задыхался.

Харри смотрел на бутылку, которую по-прежнему держал вверх ногами. Виски вытек. Он взглянул вниз. Коричневая капля мерцала на грязном, некогда белом кафельном полу.

Харри вздохнул и, как был голый, скользнул на пол, ощутив коленями холод кафеля, высунул язык, втянул воздух и нагнулся вниз, лбом к плитке, словно бы для молитвы.

Харри широко шагал по улице Пилестреде. Ботинки «Доктор Мартенс» оставляли черные следы на тонком слое снега, выпавшего накануне ночью. Низкое весеннее солнце делало все, что было в его силах, чтобы растопить снег до того, как он осядет за фасадами старых домов, которые в этом районе насчитывали только четыре или пять этажей. Харри прислушивался к ритмичному звуку скребущих об асфальт камешков, набившихся в подошвы. Он шел мимо высоких современных жилых зданий, выросших на месте, где раньше находилась Государственная больница, в которой почти пятьдесят лет назад он родился. Харри взглянул на последний образчик уличного искусства на фасаде молодежного центра «Блиц», когда-то просто обшарпанного дома, оккупированного панками и превращенного ими в крепость. В юности Харри приходил сюда на концерты малоизвестных групп, хотя сам никогда не был неформалом. Он миновал паб «Рекс», где напивался до беспамятства в те времена, когда заведение еще носило другое название, поллитровка пива стоила гораздо дешевле, охранники были более сговорчивыми, а внутри правила бал джазовая тусовка. Но к ней он тоже не принадлежал. Как и к любимшей порассуждать о спасении души пастве из прихода «Филадельфия», что на другой стороне улицы. Харри миновал здание суда. Скольких преступников, которых он разоблачил, приговорили к наказанию в этих стенах? Много. Но недостаточно много. Потому что в ночных кошмарах к нему приходили не те, кого он поймал, а те, кто от него улизнул, а также их жертвы. И все же он изловил достаточно злоумышленников, для того чтобы сделать себе имя и создать репутацию. В целом неплохую, но безупречную. Ведь по вине Харри Холе, прямой или косвенной, несколько раз гибли его коллеги. Он добрался до района Грэнландслейре, где в далекие семидесятые годы моноэтнический Осло наконец-то встретился с миром или наоборот. Арабские рестораны, магазины с экзотическими овощами и специями из Карачи, сомалийские семьи, совершающие воскресные прогулки: женщины в хиджабах с колясками и идущие на три шага позади них, оживленно болтающие мужчины. Но Харри узнал несколько пабов, сохранившихся с тех времен, когда рабочий класс в Осло еще был белым. Он миновал церковь Грэнланда и направился в сторону стеклянного дворца в парке на вершине холма. Перед тем как толкнуть тяжелую входную дверь со странным окном-иллюминатором, он обернулся и посмотрел на Осло. Страшный и красивый. Холодный и теплый. Иногда он любил этот город,

а иногда ненавидел. Но он не мог покинуть его. Отдохнуть от него, уехать на время – да. Но не оставить навсегда. Харри не мог бросить родной город так, как Ракель бросила его самого.

Дежурный пропустил его через «шлюз», и в ожидании лифта Харри расстегнул куртку, хотя чувствовал, что уже вспотел. Когда перед ним распахнулись двери подъемника, он задрожал. Харри понял, что давняя фобия ожила: сегодня воспользоваться лифтом не получится. Он развернулся и пошел на шестой этаж по лестнице.

– На работе в воскресенье? – спросила Катрина Братт, поднимая голову от компьютера, когда Харри без приглашения зашел в ее кабинет.

– Как и ты. – Он присел на стул возле ее письменного стола.

Их взгляды встретились.

Харри закрыл глаза, откинул голову назад и вытянул свои длинные ноги, достававшие до края стола. Стол переехал сюда вместе с Катриной, когда она получила должность Гуннара Хагена. Она перекрасила стены в более светлый цвет и отциклевала полы, в остальном же кабинет начальника отдела не изменился. И несмотря на то что Катрина Братт была новоиспеченным начальником отдела по расследованию убийств, замужней дамой и молодой матерью, Харри по-прежнему видел перед собой темноглазую диковатую девчушку, перешедшую в Осло из Полицейского управления Бергена. Она приехала в столицу, имея четко составленный план, умненькая, с красивым серьезным личиком и фигуркой настолько соблазнительной, что это опровергало расхожую шутку о том, что в Бергене вообще нет женского пола, и приковывало к себе взгляды коллег. Ей же самой приглянулся только Харри, и на то имелись самые банальные парадоксальные причины. Его дурная слава. То, что он уже был занят. И то, что он смотрел на Катрину исключительно как на коллегу.

– Возможно, я ошибаюсь, – зевнул Харри, – но по телефону мне показалось, что твой тутенец наслаждается декретным отпуском.

– Это правда, – кивнула Катрина и застучала по клавишам. – А ты как? Тоже наслаждаешься?

– Чем? Отпуском от жены?

– Я имела в виду – возвращением в отдел убийств.

Харри открыл один глаз:

– И заданиями на уровне низшего полицейского звена?

Катрина вздохнула:

– Это лучшее, что мы с Гуннаром могли сделать в сложившейся ситуации, Харри. А ты, интересно, чего ожидал?

Харри позволил себе одним глазом оглядеть офис, пока раздумывал, чего же именно ожидал. Что кабинет Катрины приобретет какие-то женские особенности? Что самому Харри вновь предоставят ту же свободу действий, какая была у него до того, как он сбежал с должности следователя и стал преподавать в Полицейской академии, женился на Ракели и попытался вести спокойную и трезвую жизнь? Конечно, это было попросту невозможно. Катрина с благословения Гуннара Хагена и с помощью Бьёрна буквально вытащила Харри из сточной канавы, пристроив его на это место и дав ему шанс вновь подняться, повод думать о чем-то еще, кроме Ракели, не упитаться до смерти. Харри, между прочим, добровольно согласился сидеть тут, перебирать бумажки и пересматривать старые дела, а это свидетельствовало о том, что он скатился даже еще ниже, чем, по его мнению, в принципе было возможно. Хотя опыт подсказывал, что всегда есть куда падать дальше. Он кашлянул:

– Можешь одолжить мне пятьсот крон?

– Ну вот, этого еще не хватало! – Катрина в отчаянии посмотрела на него. – Харри, так вот почему ты сюда пришел? Неужели тебе мало вчерашнего?

– Кстати, о вчерашнем, – ответил Харри. – Признайся, это ты послала Бьёрна в «Ревность», чтобы он отвез меня домой?

– Нет.

– Как же тогда он меня нашел?

– Всем известно, где ты тусуешься по вечерам, Харри. Многие считают это забавным: ходить именно в тот бар, который ты только что продал.

– Новые хозяева обычно опасаются отказывать в обслуживании бывшим владельцам заведения.

– До вчерашнего дня, может, так оно и было. Но, как утверждает Бьёрн, Рингдал, выпроваживая тебя вчера из «Ревности», заявил, что тебе пожизненно запрещен вход в его бар.

– Правда? Ни хрена не помню.

– Давай я немного помогу тебе освежить память. Ты подбивал Бьёрна составить заявление в полицию – хотел привлечь Рингдала за музыку, которую играют в баре, а после этого пытался позвонить Ракели и поговорить с ней разумно. С телефона Бьёрна, потому что свой ты оставил дома, а главное – сомневался, что она ответит, если увидит твой номер.

– О господи! – простонал Харри, пряча в руках лицо и массируя при этом лоб.

– Я рассказываю все это не из вредности, а чтобы показать тебе, что происходит, когда ты пьешь, Харри.

– Бшоепсибо. – Харри сложил руки на животе. Он заметил, что на краешке письменного стола лежит двухсотенная купюра.

– Маловато, чтобы нажраться в дрова, – сказала Катрина, проследив за его взглядом. – Но вполне достаточно, чтобы заснуть. Потому что это как раз то, что тебе надо. Сон.

Харри посмотрел на нее. Взгляд Катрины с годами стал мягче, она больше не была той злой девчонкой, которая хотела отомстить всему миру. Возможно, это произошло потому, что теперь на ней лежала ответственность за других людей – за сотрудников отдела и за девятилетнего сынишку. Да, материнский инстинкт наверняка может сделать человека более мягким и заботливым. Харри вспомнил, как полтора года назад они расследовали дело вампириста. Когда Ракель положили в больницу, а он напился, сердобольная Катрина подобрала его и привезла в свою квартиру. Она позволила ему сперва проблеваться в чистой ванне, а затем несколько часов проспать мертвецким сном в их с Бьёрном постели.

– Нет, – возразил Харри. – Сон мне не нужен, мне нужно заняться делом.

– Работай на здоровье...

– Я имел в виду дело Финне.

Катрина вздохнула:

– Такого дела у нас в производстве нет. В тех убийствах, о которых ты толкуешь, ничто не указывает на него. И как я уже говорила, по ним работает достаточное количество людей.

– Три убийства. Три нераскрытых убийства. И ты отмахиваешься от помощи человека, который действительно может доказать то, что мы с тобой и так знаем, а именно: что все эти убийства совершил Финне!

– У тебя же есть свое дело, Харри. Раскрой преступление, которое тебе поручили, а мне позволь руководить отделом.

– Да там и раскрывать-то нечего. Муж убил жену и уже добровольно во всем сознался. И мотив у нас есть, и улики налицо.

– Он может в любой момент отказаться от чистосердечного признания, и тогда нам потребуются больше доказательств.

– Такое дело ты вполне могла поручить Виллеру, Скарре или вообще кому-нибудь из стажеров. Ну подумай сама: Финне опасный преступник, сексуальный маньяк и серийный убийца. А я, черт возьми, единственный следователь, обладающий специальными знаниями именно в этой области.

– Нет, Харри! Это мое последнее слово.

– Но почему?

– Почему? Да только посмотри на себя! Неужели если бы ты руководил отделом убийств, то послал бы пьющего, психически нестабильного полицейского в Копенгаген и Стокгольм к нашим и так уже скептически настроенным коллегам, которые считают, что за убийствами в их городах стоят *разные* люди? Не обижайся, но тебе везде мерещатся серийные убийства, потому что твой мозг попросту на них заиклился.

– Может, ты и права, но это точно Финне. Сейчас объясню...

– Не желаю ничего слушать! Ты должен избавиться от этих навязчивых мыслей, Харри.

– От навязчивых мыслей?

– Бьёрн говорит, что ты всегда болтаешь о Финне, когда хлебнешь лишнего, утверждаешь, что должен поймать его до того, как он поймают тебя.

– Когда *хлебну лишнего*? Ты хочешь сказать: когда я *нажрусь в хлам*? Ну ладно. – Харри придвинул к себе двести крон и опустил купюру в карман брюк. – Хорошего воскресенья.

– Ну и куда, интересно, ты собрался?

– Туда, где смогу насладиться выходным.

– У тебя в подошвы набились камешки, так что, будь любезен, поднимай ноги, когда идешь по моему паркету.

Харри мчался по Грёнландслейре в сторону «Олимпии» и «Пигаль». Не самые его любимые питейные заведения, но они находились ближе всего. На главной улице этого района было так мало машин, что он спокойно перешел дорогу на красный свет, проверяя при этом мобильный. Он раздумывал, не перезвонить ли Александре, но отогнал от себя эту мысль. Лучше побережь нервы. Заглянув в телефон, Харри увидел, что вчера в промежутке между шестью и восемью часами вечера шесть раз звонил Ракели. Он содрогнулся, заметив на дисплее надпись «неотвеченные вызовы». Иногда язык технологий бывает безжалостно точным.

Едва ступив на тротуар на другой стороне улицы, Харри ощутил резкую боль в груди. Сердце вдруг бешено заколотилось, как будто сломалась рессора, контролирующая его скорость. Неужели инфаркт? И только он успел испугаться, как боль исчезла. Хотя, пожалуй, это был бы не худший исход. Укол в сердце, падение на колени – прямо лбом об асфальт. *The End*⁴. Еще несколько дней употребления алкоголя в таком же темпе – и этот сценарий станет вполне реалистичным. Харри пошел дальше. И вновь вспышка молнии: сейчас перед ним промелькнуло больше, чем утром, но видение вновь ускользнуло, как сон при пробуждении.

Харри остановился перед дверью «Олимпии» и заглянул внутрь. То, что несколько лет назад было одним из худших притонов Осло, подверглось основательному ремонту. Настолько основательному, что Харри замешкался. У заведения появилась иная клиентура: смесь хипстеров и хорошо одетых парочек, а также семьи с маленькими детьми, испытывающие постоянную нехватку времени, но имеющие достаточно средств, чтобы пообедать в воскресенье в ресторане.

Харри осторожно засунул руку в карман и нащупал двести крон и кое-что еще. Ключ. Не его собственный, а от квартиры на улице Борггата в районе Тейен, той самой, где муж убил жену. Он точно не знал, зачем попросил ключ, ведь преступление было уже раскрыто. По крайней мере, он мог в полном одиночестве осмотреть место происшествия. Да, в полном одиночестве, поскольку его так называемый напарник, второй следователь, работающий по этому делу, Трульс Бернтсен, даже пальцем не пошевелит. Трульс Бернтсен оказался в отделе убийств, мягко выражаясь, не на основании собственных заслуг, а благодаря своему другу детства, бывшему начальнику Полицейского управления Осло, а ныне министру юстиции Микаэлю Бельману. Толку от Бернтсена не было абсолютно никакого, и между Катриной и Трульсом существовало молчаливое соглашение: ему не поручали оперативную работу и использовали

⁴ Конец (англ.).

в основном на подхвате. Он варил для всех кофе и коротал время, раскладывая на компьютере пасьянс и играя в тетрис. Кофе Трульс варить толком так и не научился, а вот в тетрисе так поднаторел, что в последнее время стал периодически обыгрывать Харри. По правде говоря, Харри с Трульсом, сидящие в дальнем конце офиса и разделенные полутораметровой старой ширмой на колесиках, представляли собой печальное зрелище.

Харри еще раз заглянул в заведение. Он увидел прямо у окна свободную кабинку, рядом расположилась семья с детьми. В этот же миг маленький мальчик за столом заметил его, засмеялся и показал на Харри пальцем. Отец, сидевший спиной к окну, повернулся, и Харри автоматически сделал шаг назад, во мрак. Оттуда он увидел свое бледное, морщинистое лицо, отразившееся в стекле и слившееся с лицом мальчика в ресторане. И невольно вспомнил собственное детство. Летние каникулы, семейный обед в Румсдалене. Родители обеспокоены тем, что дед напился. А маленький Харри весело смеется над пьяным дедушкой.

Харри пощупал ключи. Отсюда до улицы Борггата пять-шесть минут пешком.

Он достал телефон, посмотрел на список вызовов и набрал номер. Ждал ответа, изучая костяшки на правой руке. Боль поутихла, значит он бил не слишком сильно. Но с другой стороны, понятно, что кровь из девственного носа любителя Дэвида Грэя хлынула довольно быстро.

– Да, Харри?

– Похоже, я не вовремя?

– Я обедаю.

– Хорошо, буду краток. Можешь приехать и встретиться со мной после обеда?

– Нет.

– Ответ неверный, попробуй еще раз.

– Да?

– В точку. Улица Борггата, пять. Позвони, когда подъедешь, я спущусь и открою тебе.

Харри услышал, как глубоко вздохнул Столе Эуне, его старый друг и штатный эксперт-психолог отдела убийств.

– Ты хочешь сказать, что это не приглашение в бар, за посещение которого мне придется заплатить из собственного кармана, и что ты действительно трезв?

– Разве я когда-нибудь позволял тебе платить? – Харри вытащил пачку «Кэмела». – Или я что-то забыл?

– Да нет, обычно ты и по счету всегда платил, и помнил все прекрасно. Но алкоголь вот сожрет как твои финансы, так и память, ты об этом знаешь?

– Ладно, давай лучше о деле. Речь идет о бытовом убийстве. Муж взял нож и...

– Да-да, я в курсе.

Харри зажал губами сигарету.

– Так ты приедешь?

Последовал еще один глубокий вздох.

– Ну, если это на несколько часов удержит тебя на расстоянии от бутылки...

– Великолепно, – заключил Харри, дал отбой, опустил телефон в карман куртки, щелкнул зажигалкой и сделал глубокую затяжку.

Харри стоял спиной к закрытой входной двери бара. Он мог успеть выпить кружку пива и добраться до улицы Борггата раньше Эуне. На улицу просочились звуки музыки. Признание в любви при помощи автотюнера. Он выбежал на дорогу, жестом извинившись перед водителем затормозившей машины.

Фасад старого дома для рабочих семей на улице Борггата скрывал новые квартиры со светлыми комнатами, кухнями, объединенными с гостиными, современными ванными и балконами, выходящими во двор. Харри считал это предупреждением: скоро и Тейен отремонти-

руют, цена за квадратный метр вырастет, в квартиры въедут новые жильцы, социальный статус района изменится. Продовольственные магазины и маленькие кафешки иммигрантов уступят место спортклубам и хипстерским ресторанам.

Казалось, что психолог, сидящий на одном из двух венских стульев, которые Харри выставил на середину комнаты, чувствует себя неуютно. Харри полагал, что это вызвано несоответственностью хрупкого стула и весьма упитанного тела Столе Эуне, а также тем, что его маленькие круглые очки запотели, после того как он против своей воли не поехал на лифте, а вместе с Харри поднялся на третий этаж по лестнице. Или же лужей засохшей крови, которая черной восковой печатью лежала между ними. Однажды во время летних каникул, когда Харри был маленьким, дедушка сказал ему, что деньги есть нельзя. Харри поднялся в свою комнату, достал пять крон, которые ему дал дед, и попробовал их съесть. Он помнил холодок на зубах, запах металла и сладковатый привкус. Это походило на кровь, которую он высасывал из своих царапин. Или на запах, царивший на местах преступлений, куда он попадет позже, даже если кровь там уже высохла. Как в этой комнате, где они находились сейчас. Монета. Кровавые деньги.

– Нож, – сказал Столе Эуне, засунув ладони под мышки, как будто боялся, что кто-нибудь их украдет. – Знаешь, а в мысли о ноже что-то есть. Холодная сталь, проходящая через кожу внутрь твоего тела. Это меня будоражит, говоря молодежным языком.

Харри не ответил. Сотрудники их отдела пользовались консультациями Эуне в делах об убийствах уже столько лет, что Харри не мог с точностью сказать, в какой именно момент он начал считать этого человека, бывшего на десять лет старше его, своим другом. Но он знал штатного психолога достаточно хорошо, чтобы понимать: тот кокетничает, делая вид, будто бы не знает, что слово «будоражить» старше их обоих. Эуне любил строить из себя пожилого консервативного человека, оторванного от духа времени, которому так старались соответствовать его коллеги в надежде, что к ним будут относиться как к «адекватным» людям. Чего только стоят высказывания Эуне в прессе и профессиональных кругах! «Психология и религия, – заявлял он, – похожи тем, что в общем и целом дают людям ответы, которые они ищут. Там, во мгле, куда еще не проник свет науки, у психологов и священников развязаны руки. И если бы все они придерживались только достоверных фактов, то мигом остались бы без работы».

– Значит, это здесь отец семейства ударил жену ножом... сколько раз?

– Тринадцать, – сказал Харри, оглядываясь.

На стене прямо перед ними висела в рамке черно-белая фотография с видом Манхэттена: он узнал небоскреб Крайслер-билдинг в центре. Вполне возможно, ее приобрели в «ИКЕЕ». Ну и что из этого? Хороший снимок. Если тебя не смущает, что у многих людей есть точно такой же и что кто-нибудь из гостей наверняка презрительно поморщится – не потому, что фотография плоха, а потому, что она из «ИКЕИ», – то ее стоит купить. Главное, чтобы тебе самому нравилось. Помнится, Харри привел эти аргументы в разговоре с Ракелью, когда она положила глаз на стоявшую аж 80 000 крон авторскую фотографию Турбьёрна Редланда⁵: крутой поворот на Голливудских холмах и стоящий поперек узкой дороги белый длинный лимузин. Ракель безоговорочно согласилась с Харри. И это вызвало у него такое глубокое удовлетворение, что он купил ей эту красоту. Вовсе не потому, что разгадал маневр жены, но потому, что в глубине души не мог не признать: это фото и впрямь намного круче.

– Убийца явно действовал в состоянии аффекта, – заключил Эуне, застегивая пуговицу на рубашке в том месте, где обычно носил галстук-бабочку с забавным узором, напоминающим желтые звезды на флаге Евросоюза.

В одной из соседних квартир заплакал ребенок.

Харри стряхнул пепел с сигареты.

⁵ Редланд Турбьёрн (р. 1970) – знаменитый норвежский фотограф и художник.

- Он говорит, что не помнит в подробностях, как ее убивал.
- Вытесненные воспоминания. Надо было мне провести с ним сеанс гипноза.
- Не знал, что ты этим занимаешься.
- Гипнозом? А как, по-твоему, я женился?
- Ну, здесь этого не требовалось, улики и без того достаточно. Эксперты установили, что, когда супруги находились в гостиной, муж подошел к жене сзади и нанес ей первый удар, вонзив нож прямо в почку. Возможно, поэтому соседи не слышали криков.
- Вот как?
- Ну да, в таких случаях жертву буквально парализует от боли: она не может кричать, почти мгновенно теряет сознание и умирает. Кстати, любопытное совпадение: это любимый метод профессиональных киллеров и спецангентов – так называемое тихое убийство.
- Да? А как насчет старого доброго способа – подойти сзади, одной рукой закрыть жертве рот, а второй – перерезать горло?
- Он безнадежно устарел, да к тому же никогда и не был особенно хорош, поскольку требует великолепной координации и точности удара. Солдаты на удивление часто режут собственную руку, которой зажимают рот жертве.
- Эуне скривился:
- Только не говори мне, что наш преступник – бывший спецангент.
- Очевидно, что он попал в почку чисто случайно. Ничто не указывает на то, что у него имелось намерение скрыть убийство.
- Намерение? Ты считаешь, что убийство было спланированным, а не импульсивным?
- Харри пожал плечами:
- Их дочери не было дома, она была на пробежке. Отец позвонил в полицию, не дожидаясь ее возвращения, так что мы подъехали к дому и остановили девушку до того, как она вошла в квартиру и увидела труп матери.
- Какая забота!
- Да, его все считают заботливым. – Харри еще раз стряхнул пепел, и он полетел прямо на пятно высохшей крови.
- Может, стоит взять пепельницу, Харри?
- Не беспокойся, криминалисты здесь уже все закончили.
- Ладно. А каков мотив убийства?
- Мотив самый классический. В телефоне мужа села батарейка, и он воспользовался мобильным жены, не поставив ее в известность. При этом случайно обнаружил эсэмэску, которая показалась ему подозрительной, и решил проверить всю переписку. Выяснилось, что у супруги есть любовник, причем их отношения продолжаются уже полгода.
- Он поговорил с любовником?
- Нет. Мы проверили телефон, установили личность любовника и связались с ним. Молодой человек чуть старше двадцати, на пятнадцать лет моложе убитой. Он подтвердил их связь.
- Что насчет убийцы?
- Он получил хорошее образование, работал в солидной фирме, финансовых проблем не имел, в поле зрения полиции никогда не попадал. Родственники, коллеги, друзья и соседи описывают его как человека открытого, доброжелательного и надежного. И, как ты заметил, заботливого. Цитирую: «Готов пожертвовать всем ради семьи». – Харри глубоко затянулся сигаретой.
- Ты обратился ко мне, потому что тебя что-то смущает? Какие-то нестыковки?
- Харри выпустил дым через нос.
- Да нет, все улики налицо, плюс имеется чистосердечное признание. Дело элементарное, именно поэтому Катрина и передала его мне. Вернее, нам с Трульсом Бернтсеном. – Уголки рта Харри дернулись, будто он хотел улыбнуться.

У семьи есть деньги, но они решают жить в Тейене, в дешевом иммигрантском районе, и покупают предметы искусства в «ИКЕЕ». Почему? Возможно, им просто нравилось здесь. Харри вот нравилось в Тейене. И вполне возможно, фотография на стене оригинальная и теперь стоит целое состояние.

– Значит, ты интересуешься, потому что...

– Потому что я хочу понять, – сказал Харри.

– Ты хочешь понять, почему муж убивает жену, которая за его спиной завела шашни?

– Обычно на убийство обманутого супруга толкает перспектива оказаться униженным в глазах других. А в данном случае, судя по допросам любовника, эти двое держали свой роман в строгом секрете, да и к тому же он явно шел к концу.

– И что, жена не успела сообщить об этом мужу до того, как он ее ударил?

– Успела, но он заявил, что не поверил ей и что она в любом случае предала семью.

– Вот видишь. Мужчине, который постоянно жертвовал всем ради семьи, такое предательство кажется очень серьезным преступлением. Он унижен, а когда подобное унижение пробирается вглубь нас, оно может заставить нас убивать.

– Всех?

Эуне, прищурившись, разглядывал книжные полки рядом с фотографией Манхэттена.

– У них тут художественная литература.

– Да, я видел, – кивнул Харри. У Эуне имелась теория о том, что убийцы не читают, а если и читают, то только специальную литературу.

– Ты знаешь, кто такой Пол Маттиуцци?

– Не-а.

– Психолог, специалист по убийствам и насилию. Он оперирует восемью основными типами убийц. К семи первым категориям мы с тобой точно не относимся. А вот что касается восьмой, которую он называет «травматической»... Убийство может стать ответной реакцией в случае посягательства на нашу идентичность. Мы воспринимаем это нападение как обиду, да, просто невыносимую обиду. И полагаем, что если не ответим адекватным образом, то станем беспомощными, бессильными, утратим мужество, а наше существование лишится основы. Так что предательство, безусловно, может послужить веским мотивом. В восьмой категории есть место для каждого из нас.

– Так уж и для каждого?

– У «травматического» убийцы отсутствуют определяющие черты личности, имеющиеся у тех, кто принадлежит к семи первым типам. Именно среди этих преступников, и только среди них, можно встретить людей, читающих Диккенса и Бальзака. – Эуне сделал глубокий вдох и подтянул рукава твидового пиджака. – Так что тебя, собственно, интересует, Харри? Может, спросишь уже прямо?

– В каком смысле?

– Тебе известно об убийцах больше, чем всем другим моим знакомым. Ничто из сказанного мною сейчас для тебя не ново.

Харри пожал плечами:

– Может быть, мне надо, чтобы кто-нибудь произнес все это вслух, чтобы я смог в это поверить.

– И во что же именно ты не веришь?

Харри почесал коротко стриженные, упрямо топорщившиеся белокурые волосы, на которых начал уже появляться налет седины. Ракель сказала, что он становится похожим на ежика.

– Не знаю.

– Может быть, все дело в твоем самолюбии, Харри?

– Каким это образом?

– Разве не очевидно? Тебе дали дело, которое кто-то уже раскрыл. Теперь ты хочешь отыскать что-нибудь этакое, что посеет сомнение, докажет: Харри Холм видит то, чего не заметил никто другой.

– А даже если и так? – сказал Харри, разглядывая огонек сигареты. – Вдруг я и впрямь родился с великим талантом следователя и у меня постепенно развились инстинкты, которые я сам не в силах проанализировать?

– Надеюсь, ты сейчас шутишь.

– Вроде того. Я изучил протоколы допросов. Муж, судя по его ответам, похоже, и впрямь пережил серьезную травму. Но потом я прослушал записи. – Харри смотрел прямо перед собой.

– И что?

– Возникает ощущение, что он скорее испугался, а не смирился. Признание – это смирение. Потом бояться уже больше нечего.

– Но ведь еще грянет наказание.

– Для него наказание уже наступило. Унижение. Боль. Шутка ли – увидеть, как любимый человек погиб от твоей руки. А тюрьма – это изоляция. Тишина. Рутинка. Покой. Она должна восприниматься как облегчение. Возможно, причина в дочери, и он беспокоится о ней.

– Или о том, что после смерти будет гореть в аду.

– Он и так уже горит.

Эуне вздохнул:

– Я повторю свой вопрос: чего ты, собственно, хочешь?

– Я хочу, чтобы ты позвонил Ракели и объяснил, что она должна вернуться ко мне.

Столе Эуне широко распахнул глаза.

– А вот это была шутка, – сказал Харри. – На самом деле я хочу проконсультироваться со специалистом. У меня сегодня случилось учащенное сердцебиение и приступ страха. Нет, не так... Мне снилось... что-то. Я не могу разглядеть, что это, но сон без конца возвращается.

– Наконец-то легкий вопрос, – произнес Эуне. – Интоксикация организма. Психология – это наука, которая не опирается на солидную фактическую базу, но что касается корреляции между приемом дурманящих веществ и ментальными расстройствами, то тут многое доказано. Как долго это продолжается?

Харри посмотрел на часы:

– Два с половиной часа.

Столе Эуне глухо рассмеялся:

– Ясно, ты решил поговорить со мной для очистки совести, чтобы убедить себя, что пытался обратиться за медицинской помощью, а затем со спокойной душой вернуться к самолечению?

– Это не обычные видения, – сказал Харри. – Не призраки из прошлого.

– Потому что призраки приходят по ночам?

– Да. И они не прячутся. Я вижу их и узнаю. Жертвы, погибшие коллеги, убийцы. Но это что-то другое.

– Не представляешь, что это может быть?

Харри хмыкнул и попытался сформулировать:

– Ну... запертый человек. Он похож на... – Харри наклонился вперед и потушил сигарету в луже крови.

– На Свейна «Жениха» Финне, – закончил за него фразу Эуне.

Харри взглянул на него, приподняв бровь:

– Почему ты так решил?

– Поговаривают, ты считаешь, будто бы он ищет тебя.

– Ясно, ты беседовал с Катриной.

- Она переживает за тебя и хотела услышать мнение специалиста.
- И что ты ей ответил?
- Я заявил, что как психолог недостаточно дистанцирован от тебя. Но паранойя абсолютно точно коррелирует со злоупотреблением алкоголем.
- Но, Столе, ведь именно я в конце концов засадил этого типа в тюрьму. Это было мое первое дело. Его осудили на двадцать лет за сексуальные домогательства и убийство.
- Ты просто сделал свою работу. У Финне нет причин испытывать к тебе личную неприязнь.
- Он сознался в нападениях, но считал себя невиновным в убийстве. Финне уверен, что мы сфабриковали доказательства. Я навещал его в тюрьме два года назад, чтобы выяснить, может ли он помочь нам с делом вампириста. Под конец этот тип назвал мне точную дату своего освобождения. А потом спросил, в безопасности ли живем я и моя семья.
- Ракель знала об этом?
- Да. Под Новый год я обнаружил отпечаток сапога на снегу напротив окна нашей кухни и установил фотоловушку.
- Но это ведь мог быть кто угодно, Харри. Например, заблудившийся человек.
- На частной территории, обнесенной забором с воротами и пятидесятиметровым подъездом к дому, крутым и обледеневшим?
- Погоди-ка, при чем тут Новый год? А разве ты съехал от Ракели не в Рождество?
- Вроде того. – Харри отогнал рукой дым.
- И после этого ты заходил в лес на частной территории? А Ракель об этом знала?
- Нет. Не бойся, я не из тех, кто не дает проходу своим бывшим. Просто Ракель была очень напугана, и я захотел удостовериться, что у нее все в порядке. Оказалось, что нет.
- Значит, она и о фотоловушке не знала?
- Харри пожал плечами.
- А теперь вопрос на засыпку: ты уверен, что фотоловушка предназначалась для Финне?
- Хочешь сказать, я решил проверить, не ходят ли к моей бывшей любовники?
- А разве это не так?
- Нет, – отрубил Харри. – Если Ракель разлюбила меня, она вольна встречаться с кем угодно.
- Сам-то ты в это веришь?
- Харри вздохнул.
- Хорошо, – сказал Эуне. – Стало быть, у тебя случилось видение: внезапная вспышка осветила сидящего взаперти человека, похожего на Финне.
- Нет, этого я не говорил. Там был не Финне.
- А кто?
- Ну... я сам.
- Столе Эуне провел рукой по жидким волосам.
- И теперь ты хочешь, чтобы я поставил тебе диагноз?
- Давай. Патологический страх?
- Я думаю, твой мозг ищет причину, по которой Ракель должна нуждаться в тебе. Например, для защиты от внешних врагов. Но ты не заперт в клетке, Харри, ты снаружи, на свободе. Смирись уже с потерей жены и двигайся дальше.
- А помимо этого «смирись» ты можешь прописать мне какое-нибудь лекарство?
- Я дам тебе целых три рекомендации. Сон. Физические нагрузки. И пожалуй, тебе стоит попробовать познакомиться с кем-нибудь, кто отвлечет твои мысли от Ракели.
- Харри засунул в рот сигарету и поднял вверх сжатый кулак.
- Пункт первый: сон. – Он разогнул большой палец. – Я каждый вечер напиваюсь до беспамятства и потом дрыхну как убитый. Далее: физические нагрузки. – Указательный палец

взлетел вверх. — Я дерусь с людьми в барах, которые когда-то принадлежали мне. И наконец, новые знакомства. — Теперь поднялся серый титановый палец. — Я регулярно трахаюсь с женщинами, как с красивыми, так и со страшенькими, а потом с некоторыми из них даже веду умные беседы. Вот так-то.

Эуне посмотрел на Харри, потом тяжело вздохнул, поднялся и застегнул твидовый пиджак.

— Ну, в таком случае все будет хорошо.

После ухода Эуне Харри некоторое время просто сидел и смотрел в окно. Затем он поднялся и прошелся по квартире. Супружеская спальня была чисто убрана, пол вымыт, кровать застлана. Он заглянул в платяные шкафы. Гардероб жены занимал четыре просторных шкафа, одежда мужа уместилась всего в одном. Заботливый супруг. На обоях в спальне дочери виднелись прямоугольники более яркого цвета. Харри подумал, что, когда она была подростком, на этих местах висели плакаты, которые хозяйка комнаты теперь сняла: девушке как-никак уже исполнилось девятнадцать лет. На стене осталась лишь одна-единственная небольшая фотография: парень с электрогитарой «Рикенбекер» на шее.

Харри осмотрел небольшую коллекцию музыкальных дисков на зеркальной полочке.

«Propagandhi». «Into It». «Over It». «My Heart to Joy». «Panic! At the Disco». Всякие эмотички.

Поэтому Харри удивился, когда завел оставленную в проигрывателе виниловую пластинку. Он услышал мягкие звуки, напоминающие ранние вещи «Бердс»⁶. На первый взгляд это напоминало игру на двенадцатиструнной гитаре в стиле Роджера Макгуинна, однако Харри быстро сообразил, что слушает значительно более позднее произведение. Не имело значения, сколько усилителей и старых микрофонов «Нойман» использовали музыканты, стилизация под ретрозвучание никогда никого не могла обмануть, да и, кроме всего прочего, вокалист пел с явным норвежским акцентом, причем, судя по всему, он больше слушал записи Тома Йорка и «Radiohead» 1995 года, а не Джина Кларка и Дэвида Кросби 1965-го. Харри скользнул взглядом по обложке пластинки, лежавшей рядом с проигрывателем, и отметил, что у всех музыкантов норвежские имена. А потом он увидел на полу возле шкафа пару кроссовок «Адидас» той же модели, что и у него самого. Пару лет назад он пытался купить новую пару этой модели, но к тому времени ее уже сняли с производства. Из протоколов допросов Харри помнил, что и дочь, и отец оба утверждали, что девушка покинула квартиру в 20:15, а вернулась спустя сорок минут, добежав до верхней точки парка скульптур Экеберг, и на обратном пути пробежала мимо одноименного ресторана. Ее спортивный костюм лежал на кровати, и Харри представил себе, как полиция впускает бедную девочку в квартиру и позволяет ей под присмотром переодеться и собрать сумку с одеждой. Харри сел на корточки и поднял кроссовки. Верхняя часть мягкая, подошвы чистые и гладкие, эту обувь явно использовали не часто. Девятнадцать лет. Неиспользованная жизнь. Кроссовки самого Харри уже порвались. Конечно, он мог купить новые, какие-нибудь другие, но не хотел, поскольку нашел ту модель, которой предпочитал пользоваться и дальше. С этих пор и всегда. Наверное, их еще можно подлатать.

Харри вернулся в гостиную, вытер с пола пепел, проверил телефон. Сообщений не было. Он засунул руку в карман. Двести крон.

⁶ «Бердс» — американская рок-группа 1960-х годов.

Глава 4

– Последний заказ – и мы закрываемся.

Харри уставился на свой бокал. Он умудрился надолго растянуть его. Обычно он просто заливал напиток в себя, поскольку ему нравился не сам вкус спиртного, а вызываемый им эффект. Кроме того, «*нравился*» – неверное слово. Этот эффект ему *требовался*. Нет, тоже не то. *Был необходим? Он не мог без этого жить?* Ну да, словно бы искусственное дыхание после того, как половинка твоего сердца перестала биться.

Те кроссовки наверняка можно починить.

Он снова достал телефон. В списке контактов у Харри имелось всего семь человек, и, поскольку имена их начинались на разные буквы, они были записаны в книжке всего одной буквой. Он выбрал букву «Р» и посмотрел на аватарку. Мягкий взгляд карих глаз, искавших встречного взгляда. Теплая, светящаяся кожа, просящая ласки. Красивые губы, жаждущие поцелуя. Все те женщины, которых он раздевал и укладывал в постель в последние месяцы, – разве мог он хотя бы одну секунду не думать о Ракели, не представлять ее на их месте? Понимали ли они, что, трахая их, Харри изменяет им со своей женой? Был ли он настолько безжалостным, чтобы объяснять им это? Конечно. Потому что его половинка сердца с каждым днем билась все слабее, с Ракелью он лишь временно стал нормальным человеком, а теперь вернулся к своей прежней жизни.

Он пристально смотрел на телефон.

Харри вспомнил, как много лет назад, каждый день проходя мимо телефонного автомата в Гонконге, неизменно думал: «Ракель *там*. Она и Олег. В автомате. На расстоянии двенадцати нажатий кнопок».

Как же давно это было.

А со времени их первой встречи с Ракелью и вовсе прошло уже пятнадцать лет. Харри приехал по крутой извилистой дороге, ведущей к бревенчатой вилле в Хольменколлене. Старенькая машина совсем выдохлась, пока он добрался до нужного дома. Ему открыла женщина лет тридцати, и он объяснил, что ищет Синдре Фёуке. Внимательно присмотревшись, Харри понял, что хозяйка дома очень красива. Густые темные волосы; черные и ровные, как по линейке, брови над большими карими глазами; высокие аристократические скулы.

Она была одета в черное мантио, простое и элегантное. Голосом более глубоким, чем можно было предположить, глядя на нее, женщина ответила, что Синдре Фёуке – ее отец и он раньше жил здесь, но вот уже несколько месяцев, как переехал в город. Говорила Ракель Фёуке самоуверенно и расслабленно, с преувеличенно четкой, почти театральной дикцией, глядя ему прямо в глаза.

А потом она сказала, что как раз собиралась уходить, и зашагала прочь, ставя ноги одну точно перед другой. Ему показалось, что она идет как по канату, словно балерина. Харри объяснил, что он из полиции, узнал у Ракели адрес отца, а потом вызвался отвезти ее туда, куда ей было нужно. По дороге они выяснили, что учились на юридическом приблизительно в одно и то же время и что в студенческие годы были на одном и том же концерте группы «Raga Rockers». Ему нравился смех попутчицы, не такой глубокий, как ее голос, а легкий и светлый, как журчание ручья. Ей надо было в район Майорстюа.

– Вопрос в том, доедет ли этот автомобиль так далеко, – сказал тогда Харри, и она согласно кивнула. Как будто уже тогда оба догадывались, что еще не начавшееся не продлится долго. Когда Ракель собралась выходить и ему пришлось толкнуть для этого сломанную пассажирскую дверцу, он вдохнул ее запах. С момента их встречи прошло всего полчаса, и Харри пытался понять, что, черт возьми, происходит. Все, что ему хотелось, – это поцеловать ее.

– Может, еще увидимся, – бросила она на прощание.

– Может быть, – ответил он, глядя, как она балетной походкой шагает прочь по улице Спурвейсгата.

Они встретились вновь на празднике в Полицейском управлении. Оказалось, Ракель Фёуке работает в иностранном отделе Службы безопасности полиции. На ней было красное платье. Они стояли, разговаривали и смеялись. Говорили и никак не могли наговориться. Он рассказывал ей о своем детстве, о Сес (Сестрёныше), страдавшей синдромом Дауна в легкой форме, о матери, которая умерла, когда Харри был совсем молодым, и о том, что ему пришлось взять на себя заботу об отце. Ракель поведала ему, что ходила на курсы русского языка при Министерстве обороны, а потом два года работала переводчиком в норвежском посольстве в Москве. Там она вышла замуж за русского, родила Олега, а потом уехала из Москвы, оставив супруга, который злоупотреблял спиртным. А Харри сообщил, что он сам – алкоголик, о чем Ракель, возможно, уже догадалась, глядя, как он глушит колу на корпоративном празднике. Он не сказал ей, что в тот вечер его дурманил не алкоголь, а ее смех, чистый, искренний, светлый, и что он был готов говорить самые идиотские на свете вещи, чтобы только вновь и вновь его слышать. А потом, в конце вечера, они танцевали. Харри *танцевал*. Под вязкую, как сироп, саксофонную вариацию мелодии «Let It Be». Это доказывало: он безнадежно влюблен.

Спустя несколько дней он отправился на воскресную прогулку с Олегом и Ракелью. В какой-то момент Харри взял Ракель за руку, поскольку это показалось ему естественным. Некоторое время они так и шли, пока она не отняла у него руку. И когда потом Олег играл в тетрис с новым другом мамы, Харри чувствовал на себе мрачный взгляд Ракели и догадывался, о чем она думает. Алкоголик, возможно похожий на того, от которого она сбежала, теперь сидит у нее в доме и пытается подружиться с ее сыном. И Харри понял, что ему предстоит многое доказать, чтобы стать полноправным членом этой семьи.

И ему это удалось. От судьбы не уйдешь, и, пожалуй, именно Ракель с Олегом спасли Харри, не позволив ему спиться. Их жизнь, конечно, не была одним сплошным победным маршем, Харри время от времени оступался, у них в отношениях случались охлаждения и даже ссоры, но они всегда находили путь обратно, потому что обрели друг в друге сокровище.

Взаимную Любовь. Ту самую Любовь с большой буквы, которая встречается лишь один-единственный раз в жизни, да и то дается свыше далеко не каждому. В последние годы они с Ракелью просыпались по утрам в состоянии гармонии и счастья, причем оба чувства были такими сильными и одновременно столь хрупкими, что это пугало Харри до смерти. Он словно бы ступал по тонкому льду. Так почему же он все-таки провалился под лед? Конечно, потому, что был тем, кем был. Харри Холе, и этим все сказано. *The demolition man*⁷, как его называл Эйстейн.

Мог ли он преодолеть этот путь еще раз? Проехать по крутой, извилистой, трудной дороге к Ракели и заново представиться ей. Стать мужчиной, которого она никогда раньше не встречала. Конечно, можно попробовать. Да, определенно стоит рискнуть. И сейчас время для этого не хуже и не лучше, чем любое другое. В целом момент представлялся ему вполне подходящим, вот только существовали две сложности. Во-первых, у Харри не было денег на такси. Но эту проблему можно решить: отсюда до дому идти всего десять минут, а там, на заднем дворе, припаркован его заснеженный «форд-эскорт», уже третий по счету.

Второй загвоздкой был внутренний голос, утверждавший, что его план никуда не годится.

Но внутренний голос можно заглушить. Харри допил содержимое бокала. Вот так. Он поднялся и направился к двери.

– Увидимся, дружище! – крикнул ему вслед бармен.

Десять минут спустя Харри стоял на заднем дворе дома на улице Софиес-гате и задумчиво смотрел на автомобиль, припаркованный в вечной тени между большими сугробами у

⁷ Разрушитель (*англ.*). Имеется в виду герой одноименного боевика.

подвальных окон. Машина была не так сильно заметена снегом, как он думал, поэтому ему надо всего лишь подняться наверх, взять ключ, повернуть его в замке зажигания и нажать на газ. Через пятнадцать минут он будет у Ракели. Откроет дверь, ведущую в большое просторное помещение, совмещающее прихожую, гостиную и кухню и занимающее почти весь первый этаж. Увидит ее, стоящую у окна во двор. Она криво улыбнется, кивнет на чайник и спросит, по-прежнему ли он предпочитает растворимый кофе, или сделать эспрессо.

И тут вдруг последовала очередная вспышка, и Харри начал хватать ртом воздух. Ну вот, этого еще не хватало: в грудь снова вонзился острый коготь.

Харри бежал. В воскресенье после полуночи все улицы Осло пусты. Рваные кроссовки были перевязаны скотчем в месте подъема. Он бежал по тому же маршруту, который указала в протоколе допроса дочь убитой женщины с улицы Борггата. Вверх по освещенным тропинкам и гравийным дорожкам парка скульптур, расположенного на лесистых холмах. Парк стал подарком городу от предпринимателя и коллекционера Кристиана Рингнеса и одновременно гимном женщине.

Вокруг полная тишина, Харри слышал только собственное дыхание и хруст гравия под ногами. Он взбежал туда, где рельеф парка выравнивался, выходя на равнину Экебергшлетта, и начал спуск. Ненадолго остановился у скульптуры Дэмьена Хёрста «Anatomy of an Angel»⁸. Скульптура была изготовлена из белого мрамора, из каррарского мрамора, как утверждала Ракель. Очаровательная сидящая женщина напомнила Харри копенгагенскую «Русалочку», но Ракель, обычно заранее читавшая литературу о достопримечательностях, которые они собирались осмотреть, объяснила, что источником вдохновения послужила классическая скульптура Альфреда Буше «L'Hirondelle»⁹, созданная в 1920 году. Может, и так, но разница заключалась в том, что ангел Хёрста был вскрыт ножом и скальпелем, так что становились видны его внутренности, мышцы, кости и мозг. Что хотел показать художник: что ангелы изнутри тоже люди? Харри склонил голову набок. С последним он мог согласиться. Даже спустя долгие годы, после всего, через что им пришлось пройти вместе с Ракелью, даже после того, как он изучил ее вдоль и поперек, так же как и она его, Харри по-прежнему видел в ней лишь ангела. Вернее, ангела и человека, слитых воедино. Ее способность прощать, совершенно необходимая предпосылка для построения отношений с таким человеком, как Харри, была почти безграничной. Почти. Но ему, конечно же, удалось найти эту границу. А потом и перейти ее.

Харри бросил взгляд на часы и побежал дальше, все быстрее и быстрее. Он чувствовал, что сердце заработало активнее. Он еще немного увеличил темп и ощутил, как выделяется молочная кислота. Так, а теперь еще немного. Сердце перекачивало кровь по всему телу, вычеркивая плохие дни из прошлого, разгоняя шлаки, смывая дерьмо. Почему он вообразил, что бег – это противоположность возлияниям, некое противоядие, когда это всего лишь другой способ одурманивания? Ну ладно, одурманивания в хорошем смысле.

Он выбежал из леса у ресторана «Экеберг». Когда-то это здание было настоящей халупой в стиле минимализма, и здесь Харри, Эйстейн и Треска в юности выпили свое первое пиво, а потом семнадцатилетнего Харри сняла женщина, показавшаяся ему глубокой старухой, хотя на самом деле ей вряд ли было больше тридцати. Но во всяком случае, благодаря этой даме сексуальный дебют Харри прошел без осложнений, и наверняка чуткая наставница облагодетельствовала не только его одного. Иногда Харри задавался вопросом: не мог ли создатель парка быть одним из тех парней, кто в юности общался с доброй самаритянкой, и отреставрировать ресторан в знак признательности? Харри уже не мог толком вспомнить, как выглядела та женщина, только слышал ее воркующий шепот, когда все закончилось: «Не так уж и плохо,

⁸ «Анатомия ангела» (англ.).

⁹ «Ласточка» (фр.).

мальчик. Вот увидишь, ты сделаешь счастливыми нескольких женщин. А нескольких несчастными».

А одну из них – и счастливой, и несчастной.

Харри остановился на лестнице закрытого темного ресторана.

Спина согнута, руки на коленях, голова опущена. Он почувствовал, как к горлу подступает рвота, подавил рефлекс и прислушался к собственному хриплому дыханию. Харри сосчитал до двадцати, нашептывая ее имя: Ракель, Ракель. Потом он выпрямился и посмотрел на город, раскинувшийся внизу под ним. Осло – осенний город. Сейчас, весной, он был похож на невыспавшуюся женщину, которую разбудили ни свет ни заря и которая не без оснований полагает, что ей необходимо подкраситься. Но Харри не волновало то, что находилось в котле под ним, он смотрел на другой конец города, в направлении холмов, в направлении *ее* виллы, которая находилась на другой стороне того, что, несмотря на все огни и бурную человеческую деятельность, было всего лишь кратером потухшего вулкана, холодными камнями и застывшей глиной. Он еще раз взглянул на секундомер в часах и помчался дальше.

До улицы Боргата Харри добежал без привалов.

Там он остановил секундомер и изучил его показания.

Остаток пути до своего дома он проделал трусцой. А входя в квартиру, услышал скребущий звук от соприкосновения застрявшего в подошвах гравия и деревянного пола и вспомнил, как Катрина попросила его поднимать ноги.

Телефон продолжал проигрывать плей-листы Харри на «Спотифай». Из саундбара «Сонос», который Олег подарил ему на день рождения, с шипением доносилась музыка шведской рок-группы «Хеллакоптерс». За одну ночь это чудо техники сделало ненужным собрание дисков на полке над диваном, превратив его в мертвый памятник коллекции, которую Харри тщательно собирал на протяжении тридцати лет. То, что не прошло проверку временем, неумолимо вырвали, как сорную траву, и выбросили в мусорное ведро. Хаотичное гитарно-барабанное вступление к «Carry Me Home» заставило колонки пульсировать. Харри выковыривал из подошв гравий, который набился туда в парке скульптур, и размышлял: ну не странно ли, что девятнадцатилетняя девушка добровольно вернулась в прошлое, к виниловым пластинкам, в то время как сам он не по доброй воле перенесся в будущее. Он отложил кроссовки и поискал «Бердс», но этой группы не было ни в одном из плей-листов. В музыке шестидесятых и начала семидесятых хорошо разбирался Бьёрн Хольм, но его попытки обратить Харри в свою веру с помощью Глена Кэмпбелла оказались напрасными. Харри наконец-то нашел «Turn! Turn! Turn!», и в следующую секунду в комнате зазвучала гитара «Рикенбекер» Роджера Макгуинна. Надо же, а вот *она* обратилась. Влюбилась, хотя это была совершенно не ее музыка. Но гитары творят с девушками нечто странное. Обычно и четырех струн достаточно, а у этого парня их было целых двенадцать. И тут вдруг волосы на затылке у Харри встали дыбом: он вспомнил, что видел одно из имен на обложке пластинки в протоколах допросов, связал его с фотографией парня с гитарой «Рикенбекер» и все понял. Харри прикурил сигарету, слушая двойное гитарное соло в финале «Rainy Days Revisited». Интересно, скоро ли он заснет? Сколько времени он сможет не прикасаться к телефону и не проверять, ответила ли ему Ракель?

Глава 5

– Мы знаем, что ты уже отвечала на эти вопросы, Сара, – сказал Харри, глядя на девятнадцатилетнюю девушку, расположившуюся напротив него в узкой, как в кукольном домике, комнате для допросов.

В соседнем помещении, сложив на груди руки, сидел Трульс Бернтсен и отчаянно зевал. Было уже начало третьего, они битый час работали со свидетельницей, разбирая произошедшее шаг за шагом, и Сара стала проявлять признаки нетерпения, однако никаких других чувств она не демонстрировала. Даже когда Харри вслух зачитал выдержку из рапорта о телесных повреждениях, полученных ее матерью в результате тринадцати ножевых ударов.

– Но, как я объяснил, теперь это дело ведем мы с полицейским Бернтсеном, и мы хотим как можно лучше прояснить для себя все детали. Итак, твой отец помогал матери в приготовлении пищи? Я спрашиваю это, потому что он очень быстро нашел самый острый кухонный нож, а стало быть, знал, где именно тот лежит.

– Нет, папа не *помогал* маме, – сказала Сара, явно начиная раздражаться. – Он *готовил* еду. И единственный, кто ему помогал, – это я. А мамы постоянно не было дома.

– Вот как? И почему же?

– Она вечно где-то пропадала: встречалась с подружками, занималась спортом. По крайней мере, она так говорила.

– Я видел фотографии вашей матери, она выглядит на них довольно спортивной. Поддерживала себя в форме, чтобы продлить молодость.

– Ну да, она и умерла молодой.

Харри ждал, позволив ответу девушки повиснуть в воздухе. Потом лицо Сары искривилось. В практике Харри встречалось подобное: близкие жертв борются с горем, как с врагом, которого необходимо перехитрить. Один из способов обмана – принизить ушедшего, дискредитировать его. Но Харри догадывался, что сейчас на его глазах происходило совсем иное. Когда он предложил Саре прийти на допрос в сопровождении адвоката, она отказалась. Девушка просто хотела, чтобы все быстрее закончилось, мол, у нее на сегодня есть планы. Это понятно, ей всего девятнадцать лет, она осталась одна, но умеет подстраиваться под обстоятельства, а жизнь продолжается. Дело раскрыто; наверное, поэтому Сара расслабилась и демонстрировала свои настоящие чувства. Или недостаток чувств.

– А вот ты занимаешься спортом не так активно, как твоя мама, – заметил Харри. – Во всяком случае, бегом.

– Почему вы так решили? – Девушка, слегка улыбнувшись, посмотрела на следователя. У нее была самоуверенная улыбка представительницы поколения, которое считает худым человеком, чье телосложение ровесникам Харри кажется нормальным.

– Я внимательно изучил твои кроссовки, – продолжал Харри. – Ими почти не пользовались. Но не потому, что купили совсем недавно. Это старая модель, которую сняли с производства еще два года назад. У меня самого точно такие же.

Сара пожала плечами:

– Теперь у меня будет больше времени для пробежек.

– Да уж, твой отец просидит в тюрьме двенадцать лет, и тебе больше не придется помогать ему готовить обед.

Харри посмотрел на Сару и понял, что попал в яблочко. Она сидела с раскрытым ртом, часто моргая густо накрашенными черной тушью ресницами.

– Почему ты соврала полиции? – спросил Харри.

– Что... когда это я соврала?

– Ты сказала, что добежала от своего дома до вершины холма в парке скульптур, потом спустилась вниз к ресторану «Экеберг» и через полчаса вернулась обратно. Вчера ночью я полностью повторил твой маршрут. У меня это заняло около сорока пяти минут, а я неплохой бегун. И еще я поговорил с полицейским, который остановил тебя, когда ты подбежала к дому. Он сказал, что ты совсем не вспотела да и дышала не слишком тяжело.

Сара, сидевшая на противоположном конце длинного стола, выпрямилась на стуле и невидящим взглядом уставилась на красные огоньки микрофонов, сигнализировавших о ведущейся записи, а потом ответила:

– Ладно, я не добежала до верха.

– А куда добежала?

– До статуи Мэрилин Монро.

– Значит, ты, как и я, бежала по гравийной дорожке. Когда я вернулся домой, мне пришлось выковыривать камешки из подошв кроссовок. Целых восемь штук. А вот твои подошвы, Сара, были совершенно чистыми.

Харри понятия не имел, сколько камней он вынул, три или восемь. Но чем точнее детали, тем убедительнее будут выглядеть его аргументы. Он видел, что на девушку это подействовало.

– Ты вообще не была в парке в тот вечер, Сара. Ты вышла из квартиры в то время, которое назвала полиции, в двадцать пять, когда твой отец позвонил нам и заявил, что убил жену. Может быть, ты пробежала кружок по кварталу, чтобы полиция успела доехать до места преступления, а потом явилась обратно. Это отец велел тебе так сделать, да?

Сара не отвечала, только хлопала ресницами. Харри отметил, что ее зрачки расширились.

– Я говорил с любовником твоей матери, с Андреасом. Сценический псевдоним Бум-Бум. Поет он, кстати, не так хорошо, как играет на своей двенадцатиструнной гитаре.

– Андреас нормально поет... – Гнев в глазах девушки померк, и она замолчала.

– Андреас признал, что вы с ним несколько раз встречались и таким образом он познакомился с твоей матерью. – Харри заглянул в блокнот. Не затем, чтобы почерпнуть оттуда какие-то сведения, там было пусто, а чтобы снять напряжение, дать девушке возможность передохнуть.

– Мы с Андреасом любили друг друга. – Голос Сары едва заметно дрожал.

– Он так не считает. Андреас сказал, что пару раз... – Харри откинул голову назад, чтобы лучше видеть то, что не было написано в блокноте, – действительно переспал с хорошенькой группы.

Сара вздрогнула.

– Но потом Андреас, по его словам, никак не мог от тебя отделаться. Путь от восторженной группы до навязчивой поклонницы, которая буквально прохода не дает своему кумиру, короток, в чем он не раз имел возможность убедиться на собственном опыте. Гораздо проще встречаться со зрелой замужней женщиной, которая адекватно воспринимает происходящее. Немного перца в будничной жизни, немного специй в рыбных котлетах. Сара, это не я придумал, он и правда так сказал: «В рыбных котлетах». – Харри поднял на собеседницу глаза. – Это ты позаимствовала у мамы мобильник, а вовсе не отец. И случайно выяснила, что у нее роман с Андреасом.

Харри прислушался к собственной совести. Так давить на подозреваемую, которая пришла к нему без адвоката, на девятнадцатилетнюю девушку, глупого влюбленного подростка, преданного матерью и парнем, которого она вообразила своим.

– Твой отец не просто готов принести себя в жертву ради дочери, он еще и очень умный человек. Он знает, что лучшая ложь та, что находится совсем близко к правде. И ложь в данном случае состоит в том, что твой отец, вернувшись домой из ближайшего магазина, куда он ходил купить кое-что к ужину, взял телефон твоей матери, обнаружил там переписку с любовником и из ревности убил ее. Правда же заключается в том, что, пока он был в магазине, сообщения

обнаружила ты. С этого момента, как мне кажется, если заменить в протоколах твоего отца на тебя, мы получим предельно точное описание трагедии, разыгравшейся у вас дома. Вы поссорились на кухне, мама повернулась к тебе спиной, чтобы уйти в гостиную, ты знала, где лежит нож, а остальное вышло само собой. А после того как твой отец вернулся домой и обнаружил, что произошло, вы вместе придумали хитроумный план.

В ее взгляде Харри не увидел никакой реакции, кроме обычной ненависти, гнетущей и черной. И понял, что совесть его особо терзать не будет. Власти дают оружие девятнадцатилетним и посылают их убивать. А эта девочка лишила жизни мать и позволила невиновному отцу броситься за нее на амбразуру. Сара не присоединится к тем, кто приходит к Харри в ночных кошмарах.

– Андреас любил меня, – невнятно прошептала она. Казалось, ее рот забит песком. – Но мама всячески отговаривала его от встреч со мной. Она соблазнила его только для того, чтобы он не достался мне. Я ненавижу ее. Я... – К горлу девушки подступали рыдания. Харри затаил дыхание. Она почти сделала это, сход лавины начался, ему недоставало всего пары слов на записи допроса, но плач приведет к паузе, а во время этой паузы лавина может остановиться. Однако ярость взяла верх, и Сара повысила голос: – Ненавижу эту долбаную суку! Ей еще мало досталось, надо было содрать с нее это чертово лицо, которым она, блин, так гордилась!

– Хм... – Харри откинулся на стуле. – Ты хочешь сказать, что жалеешь, что убила мать слишком быстро, надо было сделать это медленнее, да?

– Да!

Признание в убийстве. Все, тагдаун. Харри бросил взгляд в окно кукольной гостиной и увидел, что Трульс Бернтсен проснулся и поднял вверх большой палец. Но Харри не чувствовал радости. Наоборот, возбуждение, которое он испытывал несколько секунд назад, сменилось усталостью и разочарованием. Это ощущение нельзя было назвать незнакомым, нечто подобное Харри частенько переживал после длительной охоты, когда с нетерпением ожидал кульминации – раскрытия преступления и ареста злоумышленника, поскольку они должны были что-то изменить и сделать мир чуточку лучше. Но вместо этого после окончания расследования он погружался в депрессию, срывался и уходил в запой на несколько дней, а то и недель. Харри казалось, что это похоже на фрустрацию у серийных убийц, когда они понимают, что преступление принесло не удовлетворение, а одно только разочарование, и это гонит их на новую охоту. Возможно, поэтому Харри, как во время вспышки, почувствовал горькое отчаяние, словно он на мгновение оказался на другом конце стола, на месте Сары.

– А ловко мы ее раскололи, – сказал Трульс Бернтсен, когда они поднимались на лифте на шестой этаж, в отдел убийств.

– Мы? – сухо переспросил Харри.

– Я же исправно нажимал на кнопку записи, так ведь?

– Очень на это надеюсь. Ты проверил, записался ли допрос?

– Проверил ли я? Ха! – Трульс Бернтсен вопросительно приподнял бровь, потом ухмыльнулся. – Успокойся, все супер!

Харри отвел взгляд от мигающих цифр, обозначающих этажи, посмотрел на Бернтсена и понял, что завидует своему коллеге. Трульс отличался выдающейся вперед нижней челюстью, выступающим лбом и хрюкающим смехом, из-за которого его и наградили прозвищем Бивис, которое никто, впрочем, не осмеливался произнести вслух, поскольку в Бернтсене, при всей его пассивности, чувствовалась скрытая агрессия, и именно по этой причине окружающие предпочитали лишний раз с ним не связываться. В отделе убийств Трульса не любили еще больше, чем Холе, но Харри завидовал не этому. Он завидовал полнейшему пофигизму Бернтсена. Он плевать хотел на то, что думают о нем коллеги, хотя, положим, это и самому Харри тоже было абсолютно до фонаря. Но Трульс обладал способностью складывать с себя любую

ответственность, в том числе и моральную, за доверенную ему работу. О Харри можно было много чего сказать не слишком лестного, и он знал, что ему частенько перебивали косточки, но никто не стал бы отрицать, что он – настоящий полицейский. Это было одновременно его благословением и проклятием. Даже после того, как Ракель вышвырнула его из своей жизни, Харри, перешедший на преподавательскую работу в академию и формально уже не служивший в полиции, не мог полностью перестать быть полицейским, не мог позволить себе совершить чудесное свободное падение в анархизм и нигилизм, как это сделал Трульс Бернтсен. Никто не скажет Харри за это спасибо, но не страшно: он ведь и не искал благодарности, как не искал спасения, совершая добрые деяния. До встречи с Ракелью эта неустанная охота за самыми ужасными преступниками была единственной причиной, побуждавшей его вставать по утрам, и он был благодарен трудовому инстинкту, или как там это правильно называется, за то, что тот служил ему якорем. Но наряду с этим какая-то часть Харри скучала по полной и разрушительной свободе, желала перерезать якорную цепь и разбиться в волнах прибоя или просто исчезнуть в огромном темном океане.

Харри с Трульсом вышли из лифта и пошли по коридору с выкрашенными в красный цвет стенами, подтверждавшими, что они оказались на правильном этаже, мимо кабинетов в направлении открытого офисного пространства.

– Эй, Холе! – прокричал ему в приоткрытую дверь Скарре. Он уже дослужился до инспектора полиции и занимал бывший кабинет Харри. – Тебя разыскивает дракониха!

– Твоя жена, что ли? – спросил Харри, не замедляя шага, чтобы выслушать возмущенную, но наверняка не слишком остроумную реплику Скарре, если тот вдруг предпримет попытку ответить.

– *Nice*¹⁰, – засмеялся, похрюкивая, Бернтсен. – Скарре – идиот.

Похоже, Трульс решил поддержать его, но Харри не ответил. Не хватало еще водить дружбу с этим типом.

Не сказав ни слова на прощание, Харри на пересечении коридоров свернул налево и вошел в открытую дверь кабинета начальницы их отдела. Склонившись над столом Катрины Братт, спиной к нему стоял мужчина. Его было легко узнать по сверкающему лысому черепу, обрамленному лавровым венком черных, на удивление густых волос.

– Надеюсь, я не помешал? Мне сказали, что меня искали.

Катрина Братт подняла глаза, а начальник полиции Гуннар Хаген резко обернулся, как будто его поймали с поличным. Оба молча смотрели на Харри.

Он приподнял бровь:

– Что происходит? Вы уже слышали?

Катрина и Гуннар Хаген обменялись взглядами. Хаген кашлянул:

– А *ты* разве знаешь?

– Ну а как же иначе? – удивился Харри. – Это же я ее допрашивал.

Харри решил, что, должно быть, прокурор, которому он позвонил сразу после допроса, чтобы договориться об освобождении отца Сары, в свою очередь проинформировал Катрину Братт. Но что здесь делает начальник полиции?

– Между прочим, я посоветовал дочери взять с собой адвоката, но она меня не послушалась, – сказал Харри. – А потом еще раз повторил рекомендацию перед началом допроса, но она снова отказалась, и это есть на пленке. Вернее, не на пленке, а на жестком диске, вечно я путаю.

Никто не улыбнулся, и тогда Харри понял: что-то не так. Сейчас он услышит плохие новости.

– Дело в отце? – предположил Харри. – Он... что-то сделал с собой?

¹⁰ Прекрасно (англ.).

– Нет, – ответила Катрина. – Дело не в отце, Харри.

Мозг Харри неосознанно фиксировал детали: Хаген предоставил вести диалог Катрине, коллеге, которая была с ним в дружеских отношениях. А она в присутствии начальника полиции назвала его по имени, и это было явно лишним. С чего бы вдруг? Подушка безопасности. В наступившей тишине Харри снова почувствовал, как в его грудь вонзается коготь. И хотя Харри Холе не слишком верил в телепатию и ясновидение, он понял: сейчас ему предстоит услышать то, о чем его все время предупреждали вспышки.

– Дело в Ракели, – сказала Катрина.

Глава 6

Харри перестал дышать. Он читал, что, надолго задержав дыхание, можно умереть. В таком случае смерть наступает не от недостатка кислорода, а от переизбытка углекислого газа. Среднестатистический человек может не дышать от тридцати секунд до минуты, а один датский пловец выдержал под водой больше двадцати двух минут.

Харри бывал счастлив. Но счастье подобно героину: попробовал один раз, понял, что оно существует, и ты уже никогда не сможешь смириться с обычной, лишенной его жизнью. Потому что счастье отличается от умиротворения. Счастье неестественно. Счастье – трепетное, исключительное состояние: это секунды, минуты, часы, дни, которые, как ты понимаешь, не могут длиться вечно. А грусть возникает не потом, а одновременно со счастьем. Потому что вместе с ним приходит болезненное осознание того, что теперь уже больше ничто не будет таким, как прежде, и ты начинаешь тосковать по тому, что имеешь, ты расстраиваешься, предчувствуя тяжелое похмелье и горе потери, проклинаешь себя за то, что знаешь, какие чувства ты в состоянии испытывать.

Ракель обычно читала в кровати. Иногда вслух, если ему тоже нравилась книга. Например, рассказы Хьелля Аскильдсена. И это наполняло Харри счастьем. Однажды вечером она прочитала предложение, отложившееся у него в памяти. В новелле рассказывалось о девушке, которая всю жизнь прожила с родителями на маяке, пока к ним не приехал женатый мужчина по имени Крафт. Она влюбилась в него и про себя подумала: «Зачем ты приехал и сделал меня такой одинокой?»

Катрина прочистила горло, но ее голос все равно задрожал, когда она сказала:

– Нашли Ракель, Харри.

Он хотел спросить, как можно найти того, кто не пропадал. Но чтобы говорить, он должен дышать. Харри сделал вдох:

– И... что это означает?

Катрина изо всех сил старалась владеть собой, но потом не выдержала и прикрыла рукой рот, исказившийся в гримасе.

Слово взял Гуннар Хаген:

– Самое худшее, Харри.

– Нет, – услышал Харри свой голос. Злой. А потом умоляющий: – Нет!

– Она...

– Подожди! – Харри поднял руки перед собой. – Не говори ничего, Гуннар. Не сейчас. Позволь мне... просто немного подожди.

Гуннар Хаген терпеливо ждал. Катрина закрыла лицо руками и беззвучно всхлипывала, но трясущиеся плечи выдавали ее. Харри нашел взглядом окно. В коричневом море парка Бутспаркен до сих пор лежали сероватые острова и небольшие континенты снега. Но липовая аллея, ведущая к тюрьме, в последние дни начала оживать. Через месяц или полтора почки внезапно раскроются – и Харри проснется и увидит, что в Осло опять стремительно, за одну ночь, нагрянула весна. И это будет лишено всяческого смысла. Большую часть своей жизни он прожил в одиночку. Все было нормально. А сейчас ненормально. Он не дышал. Его переполнял углекислый газ. И он надеялся, что все произойдет быстрее, чем за двадцать две минуты.

– Ладно, – произнес он. – Давай говори.

– Она мертва, Харри.

Глава 7

Харри взвесил на руке мобильный телефон.

На расстоянии восьми нажатий кнопок.

На четыре меньше, чем когда он жил в пансионе «Чункинг-мэншн» в Гонконге. Комплекс состоял из четырех серых высотных зданий, представлявших собой маленькое сообщество. Там находились ночлежки для рабочих из Африки и с Филиппин, рестораны, моленные комнаты, ателье, обменные пункты, родильные отделения, похоронные бюро. Комната Харри располагалась на втором этаже корпуса «С». Четыре квадратных метра голого бетона, где имелось место для грязного матраса и пепельницы, где капающая из кондиционера вода отсчитывала секунды, в то время как сам он терял счет дням и неделям, уплывая в опиумный дурман и выплывая из него, решавшего, когда ему уходить, а когда возвращаться. В конце концов некая Кайя Сульнес из отдела убийств приехала и забрала его домой. Но перед этим он нашел определенный ритм жизни. Каждый день, подкрепившись стеклянной лапшой у Ли Юаня или прогулявшись по Натан-роуд и Мелден-роу, чтобы купить опиума в детском рожке, Харри возвращался обратно, вставал у дверей лифта в «Чункинг-мэншн» и смотрел на телефонный автомат, висевший на стене: это был своего рода ритуал. Он сбежал от всего. От работы следователя, потому что она пожирала его душу. От себя самого, ибо он превратился в деструктивную силу, уничтожающую все вокруг. Но прежде всего – от Ракели и Олега, поскольку не хотел причинить им вреда. По крайней мере большего, чем уже причинил.

И каждый день, ожидая лифта, Харри стоял и разглядывал телефон-автомат, перебирая монеты в кармане.

Двенадцать нажатий кнопок – и он сможет услышать ее голос. Узнать, что у них с Олегом все хорошо.

А вдруг нет? Как узнать это, не позвонив?

В их жизни было много хаоса, и с момента его отъезда с ними могло случиться все, что угодно. Ракель и Олега вполне могло увлечь в водоворот дела Снеговика. Ракель была сильной, но Харри видел такое в других делах об убийствах – выжившие ломались и сами становились жертвами.

Но пока он *не* звонил, они были там, в его голове, в телефонном автомате, где-то в большом мире. Пока Харри – к счастью или к несчастью – ничего не знал, он представлял себе, как мать с сыном гуляют по осеннему лесу. По тем самым тропинкам, где они когда-то ходили вдвоем. Он вспоминал, как бегущий впереди мальчишка радостно пытался ловить падающую листву. Теплая сухая рука Ракели лежала в руке Харри. Она, смеясь, спросила, почему он улыбается. Он отрицательно покачал головой, но вдруг понял, что действительно улыбается. В общем, Харри так и не прикоснулся к этому телефону. Потому что до тех пор, пока он не нажал эти двенадцать кнопок, он все еще мог верить, что вернется.

Харри надавил последнюю из восьми кнопок.

Раздались три звонка, прежде чем ему ответили:

– Хар-ри? – Первый из двух произнесенных слогов содержал удивление и радость, а второй – все то же удивление, но уже с некоторым оттенком беспокойства. Харри и Олег звонили друг другу редко, в основном по вечерам, а не посреди рабочего дня. И только затем, чтобы обсудить какие-то практические вопросы. Иногда, конечно, практические вопросы служили только слабым предлогом, но ни Олегу, ни Харри особо не нравилось разговаривать по телефону, поэтому, даже когда эти двое созванивались, чтобы поинтересоваться, как дела, они были кратки. Ничего не изменилось после того, как Олег со своей девушкой Хельгой уехали на год на север, в Лаксэльв в фюльке Финнмарк, где Олег проходил стажировку перед последним курсом Полицейской академии.

– Олег, – произнес Харри, заметив, что его голос стал сиплым, потому что ему предстояло вылить на парня кипяток, а Олегу теперь всю оставшуюся жизнь придется жить со шрамами от ожогов, которые он сейчас получит. Харри знал это, потому что у него самого было множество таких шрамов.

– Что-то случилось? – спросил Олег.

– Это касается твоей матери... – сказал Харри и снова замолчал, потому что просто-напросто не мог продолжать.

– Вы решили снова съехаться? – В голосе парня прозвучала надежда.

Харри закрыл глаза.

Олег разозлился, когда узнал, что его мать ушла от Харри. И поскольку юноше никто ничего не объяснил, его злоба была направлена на Ракель, а не на Харри. Харри никак не мог понять, как ему удалось стать настолько хорошим отцом, что Олег принял его сторону. Когда Харри появился в их жизни, он не старался стать ни воспитателем, ни жилеткой, в которую можно поплакаться, потому что ему было очевидно, что мальчику не нужен суррогатный папа. А самому Харри совершенно точно вообще не был нужен никакой сын. Но проблема – если так на это смотреть – заключалась в том, что Харри просто-напросто начал нравиться этот серьезный, хмурый мальчик-мужчина. И симпатия их оказалась взаимной. Ракель, когда сердилась, говорила, что эти двое – одного поля ягоды, и, пожалуй, так оно и было. И со временем, когда Олег уставал или забывался, у него, случалось, вырывалось «папа» вместо «Харри».

– Нет, – сказал Харри. – Мы не съезжаемся, Олег, у меня плохие новости.

Тишина. Харри понял, что парень затаил дыхание. И вылил на него кипяток:

– В полицию поступил рапорт, в котором сообщается о ее смерти.

Прошло две секунды.

– Можешь повторить? – произнес Олег.

Харри не был уверен, сможет ли, но у него получилось.

– Как – о смерти? – спросил Олег, и Харри услышал металлические отзвуки отчаяния в его голосе.

– Ее нашли дома сегодня утром. Похоже на убийство.

– Похоже?

– Мне самому только что сообщили. Там работает дежурная бригада, и я тоже сейчас поеду.

– Как?..

– Пока не знаю.

– Но...

Олег ничего больше не сказал, и Харри знал, что за этим всеобъемлющим «но» не следует продолжения. Это было инстинктивное возражение, протест, вызванный чувством самосохранения, отрицание того, что дела действительно обстоят так, как они обстоят в реальности. Эхо его собственного «но...» в кабинете Катрины Братт, произнесенного двадцать пять минут назад.

Харри ждал, пока сын Ракели боролся со слезами, и ответил: «Я не знаю, Олег» – на пять его следующих вопросов. Он услышал всхлипывания мальчишки и подумал: «Пока он плачет, я не буду».

Наконец Олег успокоился, и наступила тишина.

– Мой телефон включен, я позвоню сразу, как только узнаю больше, – пообещал Харри. – Есть ли рейс...

– Есть рейс через Тромсё в час дня. – Олег дышал тяжело, с сипением и скрипом.

– Хорошо.

– Позвони, как только сможешь, ладно?

– Конечно.

– И, папа...

– Да?

– Не позволяй им...

– Нет-нет, не беспокойся, – сказал Харри. Он не мог объяснить, как догадался, о чем подумал Олег, никакого рационального объяснения не было, он просто... знал. Харри кашлянул. – Обещаю, что никто на месте преступления не увидит больше, чем надо для выполнения своей работы. Понятно?

– Да.

– Ну и хорошо.

Молчание.

Харри искал слова утешения, но не нашел ни одного, все они представлялись ему бесполезными.

– Я позвоню, – сказал он.

– Да.

На этом их разговор и закончился.

Глава 8

Харри медленно поднимался в гору к черной бревенчатой вилле, озаряемой вспышками синих огней припаркованных во дворе полицейских автомобилей. Бело-оранжевые оградительные ленты начинались внизу у ворот. Коллеги, не знаящие, что сказать и как вообще себя вести, молча смотрели на него, когда он проходил мимо них. Харри казалось, что он шагает под водой. Как во сне, от которого он надеялся вскоре очнуться. А может, не очнуться вовсе, потому что он пребывал в бесчувствии, странным образом не воспринимал и не ощущал ничего, только мягкий свет фар и приглушенный звук своих собственных шагов. Как будто он принял дозу.

Харри поднялся по трем ступенькам, ведущим к открытой двери в дом, который он когда-то делил с Ракелью и Олегом. Внутри дома слышались треск полицейских раций и короткие распоряжения Бьёрна Хольма, которые тот отдавал другим членам бригады криминалистов. Харри сделал вдох, его трясло.

Потом он переступил порог и автоматически обошел белые флажки, расставленные криминалистами.

«Это просто очередное расследование, – подумал он. – Я сплю, но ведь можно расследовать преступления и во сне. Надо только все сделать правильно, позволить сну плавно скользить дальше и самому не просыпаться. Пока я не проснулся, все это неправда».

И Харри все сделал правильно: он не стал смотреть ни на солнце, ни на труп, который, как он знал, лежал на полу между кухней и гостиной. Солнце, хотя оно и не было Ракелью, ослепило бы его, если бы он взглянул прямо на него. А созерцание трупа удручающе действует даже на опытных следователей, потрясает их в большей или меньшей степени, заставляет цепенеть и делает не слишком восприимчивыми к мелким деталям на месте преступления, которые могут о чем-то поведать и помочь составить связную логичную историю. Или же, наоборот, какая-то мелочь может выделяться из общей картины. Харри скользил взглядом по стенам. Одинокое красное пальто висело на крючке под шляпной полкой, там, где Ракель обычно вешала верхнюю одежду, если только уже не решила, что не наденет ее на следующий день, в этом случае она убирала ее в платяной шкаф. Ему пришлось взять себя в руки, чтобы не схватить пальто, не прижать его к лицу и не втянуть в себя ее запах. Запах леса. Потому что, какими бы духами Ракель ни пользовалась, в симфонии ароматов всегда присутствовала базовая нота – аромат норвежского смешанного леса. Он не увидел красного шелкового платка, который она обычно носила с этим пальто, а вот черные сапожки стояли на обувной полке под вешалкой. Взгляд Харри двигался дальше, в сторону гостиной, но и там ничего нового не было. Она выглядела точно так же, как та комната, из которой он вышел два месяца, пятнадцать дней и двадцать часов назад. Фотографии висят не криво, мебель не передвинута, ковры не сбиты. Харри окинул взглядом кухню. Вот оно. В деревянной пирамиде на кухонном столе не хватало одного ножа. Теперь надо посмотреть на труп.

Харри почувствовал, как на его плечо легла рука.

– Привет, Бьёрн, – сказал он, не оборачиваясь и не переставая методично фотографировать взглядом место преступления.

– Харри, – произнес Бьёрн, – даже не знаю, что сказать.

– Тебе следовало сказать, что мне здесь не место, – ответил Харри. – Ты должен заявить, что я лицо заинтересованное, что это не мое расследование и что мне, как и всем родственникам потерпевших, надлежит собраться с духом, прежде чем увидеть погибшую, и взять себя в руки, поскольку, возможно, придется произвести опознание.

– Ты же знаешь, что я ничего этого не скажу.

– Не ты, так кто-нибудь другой, – вздохнул Харри и посмотрел на следы крови внизу книжной полки, на корешках книг из собрания сочинений Гамсуна и старого Энциклопедического словаря, в который любил заглядывать Олег, а Харри объяснял ему, что в мире изменилось с того времени, когда был напечатан словарь, и почему. – А я бы предпочел услышать это от тебя. – Только сейчас Харри посмотрел на Бьёрна Хольма. Его и без того выпученные глаза, казалось, еще больше выкатились из орбит и блестели на бледном лице, обрамленном огненно-красными бакенбардами а-ля Элвис семидесятых годов, бородой и новой кепкой-шестипенсовиком, заменившей растаманскую шапочку.

– Ладно, Харри, если ты хочешь, то я сам это скажу.

Взгляд Харри переместился ближе к солнцу и наткнулся на край лужи крови на деревянном полу. Похоже, крови было много. Он сказал Олегу: «В полицию поступил рапорт, в котором сообщается о ее смерти». Как будто он сам до конца не мог поверить в это, пока не увидит собственными глазами. Харри кашлянул и попросил:

– Сначала расскажи, что у вас есть.

– Нож, – ответил Бьёрн. – Судмедэксперты в пути, но мне кажется, что ей нанесли три удара, не больше. Один в шею, прямо под череп. Это означает, что она умерла...

– Быстро и безболезненно, – закончил Харри. – Спасибо за заботу, Бьёрн.

Бьёрн быстро кивнул, и Харри понял, что он сказал это не только и не столько для него, сколько для себя.

Харри вернулся взглядом к деревянной пирамиде на кухонном столе. Суперострые ножи фирмы «Тоджиро», которые он купил в Гонконге, были выполнены в традиционном стиле сантоку с рукояткой из дуба, но у них вдобавок имелась еще гарда из белой кости буйвола. Ракель обожала этот набор. Вроде бы не хватает самого маленького, универсального ножа с лезвием примерно десять-пятнадцать сантиметров.

– К тому же нет никаких признаков сексуального насилия, – добавил Бьёрн. – Вся одежда на ней, и абсолютно целая.

Взгляд Харри достиг солнца.

Не просыпаться.

Ракель лежала в позе зародыша спиной к нему, лицом к кухне. Она скорчилась больше, чем обычно во сне. На ее спине не было видимых следов от ножевых ударов, а шею закрывали длинные черные волосы. Ревущие в голове Харри голоса пытались перекрыть друг друга. Один вопил, что на ней кофта «Нэнси», которую он купил во время поездки в Рейкьявик. Другой – что это не Ракель, это просто не может быть она. Третий утверждал, что если исходить из картины преступления, то жертву сначала ударили спереди, причем убийца не находился между нею и входной дверью, а значит, она не предприняла попытки убежать. Четвертый – что Ракель в любой момент может подняться, смеясь, подойти к нему и указать на скрытую камеру.

Скрытая камера.

Харри услышал тихое покашливание и обернулся.

Человек, стоявший в дверях, был большим и квадратным, голова его казалась вырубленной из гранита и расчерченной по линейке: лысый череп, прямой подбородок, прямой рот, прямой нос и маленькие квадратные глаза под парой прямых бровей. Джинсы, пиджак от костюма и рубашка без галстука. Серые глаза не выражали ничего, но тон и манера растягивать слова – как будто он долго ждал, чтобы все высказать, и теперь наслаждался процессом – были безапелляционны:

– Я сожалею о твоей потере, но вынужден попросить тебя покинуть место преступления, Холе.

Харри встретился взглядом с Уле Винтером и отметил, что полицейский из Крипоса¹¹ употребил кальку с английского, как будто даже у соболезнований не было адекватного выражения в норвежском языке. И что он даже не поставил точку после этого своего заявления, перед тем как вышвырнуть его, а лишь запятую. Харри не ответил, только повернулся и еще раз посмотрел на Ракель.

– Это означает прямо сейчас, Холе.

– Мм... Насколько я знаю, задача Крипоса – оказывать содействие Полицейскому управлению Осло, а не командовать...

– И как раз сейчас Крипос оказывает содействие, держа супруга жертвы на расстоянии от места преступления. Ты можешь проявить свой профессионализм и согласиться, или же я попрошу кого-нибудь из парней в форме вывести тебя отсюда.

Харри знал, что Уле Винтер не возражал бы против такого развития событий – позволить парочке своих подчиненных сопроводить Холе в полицейский автомобиль на глазах у коллег, соседей и падальщиков-журналистов, собравшихся внизу у дороги и снимающих все подряд. Уле Винтер был на пару лет старше Харри, и на протяжении двадцати пяти лет они оба работали следователями и вели дела об убийствах, так сказать, по разные стороны забора: Харри – в Полицейском управлении Осло, Винтер – в Крипосе, сотрудники которого оказывали содействие местной полиции в расследовании особо тяжких преступлений, а в некоторых случаях, располагая лучшими ресурсами и опытом, полностью брали расследование на себя. Харри посчитал, что позвонить в Крипос решил его непосредственный начальник Гуннар Хаген. И правильно сделал, учитывая, где работал супруг жертвы. Правда, при этом Хагену пришлось переступить через самолюбие, поскольку между двумя этими крупнейшими подразделениями всегда существовала негласная конкуренция. Ну и плюс ко всему, конечно, не секрет, как Уле Винтер относился лично к Харри. Винтер считал, что Холе сильно переоценивают, что его статус легендарного сыщика объясняется громкостью раскрытых им преступлений, а вовсе не его профессионализмом. А вот самого Уле Винтера, несмотря на то что он, безусловно, являлся звездой Крипоса, недооценивали – по крайней мере, за пределами их организации. И это было вызвано тем, что его триумфы, в отличие от успехов Холе, никогда не влекли за собой громких газетных заголовков, поскольку серьезная полицейская работа редко их удостаивается, в то время как выскочку-следователя, отличающегося непредсказуемым характером и к тому же любящего выпить, за один-единственный миг просветления и озарения пресса восхваляет постоянно.

Харри вынул пачку «Кэмела», зажал сигарету губами и достал зажигалку.

– Я сейчас уйду, Винтер.

Харри прошел мимо него, спустился по ступенькам на гравий и только тогда пошатнулся. Он остановился, чтобы прикурить, но слезы настолько ослепили его, что он не видел ни зажигалки, ни сигареты.

– Вот. – Харри услышал голос Бьёрна, пару раз быстро моргнул и втянул в себя пламя зажигалки, которую друг поднес к его сигарете. Харри глубоко затянулся, закашлялся и снова затянулся.

– Спасибо. Тебя тоже выгнали с места происшествия?

– Нет, я же работаю как на Крипос, так и на Полицейское управление Осло.

– Кстати, разве ты не в отпуске по уходу за ребенком?

– Катрина позвонила и велела срочно приехать. В данный момент мальчик наверняка сидит у нее на коленях в кресле начальника и руководит работой отдела убийств. – Кривая улыбка, едва коснувшись губ Бьёрна Хольма, исчезла. – Прости, Харри, я болтаю всякую чушь.

¹¹ *Крипос* – специальное подразделение полицейской службы Норвегии, которое занимается организованной преступностью и особо тяжкими уголовными преступлениями. – *Примеч. ред.*

– Мм... – Ветер унес дым, выпущенный Харри. – Вы уже закончили осматривать двор? Не выходить из образа следователя, оставаться под наркозом.

– Да, – ответил Бьёрн. – В ночь на воскресенье стояли заморозки, и гравий был более плотным. Если здесь побывали машины или люди, они оставили не слишком много следов.

– В ночь на *воскресенье*? Ты хочешь сказать, это произошло прошлой ночью?

– Тело холодное, а когда я согнул ее руку, мне показалось, что труп уже полностью оченел.

– Значит, прошло минимум двадцать четыре часа.

– Похоже на то. Но подождем заключения патологоанатомов. Эй, Харри, ты в порядке?

Харри уже успело вырвать, но он кивнул и сглотнул жгучую желчь. Разумеется, в порядке. Он до сих пор спит.

– Ножевые ранения. Можешь что-нибудь сказать о ноже?

– Думаю, клинок короткий или средний. Рядом с ранами нет следов синяков, так что либо убийца вонзал нож не слишком глубоко, либо это лезвие без рукоятки.

– Посмотри, сколько крови: он вонзал нож глубоко.

– Согласен.

Харри отчаянно втягивал в себя дым сигареты, выкуренной почти до фильтра. По подъездной дорожке к ним направлялся высокий молодой мужчина в элегантном костюме и пальто от «Бёрберри».

– Катрина сказала – тревогу поднял кто-то из сослуживцев Ракели, – продолжал Харри. – Знаешь что-нибудь об этом?

– Только то, что это был ее начальник, – ответил Бьёрн. – Ракель не явилась на важную встречу, и они не смогли до нее дозвониться. Вот босс и заподозрил неладное.

– Хм... А разве принято звонить в полицию только потому, что один из твоих подчиненных куда-то там не пришел?

– Не знаю, Харри. Он сказал, на Ракель не похоже – не явиться на встречу и не предупредить об этом. И потом, им же было известно, что она живет одна.

Харри медленно кивал. Сослуживцы Ракели знали гораздо больше. Они были в курсе, что она совсем недавно выгнала мужа. Человека, которого все считают нестабильным. Он бросил окурок и услышал, как зашуршал гравий, когда он тушил его каблуком.

Мужчина лет тридцати с небольшим, с азиатскими чертами лица, подошел ближе. Он был стройным и держал спину прямо. Костюм, судя по всему, сшит у портного, надетая под него свежевыглаженная рубашка сверкает белизной, галстук завязан плотным узлом, густые темные волосы коротко подстрижены, и стрижка могла бы показаться скромной, если бы не была ярко выраженной классикой. От следователя Крипоса Сон Мина Ларсена слабо пахло чем-то, на взгляд Харри, очень дорогим. В Крипосе за ним закрепилось прозвище Индекс Никкей¹², несмотря на то что имя Сон Мин, которое Харри в свое время несколько раз приходилось слышать в Гонконге, было корейским, а не японским. Ларсен учился на последнем курсе Полицейской академии в тот год, когда Харри начал там преподавать. Этот парнишка запомнился ему невероятной белизной рубашек, а также выразительными гримасами и кривыми ухмылками: так Ларсен реагировал всякий раз, когда новоиспеченный преподаватель Холе начинал путаться в материале. А еще результатами выпускного экзамена, наверняка лучшими за всю историю учебного заведения.

– Примите мои соболезнования, Холе, – произнес Сон Мин Ларсен. – Мои глубочайшие соболезнования.

Он был почти одного роста с Харри.

¹² *Никкей* – сокращенное название индекса Japan's Nikkei 225 Stock Average, взвешенного индекса цен на акции или ценные бумаги наиболее крупных, ликвидных и надежных японских компаний. – *Примеч. ред.*

– Спасибо, Ларсен. – Харри кивнул на блокнот, который следователь из Крипоса держал в руке. – Опрашивал соседей?

– Точно так.

– Что-нибудь интересное есть? – Харри огляделся.

Здесь, в фешенебельном районе Хольменколлен, виллы располагались на большом расстоянии друг от друга. Их разделяли высокие живые изгороди и ряды елей.

Казалось, Сон Мин Ларсен на мгновение задумался, стоит ли делиться информацией с Полицейским управлением Осло. А может, проблема заключалась в том, что Харри был супругом жертвы.

– Ваша соседка, Венке Ангондора Сивертсен, утверждает, что не видела и не слышала ничего необычного в субботу вечером. Я поинтересовался, открывает ли она на ночь окно, и дама ответила утвердительно. Но добавила, что спит с открытым окном, потому что не просыпается от привычных звуков – например, от звука подъезжающей машины мужа, автомобилей соседей, мусоровоза. И она подчеркнула, что стены дома, принадлежавшего Ракели Фёуке, сделаны из толстых бревен.

Молодой следователь говорил все это, не заглядывая в блокнот, и у Харри появилось ощущение, что Ларсен выдавал ему набор малосодержательных сведений в качестве теста, чтобы посмотреть, как он на них отреагирует.

– Мм... – Харри издал бурчание, означавшее, что он понял слова собеседника.

– Это так? – спросил Ларсен. – Дом действительно принадлежит вашей супруге? Не вам обоим?

– Исключительная собственность, – подтвердил Харри. – Я настоял. Не хотел, чтобы люди подумали, будто я женился из-за денег.

– Она была богата?

– Нет, это шутка. – Харри кивнул в сторону дома. – Тебе надо довести собранную информацию до сведения твоего начальника, Ларсен.

– А что, Винтер уже приехал?

– Во всяком случае, внутри сильно похолодало¹³.

Сон Мин Ларсен натянул на лицо вежливую улыбочку:

– С формальной точки зрения расследование возглавляет Винтер, но, судя по всему, вплотную заниматься этим делом предстоит мне. Я не такой выдающийся специалист, как вы, Холе, но обещаю сделать все возможное, чтобы поймать убийцу вашей супруги.

– Спасибо, – сказал Харри. У него было ощущение, что молодой следователь говорил вполне искренне, ну разве что насчет «выдающегося специалиста» слегка преувеличил. Он проводил глазами Ларсена, шагавшего к дому мимо полицейских машин, а затем произнес: – Скрытая камера.

– Что? – не понял Бьёрн.

– Я установил фотоловушку вон на той ели, что посредине. – Харри кивнул в сторону зарослей кустов и деревьев, походивших на кусочек леса у ограды соседнего участка. – Надо сказать об этом Винтеру.

– Нет, – твердо возразил Бьёрн.

Харри вопросительно посмотрел на него. Добродушный тутенец редко говорил столь безапелляционно. Бьёрн Хольм пожал плечами и пояснил:

– Если там есть запись, способная помочь в расследовании, мне кажется, честь раскрытия преступления не должна достаться Винтеру.

– Вот как?

– С другой стороны, тебе нельзя здесь ничего трогать.

¹³ Игра слов: фамилия Винтер (Winter) переводится с английского как «зима».

– Потому что я – подозреваемый, – сказал Харри.

Бьёрн дипломатично промолчал.

– Все в порядке, – заверил друга Харри. – Я же понимаю: бывший муж всегда возглавляет список подозреваемых.

– Разумеется, тебя скоро исключат из их числа, – ответил Бьёрн. – Ладно, я займусь записью с камеры. Ель посередине, говоришь?

– Камеру трудно рассмотреть, – предупредил Харри. – Чехол фотоловушки завернут в чулок такого же цвета, что и ствол дерева. Он находится на высоте двух с половиной метров.

Бьёрн бросил на Харри странный взгляд, после чего направился к деревьям на удивление мягким и пружинистым для своего плотного телосложения шагом. У Харри зазвонил телефон. Первые четыре цифры высветившегося на дисплее номера указывали на то, что звонят с одного из стационарных телефонов в редакции газеты «ВГ»¹⁴. Стервятники учуяли добычу. А раз они звонят ему, значит узнали имя жертвы и связали погибшую с ним. Харри не ответил на звонок и убрал мобильник в карман.

Бьёрн сидел на корточках возле елей. Он поднял голову и жестом позвал Харри.

– Ближе не подходи, – предупредил криминалист. Он снова натянул белые резиновые перчатки. – Тут кто-то уже побывал до нас.

– Какого черта... – прошептал Харри. Чулок был содран с дерева, разорван и валялся на земле. Рядом лежали разбитые фотоловушка и крепление к ней. Кто-то раздавил их ногой. Бьёрн поднял камеру и констатировал:

– Карта памяти удалена.

Харри тяжело дышал носом.

– Ничего себе: разглядеть фотоловушку в этом камуфляжном чулке!... – произнес Бьёрн. – Для этого ведь надо стоять здесь, у деревьев.

Харри медленно кивал.

– Или... – сказал он, ощущая, что мозгу не хватает кислорода, – тот человек знал, что камера находится здесь.

– Согласен. Кому ты об этом рассказывал?

– Никому. – Голос Харри стал сиплым. Он не сразу понял, в чем дело, что именно так наполняет болью его грудь и стремится прорваться наружу. Может, он просыпается? – Абсолютно никому. Да и фотоловушку я устанавливал под покровом ночи, так что никто меня не видел. Ни один человек, во всяком случае.

Теперь Харри понял, что именно рвалось наружу. Вороний крик. Плач сумасшедшего. Смех.

¹⁴ «ВГ» (VG, Verdensgang) – одна из крупнейших ежедневных газет Норвегии. – *Примеч. ред.*

Глава 9

В половине третьего дня немногочисленные постоянные посетители без особого интереса посмотрели в сторону открывающихся дверей ресторана «Шрёдер».

Пожалуй, «ресторан» – это громко сказано: хотя тут и подавали типичную норвежскую еду, такую как бекон с соусом, но основными блюдами в «Шрёдере» все-таки были пиво и вино. Это питейное заведение с выкрашенными коричневой краской стенами располагалось на улице Вальдемара Тране еще с середины пятидесятих годов, а с середины девяностых стало постоянным прибежищем Харри. С перерывом на те несколько лет, которые он прожил у Ракели в Хольменколлене. Но теперь он вернулся.

Харри выбрал столик у окна и плюхнулся на скамейку.

Скамейка была новой. В остальном же интерьер заведения за последние двадцать лет не изменился: те же столы и стулья, тот же потолок из цветного стекла, те же картины Сигурда Фоснеса с видами Осло, и даже скатерти (внизу красная, а сверху по диагонали положена белая) были теми же самыми. Первое изменение, произошедшее на памяти Харри, случилось в 2004 году после вступления в силу закона о курении. Тогда весь ресторан заново покрасили, чтобы избавиться от запаха табака. Краску выбрали того же самого цвета, что и раньше. А запах табака так до конца и не выветрился.

Он посмотрел на телефон, но Олег еще не ответил на его сообщение с просьбой перезвонить – скорее всего, сидел в самолете.

– Это ужасно, Харри, – сказала Нина, убирая со стола, за который он сел, две пустые полулитровые кружки из-под пива. – Только что прочитала в Интернете про Ракель.

Она вытерла свободную руку о фартук и посмотрела на него сверху вниз:

– Как ты?

– Спасибо, плохо, – ответил Харри.

Значит, стервятники уже обнаружили имя жертвы. Наверняка они уже где-нибудь отыскали фотографию Ракели. И конечно, фото Харри Холм, коих немало в их архивах. На некоторых из этих снимков он смотрелся настолько страшно, что Ракель просила его в следующий раз немного попозировать. Сама же она всегда выглядела на фотографиях просто замечательно, не прилагая к этому ни малейших усилий. Ракель вообще отличается редкой фотогеничностью. Вернее, *отличалась*. Черт.

– Кофе?

– Нет, Нина, сегодня принеси мне пива.

– Я все понимаю, но, Харри, как же так? Сколько лет я уже не наливала тебе спиртного?

– Много, Нина. И я ценю твою заботу. Но... я не могу проснуться, понимаешь?

– Проснуться?

– Если я отправлюсь в заведение, где есть крепкие напитки, то напьюсь сегодня до смерти.

– Ты пришел сюда, потому что здесь подают только пиво?

– И еще потому, что отсюда я найду дорогу домой с закрытыми глазами.

Официантка нахмурилась. Некоторое время она продолжала молча стоять и смотреть на него с беспокойством и задумчивостью. А потом глубоко вздохнула:

– Хорошо, Харри. Но тогда давай договоримся: я сама решу, когда тебе будет достаточно.

– Мне никогда не будет достаточно, Нина.

– Я знаю. Но думаю, ты пришел сюда, потому что хочешь, чтобы тебе наливал человек, на которого ты можешь положиться.

– Может быть.

Нина ушла и вернулась с полулитровой кружкой, которую поставила на стол перед Харри.

– Только медленно, – сказала она. – Пей медленно.

Где-то на середине третьей кружки дверь снова отворилась.

Харри отметил, что поднявшие головы завсегдатаи «Шрёдера» не опустили их вновь, а следили глазами за длинными, обтянутыми кожей ногами, пока новая посетительница не дошла до столика Харри и не села на стул.

– Ты не отвечаешь на звонки, – сказала женщина, отмахнувшись от двинувшейся было в ее сторону Нины.

– Выключил мобильник. Начали названивать журналюги.

– Пока что обнародовали только имя жертвы, не фамилию, но столько народу на пресс-конференции я в последний раз видела, когда мы раскрыли дело вампириста. И частично по этой причине начальник полиции решил тебя временно отстранить.

– Что? Я понимаю, что мне не дадут заниматься именно этим делом, но ты хочешь сказать, что меня полностью отстраняют от работы? Неужели потому, что пресса пишет об убийстве?

– Потому что тебе не дадут работать спокойно, чем бы ты ни занимался, а нам сейчас не нужна твоя несобранность.

– И?..

– Что «и»?

– Договаривай. – Харри поднес кружку ко рту.

– Это все.

– Нет, не все. Ты забыла про политику. Давай излагай.

Катрина тяжело вздохнула:

– После включения коммун Берум и Аскер в полицейский округ Осло мы отвечаем за одну пятую часть населения Норвегии. Два года назад результаты социологических опросов показывали, что восемьдесят шесть процентов этого населения доверяют нам. Однако из-за нескольких неудачных дел данный показатель снизился до шестидесяти пяти процентов. И поэтому нашего дорогого начальника полиции Гуннара Хагена вызвали на ковер к нашему не слишком дорогому министру юстиции Микаэлю Бельману. Короче говоря, Полицейскому управлению Осло и лично Хагену в настоящее время меньше всего нужно, чтобы газеты публиковали интервью с разъяренным полицейским, находящимся на службе в пьяном виде.

– Ты кое-что забыла. С разъяренным и пьяным *параноиком*. – Харри откинул голову назад и опустошил кружку.

– Пожалуйста, не надо больше паранойи, Харри. Я разговаривала с Винтером из Крипоса. Следов Финне там не обнаружено.

– А какие следы обнаружены?

– Вообще никаких.

– Быть того не может. В доме совершено убийство. – Харри подал знак Нине, что готов к следующей кружке. – А что говорят судмедэксперты? Можешь ты мне это рассказать?

– Ладно, – сдалась Катрина. – Ракель скончалась в результате удара ножом в шею. Удар пришелся в дыхательный центр в *medulla oblongata*¹⁵ между верхним шейным позвонком и черепом. Она скончалась мгновенно.

– Я не спросил Бьёрна о двух других, – произнес Харри.

– О чем ты говоришь?

– О втором и третьем ударах ножа.

Он увидел, как Катрина сглотнула. Небось думала, что сможет уберечь его от этой информации.

– В живот, – ответила она.

– Ну вот, а говорили, что Ракель умерла безболезненно.

¹⁵ Продолговатый мозг (*лат.*).

– Харри...

– Продолжай, – твердо сказал Харри и внутренне съежился. Ему казалось, он сам чувствует эти удары.

Катрина прочистила горло.

– Если человека убили больше суток назад, как в нашем случае, то установить точное время его смерти обычно очень сложно. Но возможно. Ты, наверное, слышал, что сейчас разработали новый метод, при котором комбинируются показатели ректальной температуры и температуры глаз, температуры гипоксантина в глазной жидкости и температуры мозга...

– Мозга?

– Да. Поскольку мозг защищен черепом, он меньше подвержен воздействию внешних факторов. Зонд в форме иглы вводится через нос и через *lamina cribrosa*¹⁶, где основание черепа...

– С момента нашей последней встречи ты основательно подучила латынь.

Катрина промолчала.

– Прости, – произнес Харри. – Я... я не...

– Все в порядке, – сказала Катрина. – Так вот, в данном случае работу экспертам облегчило то обстоятельство, что температура на первом этаже была постоянной: мы знаем, что все батареи управляются одним термостатом. И поскольку эта температура была довольно низкой...

– Ракель говорила, что в теплом свитере и с холодной головой ей лучше думается, – вставил Харри.

– ...то внутренние органы тела еще не сравнялись по температуре с окружающей средой. В результате, пользуясь новой методикой, мы смогли установить, что смерть наступила в ночь на воскресенье, одиннадцатого марта, где-то между десятью вечера и двумя часами ночи.

– Так. А что говорит дежурная бригада, которая прибыла по вызову?

– Когда они приехали, входная дверь была не заперта, и поскольку она не оборудована защелкивающимся замком, то все указывает на то, что убийца покинул место преступления через нее. Не обнаружено также никаких следов взлома, а значит, когда злоумышленник пришел, входная дверь была открыта...

– Ракель всегда запирала эту дверь. И все другие двери тоже. Не дом, черт побери, а настоящая крепость.

– ...или же Ракель сама впустила его.

– Мм... – Харри обернулся и нетерпеливо огляделся в поисках Нины.

– Насчет крепости ты прав. Бьёрн прибыл на место одним из первых и обошел дом с подвала до чердака. Он говорит, что все двери были заперты изнутри, а все окна закрыты на шпингалеты. Так у тебя есть какие-нибудь соображения?

– Меня удивляет, почему так мало следов.

– Согласна, – кивнула Катрина. – Там поработал человек, тщательно уничтожавший за собой следы. И прекрасно знавший, что именно следует убрать.

– Точно. А ты думаешь, Финне не знает, как это делается?

– Нет, не думаю. И конечно, Финне входит в число подозреваемых, его ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов. Но мы не можем выдвинуть обвинения против того или иного гражданина, основываясь исключительно на собственной интуиции.

– Исключительно на интуиции? Да я ведь уже говорил, что Финне открыто угрожал мне и моей семье.

Катрина не ответила.

Харри посмотрел на нее, потом медленно кивнул:

¹⁶ Решетчатая пластинка (лат.).

– Маленькая поправка: *по утверждению презренного супруга жертвы*, Финне угрожал ему и его близким.

Катрина перегнулась через стол:

– Послушай, чем быстрее тебя можно будет исключить из числа подозреваемых, тем меньше шума. Сейчас за расследование отвечает Крипос, но мы с ними сотрудничаем, поэтому я могу надавить на них, чтобы они побыстрее прояснили ситуацию, после чего выступим с заявлением для прессы.

– С каким еще заявлением?

– Ты же знаешь, газеты напрямую об этом не говорят, но читатели не идиоты. И если верить статистике, вероятность того, что супруг является виновным в такого рода делах, составляет приблизительно...

– Восемьдесят процентов, – громко и медленно произнес Харри.

– Прости, – сказала Катрина и покраснела. – Мы просто хотим как можно быстрее покончить с формальностями.

– Понимаю, – пробормотал Харри, размышляя, не окликнуть ли Нину. – Просто сегодня я немного чувствителен.

Катрина протянула руку над столом и накрыла его ладонь:

– Я даже представить себе не могу, каково это, Харри. Вот так потерять любовь всей своей жизни.

Харри посмотрел на ее руку.

– Я тоже не могу, – сказал он. – Поэтому и хочу забыться, хотя бы на время. Нина!

– Но по закону нельзя допрашивать человека, если он пьян, так что, пока ты не протрезвеешь, подозрения с тебя не снимут.

– Это всего лишь пиво, через пару часов, если мне позвонят из Крипоса, я снова буду трезв. Кстати, роль матери тебе очень идет, я уже говорил?

Катрина улыбнулась и поднялась:

– Мне надо возвращаться, сотрудники Крипоса попросили разрешения воспользоваться нашими допросными. Береги себя, Харри.

– Стараюсь изо всех сил. Иди и арестуй его.

– Харри...

– Иначе я сам сделаю это. Нина!

Дагни Йенсен шла по мокрой от весеннего дождя брусчатке между могильными плитами по кладбищу Спасителя. С улицы Уллеволсвейен, где велись дорожные работы, доносился запах плавящегося металла, а на кладбище пахло гниющими цветочными букетами и мокрой землей. И еще собачьими экскрементами. Теперь после схода снега весна в Осло всегда была именно такой, но иногда Дагни задумывалась: да что же они за люди такие, эти владельцы собак, выгуливающие своих питомцев на обычно пустынном кладбище, чтобы не убирать за ними испражнения, поскольку тут этого все равно никто не увидит! Обычно Дагни приходила на могилу матери по понедельникам после последнего урока в Соборной школе, расположенной всего в пяти минутах ходьбы отсюда. Дагни преподавала там английский язык. Она скучала по маме, скучала по их ежедневным разговорам обо всем на свете. Мама всегда была настолько неотъемлемой частью ее жизни, что, когда из дома престарелых сообщили печальную весть, Дагни не поверила. Не поверила, даже увидев тело, похожее на восковую куклу, этукую неудачную копию мамы. Точнее говоря, ее мозг все понимал, а вот сердце – нет. Видимо, ей требовалось самой быть свидетельницей смерти, чтобы принять факт ухода человека в мир иной. Поэтому Дагни до сих пор иногда казалось, что вот сейчас в дверь ее квартиры на улице Торвальда Мейера постучат и войдет мама. А почему бы и нет? Скоро людей начнут отправлять на Марс, и, кто знает, может быть, с медицинской точки зрения нет ничего невозможного

в том, чтобы вернуть к жизни мертвое тело? Во время похорон священник, молодая женщина, сказала, что у нас нет точного ответа на вопрос, что находится за порогом смерти; все, что мы знаем: тот, кто его переступит, никогда не вернется. Дагни возмутилась до глубины души. И дело было даже не в том, что так называемая народная церковь стала толерантной до такой степени, что отказалась от своей, по сути, единственной функции: давать точные и утешительные ответы на вопрос, что нас ожидает после смерти. Но священница очень естественно и уверенно произнесла это «никогда». Если людям нужна надежда, безумная идея о том, что их любимый человек однажды воскреснет из мертвых, зачем отнимать ее? Если все обстоит так, как утверждает христианская вера, то подобное ведь уже произошло один раз, а значит, может случиться снова, разве нет? Через два года Дагни исполнится сорок, но она до сих пор не вышла замуж и не обзавелась детьми, она до сих пор не съездила в Микронезию, не реализовала свой план открыть детский дом в Эритрее, не дописала сборник стихов. И она надеялась, что впрямь не услышит, как кто-то произносит с такой интонацией слово «никогда». Дагни шла по тропинке в части кладбища, расположенной ближе всего к улице Уллеволсвейен, как вдруг увидела мужчину. Точнее говоря, она заметила длинную черную косичку, свисавшую по его спине, и то, что поверх клетчатой фланелевой рубашки он не надел куртку. Мужчина стоял перед могильной плитой, на которую Дагни обратила внимание еще зимой, потому что ее не расчищали; она подумала тогда, что, видно, у этого умершего никого не осталось – по крайней мере, никого, кто любил его или ее.

Дагни Йенсен обладала неприметной внешностью: на такую взглянешь и сразу забудешь. Хрупкая маленькая женщина, до сих пор тихонечко кравшаяся по своему жизненному пути. На улице Уллеволсвейен уже начала образовываться пробка, хотя еще не было и трех часов, поскольку за последние сорок лет рабочее время в Норвегии сократилось до уровня, который заставлял иностранцев попеременно испытывать то раздражение, то восхищение. Поэтому Дагни очень удивилась, что мужчина услышал ее шаги и повернулся к ней. Он оказался старым. Кожа на его лице походила на дубленую, а резкие морщины были такими глубокими, что казалось, доходили до самых костей. Правда, тело его под фланелевой рубашкой выглядело худым и мускулистым, как у молодого, но лицо, желтоватые белки карих глаз, зрачки размером с булавочную головку говорили о том, что ему минимум лет семьдесят. На лбу красная бандана, как у индейца, а над толстой верхней губой редкие усики.

– Добрый день, – произнес он громко, чтобы она расслышала его в уличном шуме.

– Приятно видеть человека у этой могилы, – ответила Дагни и улыбнулась. Обычно она не была такой разговорчивой с незнакомцами, но сегодня пребывала в хорошем настроении, да, была даже немного возбуждена, поскольку Гуннар, новенький учитель английского, пригласил ее на бокал вина.

Мужчина улыбнулся в ответ.

– Здесь похоронен мой сын, – сказал он глубоким хриплым голосом.

– Мне очень жаль это слышать. – Она разглядела, что в землю перед могильной плитой было воткнуто перо, а не цветок.

– В племени чероки в гроб к умершим принято класть орлиное перо, – произнес незнакомец, словно прочитав ее мысли. – Но это не орел, а сарыч.

– Да? И где же вы его достали?

– Перо сарыча? Осло со всех сторон окружен дикой природой, ты разве не знала? – Он улыбнулся.

– Ну, положим, эта природа выглядит довольно цивилизованной. Однако класть перо – хорошая идея; возможно, оно поможет душе вашего сына воспарить на небеса.

Мужчина покачал головой:

– Дикая природа, никакой цивилизации. Моего сына застрелил полицейский. И теперь мой мальчик не попадет на небеса, сколько бы перьев я ему ни принес, но он и не в раскаленном

аду, куда держит путь его убийца. – В голосе старика не было ненависти, только сожаление, как будто он сочувствовал тому полицейскому. – А ты кого навещаешь?

– Маму, – сказала Дагни и посмотрела на могильную плиту: «Валентин Йертсен». Вроде бы она уже где-то слышала это имя.

– Значит, ты не вдова. Потому что такая к-красивая женщина, как ты, конечно же, в юности вышла 3-замуж и родила детей?

– Спасибо за комплимент, но на оба вопроса ответ «нет», – рассмеялась Дагни, и в голове у нее промелькнуло видение: ребенок с ее светлыми кудряшками и уверенной улыбкой Гуннара – и это заставило ее улыбнуться еще шире.

– Как красиво, – заметила она, указывая на какой-то искусно выполненный металлический предмет, воткнутый в землю у могилы. – А что это за символ?

Мужчина вынул предмет из земли и поднял вверх. Он был похож на изогнувшуюся змею и заканчивался острием.

– Это символ смерти. В твоей семье были с-сумасшедшие?

– Э-э-э... Мне об этом ничего не известно.

Он приподнял рукав фланелевой рубашки, чтобы посмотреть на часы.

– Четверть третьего, – сказала Дагни.

Он снисходительно улыбнулся, словно бы не нуждался в ее пояснениях, нажал на кнопку сбоку на часах, поднял на нее глаза и объявил:

– Две с половиной м-минуты.

Он рассчитывает для чего-то время?

Внезапно мужчина сделал два широких шага и оказался прямо перед ней. От него пахло костром.

И, словно бы вновь прочитав ее мысли, он произнес:

– Я могу пахнуть и тобой. Я пах тобой, когда ты еще только шла сюда. – Губы его увлажнились, когда он говорил, они извивались, как угри на крючке. – У тебя овуляция.

Дагни уже пожалела, что остановилась, и все же продолжала стоять, словно взгляд этого странного типа пригвоздил ее к месту.

– Если ты не будешь противиться, все закончится быстро, – прошептал он.

А потом Дагни словно бы пришла в себя и развернулась, чтобы убежать. Но быстрая рука проскользнула под ее короткую куртку, крепко цапнула за ремень и потянула назад. Она успела вскрикнуть и бросить взгляд на пустое кладбище, прежде чем ее швырнули в кустарник, росший у ограды вдоль улицы Уллеволсвейен. Две сильные руки обхватили ее грудь и сжали как тисками. Она умудрилась втянуть в себя немного воздуха, чтобы закричать, но, казалось, незнакомец именно этого и ждал, потому что, как только она на выдохе начала издавать крик, его руки стиснули ее еще крепче, буквально выдавливая воздух из ее легких. Она заметила, что в одной руке мужчина до сих пор держал изогнутую железку. Другая рука переместилась к ее горлу и стиснула его. У нее потемнело в глазах, и, хотя рука на груди внезапно ослабила хватку, Дагни почувствовала, что тело ее расслабилось и отяжелело.

«Этого не произойдет, – думала она, в то время как его рука шарилась сзади между ее бедрами. Она почувствовала, как что-то острое прикоснулось к животу под пряжкой ремня, и услышала звук рвущейся ткани, когда железное острие вспорол брюки от живота до спины. – Подобное просто не может случиться посреди бела дня на кладбище в центре Осло. Во всяком случае, не со мной!»

А затем рука, сжимавшая горло, ослабила хватку, и Дагни издала такой же звук, как мама, когда надувала ветхий матрас. Она жадно втягивала в разрывающиеся от боли легкие весенний воздух Осло и выхлопные газы машин, стоявших в пробке. Одновременно она почувствовала прикосновение к горлу чего-то острого. Посмотрев вниз, разглядела изогнутый нож и услышала хриплый шепот у своего уха:

– Первым номером моей программы был удав. А вот это – ядовитая змея. Один маленький укус – и ты умрешь. Так что лучше стой спокойно и не издавай ни звука. Вот так. Да, именно так. Н-нормально стоишь?

Дагни Йенсен почувствовала, как по щекам у нее потекли слезы.

– Вот так, все будет хорошо. Осчастливишь ли ты меня, выйдешь ли ты за меня замуж?

Дагни почувствовала, как кончик ножа крепче прижался к гортани.

– Ты согласна?

Она осторожно кивнула.

– Тогда мы обручились, любовь моя. – (Дагни ощутила, как его губы касаются ее шеи. Прямо перед собой, с противоположной стороны кустарника и ограды, она услышала звук чьих-то шагов и оживленный разговор двух людей, но вскоре все стихло.) – А теперь перейдем от слов к делу. Я сказал, что змея у твоего горла символизирует с-смерть. А вот это символизирует жизнь...

Дагни Йенсен почувствовала «это» и крепко зажмурила глаза.

– Новую жизнь, которую мы сейчас создадим...

Он произвел толчок, и она крепко сжала зубы, чтобы не закричать.

– За каждого потерянного сына я дам миру п-пятерых новых, – прохрипел он ей в ухо с новым толчком. – А ты не посмеешь уничтожить то, что принадлежит нам обоим, слышишь? Потому что дитя – это дар Божий.

Третий толчок – и он с долгим стоном изверг свое семя.

Нож исчез, и мужчина отпустил ее. Дагни освободилась от железной хватки насильника и заметила, что ее ладони в крови, потому что она хваталась за колючий кустарник. Но она продолжала стоять, нагнувшись вперед, спиной к нему.

– Повернись сюда! – приказал мужчина.

Она нехотя выполнила его повеление.

Он держал в руках ее портмоне и рассматривал извлеченную из него банковскую карточку.

– Дагни Йенсен, – прочитал он. – Улица Торвальда Мейера. Хороший район. Я буду тебя периодически навещать. – Он протянул ей бумажник, склонил голову и внимательно посмотрел на нее. – Помни, Дагни, это наша тайна. С этого момента я буду следить за тобой и защищать тебя, как орел, которого ты не видишь, но знаешь, что он там, наверху, и наблюдает за тобой. Никто и ничто не поможет тебе, потому что я дух, который невозможно изловить. Но и с тобой ничего плохого тоже произойти не может, потому что мы помолвлены и длань моя простирается над тобой.

Он поднял руку, и она только сейчас поняла: посреди ладони у него зияла самая настоящая дыра.

Этот страшный человек ушел, и Дагни Йенсен, захлебываясь слезами, бессильно опустилась в сырой снег у ограды. Сквозь слезы она видела спину старика с косичкой, спокойными шагами направлявшегося к северным воротам кладбища. Раздался пульсирующий писк: это сработал таймер. Мужчина остановился, поднял рукав и нажал на запястье. Писк прекратился.

Харри открыл глаза. Он лежал на чем-то мягком и пялился в потолок на маленькую, но симпатичную хрустальную люстру, которую Ракель привезла домой из Москвы, где проработала несколько лет. Если смотреть на люстру снизу, то видно, что хрустальные подвески формируют букву «S», чего он раньше не замечал. Женский голос произнес его имя. Он обернулся, но никого не увидел.

– Харри, – повторила женщина.

Он спал. Это пробуждение? Харри открыл глаза. Он по-прежнему находился в сидячем положении в ресторане «Шрёдер».

– Харри? – раздался голос Нины. – Тут к тебе пришли.

Он поднял голову и увидел прямо перед собой озабоченные глаза Ракели, рот Ракели, слегка блестящую кожу Ракели. А вот челка была гладкой, как у русского отца. Нет, он все еще спит.

– Олег, – невнятно произнес Харри и попытался встать на ноги, чтобы обнять парня, но у него не вышло. – Я не думал, что ты прилетишь так рано.

– Я приехал в город час назад. – Высокий молодой человек опустился на тот же стул, на котором прежде сидела Катрина, и скривился, как будто сел на кнопку.

Харри посмотрел в окно и, к своему удивлению, обнаружил, что на улице уже стемнело.

– А как ты узнал, где...

– Бьёрн Хольм подсказал. Я разговаривал с агентом из похоронного бюро и договорился встретиться с ним завтра утром. Пойдешь со мной?

Голова Харри упала на грудь. Он застонал:

– Конечно пойду, Олег. Черт, ты приехал, а я сижу здесь пьяный, и ты делаешь работу, которую должен был делать я.

– Ничего, на самом деле, когда что-то делаешь, становится легче. Когда занимаешь голову практическими вопросами. Я даже начал прикидывать, как нам поступить с домом после того, как... – Он замолчал, поднес руку к лицу и прижал большой и указательный пальцы к вискам. – Бред, да? Мама едва успела остыть, а я... – Пальцы массировали виски, а кадык ходил вверх-вниз.

– Ничего не бред, – возразил Харри. – Твой мозг ищет способ избавиться от боли. Я нашел свой способ, но тебе его не советую. – Он передвинул полупустую кружку, стоявшую между ними. – Боль можно обмануть на какое-то время, но она тебя отыщет. Когда ты немного расслабишься, когда ослабишь меры безопасности, когда твоя голова покажется над краем окопа. А пока дозволено не испытывать никаких чувств.

– Оцепенение, – сказал Олег. – Я просто оцепенел. Я тут вспомнил, что ничего сегодня не ел, так что купил сосиску чили и полил ее самой острой горчицей, просто чтобы что-нибудь *почувствовать*. И знаешь что?

– Знаю, – кивнул Харри. – Ты не почувствовал ничего.

– Ничего, – повторил Олег и смахнул что-то с глаз.

– Боль придет, – заверил его Харри. – Не надо ее искать, она сама тебя найдет. Тебя и все дыры в твоих доспехах.

– Тебя уже нашла?

– Я сплю, – произнес Харри. – И пытаюсь не просыпаться.

Он посмотрел на свои руки. Он бы все отдал за возможность принять на себя часть боли Олега. Что он мог сказать этому парню? Что потом никогда не будет так больно, как в тот раз, когда ты впервые теряешь человека, которого любишь по-настоящему? Но теперь Харри уже не знал, правда ли это. Он кашлянул.

– Дом закрыт до тех пор, пока криминалисты не закончат работу. Переночуешь у меня?

– Я переночую у родителей Хельги.

– Хорошо. Как Хельга это восприняла?

– Очень расстроилась. Ведь они с Ракелью стали настоящими подругами.

Харри кивнул:

– Хочешь услышать подробности?

Олег отрицательно покачал головой:

– У меня уже был долгий разговор с Бьёрном, он рассказал все, что нам известно. И что неизвестно.

Нам. Харри отметил, что за несколько месяцев практики Олег научился употреблять это расширенное местоимение «мы», говоря о полиции. То «мы», которое сам он за двадцать пять

лет службы не употреблял никогда. Однако опыт научил его, что это «мы» укоренилось в нем гораздо глубже, чем он думал. Потому что это твой дом. В горе и в радости. Даже когда теряешь все остальное, а большую часть – навсегда. Харри надеялся, что Олег и Хельга будут держаться друг за друга.

– Меня завтра с утра пораньше вызвали на допрос, – сказал Олег. – В Крипос.

– Понятно.

– Они станут спрашивать о тебе?

– Если будут добросовестно выполнять свою работу, то станут.

– А что мне отвечать?

Харри пожал плечами:

– Правду. Без прикрас, такую, какой ее видишь ты.

– Хорошо. – Олег снова закрыл глаза и сделал пару глубоких вдохов. – Угостишь меня пивом?

Харри вздохнул:

– Как видишь, во мне не много осталось от мужчины, но, по крайней мере, я всегда держу свое слово. Поэтому я никогда не обещал слишком многого твоей матери. Однако кое в чем, Олег, я ей поклялся: поскольку твой отец является носителем того же плохого гена, что и я сам, я дал слово, что никогда в жизни, ни при каких обстоятельствах не налью тебе ни капли спиртного.

– Ну, вообще-то, мама не возражала против пива.

– Это обещание было моей идеей, Олег. Но я не собираюсь тебя ни в чем ограничивать.

Олег развернулся и поднял вверх палец. Нина кивнула.

– Сколько времени ты еще будешь спать? – спросил Олег.

– Сколько смогу.

Подросло пиво, и Олег начал медленно пить его маленькими глотками, каждый раз ставя кружку между ними, как будто они ее делили. Оба молчали. Им не требовалось разговаривать. Да они и не могли, поскольку отчаянно сдерживали молчаливые рыдания.

Когда кружка опустела, Олег вынул телефон и взглянул на экран:

– Это брат Хельги, он приехал за мной на машине и уже ждет на улице. Подкинуть тебя домой?

Харри отрицательно покачал головой:

– Спасибо, но мне надо пройтись.

– Я пришлю тебе эсэмэской адрес похоронного бюро.

– Договорились.

Они одновременно поднялись. Харри отметил, что Олег все еще чуть-чуть не дотягивает до его 193 сантиметров, а потом вспомнил, что этот забег окончен: мальчик уже вырос.

Они крепко обнялись, положив подбородки на плечи друг другу, и некоторое время так и стояли.

– Папа...

– Что?

– Когда ты позвонил и сказал, что речь пойдет о маме, я подумал, что вы решили съехаться. Это потому, что два дня назад я спросил ее, не может ли она дать тебе еще один шанс.

Харри почувствовал, что у него в груди встает ком.

– Что ты такое говоришь?

– Она ответила, что подумает об этом в выходные. Но я знаю, что она хотела. Мама очень хотела, чтобы ты вернулся.

Харри закрыл глаза и сжал челюсти так плотно, что казалось, коренные зубы сейчас треснут. *Зачем ты пришла и сделала меня таким одиноким?* Всего алкоголя мира не хватит, чтобы победить эту боль.

Глава 10

Значит, Ракель хотела, чтобы он вернулся.

От этого лучше или, наоборот, еще хуже?

Харри вытащил из кармана телефон, чтобы выключить его. Ага, Олег прислал сообщение с парой практических вопросов, которые ему задали в похоронном бюро. Три пропущенных звонка, наверное от журналистов, и еще один, с номера, который, насколько он помнил, принадлежал Александре из Института судебной медицины. Она что, хотела выразить соболезнования? Так написала бы эсэмэску. Или заняться сексом? Не исключено, что Александра хотела и то и другое. Эта молодая женщина несколько раз говорила ему, что возбуждается от сильных чувств, вне зависимости от того, добрые они или не очень. Ярость, радость, ненависть, боль. Но горе? М-да. Страх и стыд. Как неслыханно возбуждающе трахнуть человека, испытывающего горе. Хотя, если разобраться, существуют и более безумные фантазии. Взять хотя бы самого Харри, который сидит здесь и, буквально через несколько часов после обнаружения трупа Ракели, размышляет о возможных сексуальных желаниях Александры. Как это назвать, черт возьми?

Харри жал на кнопку отключения, пока экран не почернел, а потом опустил телефон обратно в карман брюк. Он бросил взгляд на микрофон, стоявший перед ним на столе в узкой комнате, похожей на гостиную кукольного дома. Маленький красный огонек указывал на то, что запись уже включена. Потом он посмотрел на человека, сидевшего по другую сторону стола:

– Ну что, начнем?

Сон Мин Ларсен кивнул. Вместо того чтобы повесить свое пальто от «Бёрберри» рядом с курткой Харри на крючок на стене, он положил его на спинку одного из свободных стульев.

Ларсен прочистил горло и начал:

– Тринадцатое марта, пятнадцать часов пятьдесят минут, мы находимся в комнате для допросов номер три в Полицейском управлении Осло. Допрашивает следователь Крипоса Сон Мин Ларсен, допрашиваемый – Харри Холм...

Молодой следователь говорил на таком чистом и правильном норвежском, что Харри казалось, будто он слушает старый радиоспектакль. Ларсен не отводил от него глаз и не заглядывал в свои записи, диктуя личный номер и адрес Холма. Возможно, он специально вызубрил все, чтобы произвести впечатление на своего пока еще более известного коллегу. А может быть, это была его постоянно используемая техника запугивания, призванная продемонстрировать интеллектуальное превосходство, чтобы у допрашиваемого даже и мысли не возникло солгать или попытаться манипулировать фактами. И было, разумеется, третье объяснение: у Сон Мина Ларсена просто-напросто отменная память.

– Я исхожу из того, что вы, как полицейский, знаете свои права, – сказал Ларсен. – И хочу напомнить, что вы отказались от присутствия на допросе адвоката.

– Я подозреваемый? – спросил Харри, бросив взгляд сквозь раздвинутые занавески на соседнее помещение, где, сложив на груди руки и глядя на них, сидел старший инспектор полиции Винтер.

– Это чисто формальная процедура, и вас ни в чем не подозревают, – ответил Ларсен. Он четко следовал инструкции, обратив внимание Харри на то, что допрос будет записан. После чего задал первый вопрос:

– Можете рассказать мне о ваших отношениях с убитой Ракелью Фёуке?

– Она... *была* моей женой.

– Вы расстались?

– Нет. Или да, она умерла.

Сон Мин Ларсен поднял глаза на Харри, будто пытаясь понять, не бросает ли тот ему вызов:

– Значит, вы не разошлись?

– Нет, не успели. Но я съехал на другую квартиру.

– Как я понял со слов других свидетелей, разрыв произошел по инициативе вашей жены.

Почему вы расстались?

«Ракель хотела, чтобы я вернулся».

– Не сошлись характерами. Давай перейдем прямо к тому моменту, когда ты спрашиваешь меня о том, есть ли у меня алиби на момент убийства.

– Я понимаю, что это причиняет вам боль, но...

– Спасибо, что объяснил мне, что именно ты понимаешь, Ларсен, и твоя догадка верна, это и впрямь причиняет боль, но я предложил так поступить, потому что у меня мало времени.

– Вот как? Я так понял, что вы пока отстранены от службы.

– Да. Но мне надо незамедлительно провести очередной сеанс приема алкоголя.

– Стало быть, вы спешите?

– Да.

– И все-таки я бы хотел поговорить о ваших отношениях с убитой Ракелью Фёуке. Ваш пасынок Олег считает, что он так и не получил удовлетворительного объяснения о причинах разрыва – ни от вас, ни от своей матери. Но вряд ли ситуацию улучшило то обстоятельство, что вы, преподавая в Полицейской академии, тратили все больше и больше свободного времени на поиски некоего Свейна Финне, только что отсидевшего срок.

– Моя просьба поторопиться была завуалированной формой отказа говорить на эту тему.

– Значит, вы отказываетесь разъяснить ваши отношения с убитой?

– Я *отказываюсь* от перспективы обсуждать детали своей частной жизни и *предлагаю* перейти к обсуждению алиби в целях экономии твоего и моего времени. Чтобы вы с Винтером могли сосредоточиться на поимке виновного. Я надеюсь, из лекций ты запомнил, сколь важными являются при расследовании убийства первые сорок восемь часов: по истечении этого срока память свидетелей ослабевает, а улики обнаружить гораздо сложнее, так что в результате вероятность раскрытия преступления уменьшается наполовину. Поговорим о ночи убийства, Ларсен?

Следователь из Крипоса уставился на точку на лбу Харри, ритмично постукивая ручкой по столешнице. Харри видел, что он хочет посмотреть на Винтера, чтобы понять, как поступить дальше: надавить на Холе или пойти ему навстречу.

– Хорошо, – произнес Ларсен. – Давайте.

– Отлично, – сказал Харри. – Рассказывай.

– Что, простите?

– Расскажи мне, где и в какой момент времени я находился в ночь убийства.

Сон Мин Ларсен натянуто улыбнулся:

– Хотите сказать, это я должен вам сообщить?

– Ты же побеседовал с другими свидетелями, перед тем как допрашивать меня, желая как можно лучше подготовиться. Я поступил бы точно так же на твоём месте, Ларсен. Это означает, что ты поговорил с Бьёрном Хольмом и знаешь, что я находился в баре «Ревность», куда он за мной заехал поздно вечером, чтобы отвезти домой и уложить в постель. Я был пьян в стельку, не помню ни черта и вообще не имею ни малейшего представления о времени. Поэтому я не в состоянии предоставить вам сведения, которые опровергнут или подтвердят его показания. Но я надеюсь, вы опросили также владельца «Ревности» и, возможно, других свидетелей и убедились, что Хольм говорит правду. А поскольку я не знаю, когда именно умерла моя жена, то это ты, Ларсен, должен сказать, есть у меня алиби или нет.

Ларсен нажимал кнопку на своей ручке, изучая взглядом Харри: так игрок в покер перебирает фишки, прежде чем решить, делать ставку или нет.

– Хорошо, – сказал он и наконец оставил ручку в покое. – Мы проверили также ваш мобильный, в тот день он не находился в той соте, где произошло преступление.

– И по-твоему, это говорит о том, что я был вне игры?

Ларсен не ответил.

– Но это еще не доказательство: я мог просто-напросто оставить мобильный дома или вообще потерять его. Так что спрошу еще раз: у меня есть алиби или нет?

В этот раз Ларсен не смог сдержаться и метнул вопросительный взгляд на Винтера. Краем глаза Харри увидел, что тот провел ладонью по своей гранитной голове, после чего едва заметно кивнул подчиненному.

– Бьёрн Хольм заявил, что вы вдвоем покинули бар «Ревность» в половине одиннадцатого, что подтверждает владелец заведения. Хольм говорит, что он помог вам подняться в квартиру и лечь в постель. Выходя из квартиры, он встретил вашего соседа Гюле, который работает в трамвайном парке. Тот возвращался домой после смены. Я так понял, что Гюле живет на первом этаже под вами, и он утверждает, что не ложился до трех часов ночи, а стены в доме такие тонкие, что он бы услышал, если бы вы выходили.

– Мм... А что говорят судмедэксперты: когда умерла жертва?

Ларсен заглянул в свой блокнот, как будто хотел свериться с ним, но Харри знал, что у молодого следователя все факты четко запечатлены в памяти и ему просто требовалось время, чтобы решить, что он может и хочет рассказать допрашиваемому. И еще Харри отметил, что Ларсен не посмотрел на Винтера перед тем, как принять решение.

– Судмедэксперты основывают свои предположения на соотношении температуры тела и температуры в помещении, поскольку труп не перемещали. И все же время смерти трудно определить с точностью до часа, ведь тело как-никак пролежало там около полутора суток. Но по их мнению, смерть наверняка наступила в промежуток между десятью часами вечера и двумя часами ночи.

– Значит, с этого момента я официально больше не нахожусь под подозрением?

Облаченный в костюм следователь медленно кивал. Харри обратил внимание на то, что Винтер приподнялся на стуле, как будто хотел возразить, но Ларсен этого не заметил.

– Ну что ж... Есть еще один нюанс: если я хотел избавиться от жены, то, как следователь, знал, что попаду в число подозреваемых, а потому мог обратиться к киллеру и обзавестись алиби. Я поэтому до сих пор и нахожусь здесь, да?

Ларсен провел рукой по узлу галстука, на котором Харри разглядел логотип авиакомпании «Британские авиалинии».

– Вообще-то, нет. Но, как вы справедливо отметили, нельзя терять время, первые сорок восемь часов очень важны. Поэтому мы хотели прояснить ситуацию, перед тем как спросить: как *вы* считаете, что случилось?

– Вас интересует мое мнение?

– Вы больше не подозреваемый. Но вы по-прежнему остаетесь... – Ларсен сделал артистическую паузу, прежде чем произнести имя, слишком четко выговаривая каждую букву, – Харри Холм.

Харри взглянул на Винтера. Интересно, он и впрямь ради этого позволил своему следователю выложить все известные им факты? Они застряли и им необходима помощь? Или же это собственная инициатива Сон Мина Ларсена? Винтер, казалось, застыл на своем стуле.

– Значит, это правда, – произнес Харри. – Убийца не оставил на месте преступления ни единой улики?

Отсутствие какого-либо выражения на лице Ларсена Харри посчитал утвердительным ответом. И честно сказал:

– Я понятия не имею, что произошло.

– Бьёрн Хольм утверждает, что вы обнаружили на территории виллы неидентифицированный след от сапога.

– Да. Но вполне возможно, его оставил просто какой-нибудь заблудившийся человек, такое случается.

– Вот как? Следов взлома нет, а судмедэксперты точно установили, что ваша... что жертва была убита на том месте, где ее обнаружили, и это заставляет нас думать, что она сама открыла злоумышленнику дверь. Думаете, она впустила бы в дом незнакомца?

– Мм... Вы обратили внимание на решетки с внешней стороны окон?

– Кованые железные решетки на всех двенадцати окнах, но четыре подвальных окна не зарешечены, – ответил Ларсен не задумываясь.

– А знаете, почему Ракель превратила свой дом в крепость? Это не паранойя, а следствие романа с немного чересчур известным следователем.

Ларсен что-то записал и произнес:

– Так что давайте предположим, что убийца был ей знаком. Предварительная реконструкция показывает, что они стояли лицом к лицу, убийца ближе к кухне, жертва ближе к входной двери, когда он дважды ударил ее ножом в живот.

Харри задохнулся. В живот. Ракели было больно перед тем, как ее ударили в шею. Добили.

– Тот факт, что убийца находился ближе к кухне, – продолжал Ларсен, – наводит меня на мысль, что он чувствовал себя в доме жертвы свободно. Вы согласны, Холм?

– Это возможно. Но не исключено также, что он просто обошел вокруг нее, чтобы взять нож, которого не хватает на стойке.

– Откуда вы знаете?

– Я успел взглянуть на место преступления, перед тем как твой босс выставил меня на улицу.

Ларсен склонил голову набок, оценивающе посмотрел на Харри и кивнул:

– Понимаю. Кстати, если уж речь зашла о кухне, то существует и третья возможность. Убийцей могла быть женщина.

– Думаешь?

– Знаю, что такое случается нечасто, но я совсем недавно читал о преступлении на улице Боргтата. Там дочь убила мать, а потом созналась в этом. Может, слышали об этом?

– Было дело.

– Женщина скорее откроет дверь другой женщине и впустит ее в дом, даже если они не слишком хорошо знакомы. Согласны? И мне почему-то легче представить себе, как женщина направляется прямо на кухню в чужом жилище. Мужчину в такой ситуации вообразить сложнее. Ладно, возможно, это слишком смелые предположения.

– Согласен, – сказал Харри, не уточнив, с чем именно он согласен.

– А вы знаете какую-нибудь женщину, у которой был мотив причинить вред Ракели Фёуке? – спросил Ларсен. – Ревность, например?

Харри отрицательно покачал головой. Конечно, он мог бы назвать имя Силье Гравсенг, но сейчас для этого не имелось причин. Несколько лет назад она была его студенткой в Полицейской академии и, можно сказать, преследовала его. Однажды вечером девица заявила к нему в кабинет и попыталась соблазнить. Харри ей отказал, в ответ она собралась написать на него заявление в полицию за попытку изнасилования. Но в рассказе девушки было столько очевидных нестыковок, что адвокат Юхан Крон отговорил ее от этой глупой затеи, и вся история закончилась тем, что Силье Гравсенг пришлось уйти из Полицейской академии. После этого она приходила домой к Ракели, но не для того, чтобы причинить ей вред или угрожать, а, наоборот, чтобы принести извинения. И все же вчера Харри проверил Силье Гравсенг. Воз-

можно, потому, что до сих пор помнил ненависть, появившуюся в ее взгляде после того, как девушка поняла, что Харри Холе ее отверг. А может быть, в связи с тем, что отсутствие улики подтверждало: убийца кое-что знает о полицейских расследованиях. Или же он просто хотел исключить все остальные возможности, прежде чем вынести окончательное решение и привести окончательный приговор в исполнение. Много времени проверка не заняла: выяснилось, что Силье Гравсенг работает в охранной фирме в Тромсё и в ночь на воскресенье она была на дежурстве в тысяче семистах километрах от Осло.

– Ладно, вернемся к ножу, – сменил тему Ларсен. – В деревянной пирамиде находится набор японских кухонных ножей, один из которых отсутствует. Размер и форма недостающего ножа соответствуют ранам на теле жертвы. Если исходить из того, что преступник воспользовался именно им, то можно предположить, что убийство произошло спонтанно и не было заранее спланировано. Согласны?

– Это возможно. Но не исключено также, что убийца знал об этих ножах до того, как пришел в дом. Третья возможность – злоумышленник воспользовался собственным ножом, но вдобавок к уничтожению улики решил запутать полицию еще больше, прихватив с собой похожее оружие с места преступления.

Ларсен снова что-то записал. Харри посмотрел на часы и кашлянул.

– И последний вопрос, Холе, – сказал следователь. – Вы утверждаете, что не знаете женщин, которые могли бы желать смерти Ракели Фёуке. А мужчин?

Харри медленно покачал головой.

– А как насчет этого Свейна Финне?

Харри пожал плечами:

– Спросите у него.

– Мы не знаем, где он находится.

Харри поднялся и снял с крючка на стене свою куртку.

– Если вдруг его встречу, непременно передам привет и скажу, что вы его ищете, Ларсен.

Харри повернулся к окну и двумя пальцами отсалютовал Винтеру, получив в ответ кислую улыбку и жест из одного пальца.

Ларсен встал и подал Харри руку:

– Спасибо за помощь, Холе. Полагаю, дорогу вы найдете сами.

– Вопрос в том, найдете ли ее *вы*. – Харри улыбнулся Ларсену, быстро пожал ему руку и ушел.

Подойдя к лифту, Харри нажал кнопку вызова и прислонился лбом к блестящему металлу дверей.

«Мама очень хотела, чтобы ты вернулся».

От этого лучше или хуже?

Это все бесполезные вопросы из серии «А что, если?», всякие самоуничижительные «мне следовало бы». Но с другой стороны, это также и скорбная надежда, за которую цепляются люди: должно ведь существовать такое место, где любящие люди с корнями Старого Тикко снова встретятся, потому что мысль о том, что они расстались навсегда, просто невыносима.

Двери лифта раскрылись. Пусто. Только этот тесный, способный вызвать приступ клаустрофобии гроб, в который ему нужно войти, чтобы спуститься вниз. Вниз к чему? К всеобъемлющей тьме?

Вообще-то, Харри сроду не пользовался лифтами, поскольку терпеть их не мог.

Он помедлил. А потом шагнул в кабину.

Глава 11

Харри вздрогнул, проснулся и уставился в пространство. Между стенами до сих пор металось эхо его крика. Он посмотрел на часы. Десять вечера. Он попробовал реконструировать события минувших тридцати шести часов. Вообще-то, в последнее время он постоянно был в той или иной степени пьян, и хотя прежде ничего такого важного не происходило, однако ему удавалось вспомнить абсолютно все, провалов в памяти не наблюдалось. За единственным исключением: субботний вечер в баре «Ревность» оказался одним долгим провалом. Возможно, количество просто наконец-то перешло в качество: нельзя же до бесконечности наливать спиртным.

Харри свесил ноги с дивана, пытаясь вспомнить, что заставило его закричать на этот раз, и пожалел, что вспомнил. Он держал в руках лицо Ракели, а ее угасшие глаза смотрели не *на* него, а *сквозь* него, словно его и не было. Ее подбородок в крови, как будто она кашлянула и на ее губах лопнул кровавый пузырь.

Харри взял с журнального столика бутылку «Джима Бима» и сделал глоток. Но алкоголь больше не действовал. Он глотнул еще раз. Удивительно: несмотря на то что он не видел ее мертвого лица и не хотел видеть его до похорон в пятницу, во сне оно выглядело очень реалистично.

Харри посмотрел на молчащий черный телефон, который лежал на столике рядом с бутылкой. Мобильник был выключен с того самого момента, как он вчера перед допросом вырубил его. Надо включить. Олег наверняка звонил. Нужно навести порядок в делах. Он должен взять себя в руки. Харри поднял с края стола пробку от бутылки «Джима Бима» и понюхал ее. Ничем не пахнет. Он швырнул пробку в голую стену и уверенным движением схватил горлышко бутылки.

Глава 12

В три часа дня Харри перестал пить. Никакой особой причины не было, неотложных дел не предвиделось, но организм просто-напросто не принимал больше алкоголя. Он включил телефон, проигнорировал пропущенные звонки и сообщения и позвонил Олегу.

– Что, выбрался на поверхность? – спросил тот.

– Скорее, наконец напился, – ответил Харри. – Как ты?

– Держусь на плаву.

– Хорошо. Сначала устроим мне порку? А потом обсудим кое-какие практические вопросы?

– Ладно. Готов?

– Начинай.

Дагни Йенсен посмотрела на часы. Сейчас всего девять, и они только что закончили есть горячее. Говорил в основном Гуннар, и все же терпение Дагни кончилось. Она пожаловалась на разыгравшуюся мигрень, и Гуннар, к счастью, оказался понятливым. Они отказались от десерта, и кавалер настоял на том, чтобы проводить ее домой, хотя Дагни и утверждала, что в этом нет необходимости.

– Я знаю, что Осло – безопасный город, – сказал он. – Просто мне нравится ходить пешком.

Он весело болтал о том о сем, и Дагни тоже старалась по мере сил участвовать в разговоре и смеяться в нужных местах, хотя в голове у нее творился полный хаос. Но когда они прошли кинотеатр «Ринген» и начали подниматься по улице Торвальда Мейера к ее дому, в беседе наступила пауза. И наконец Гуннар озвучил это:

– В последние несколько дней ты выглядишь нездоровой. Конечно, это не мое дело, но... Дагни, с тобой все в порядке?

Она ждала этого вопроса. Надеялась, что он прозвучит, что кто-то его задаст. И может, тогда она решится – в отличие от жертв насилия, которые упорно молчат о случившемся, объясняя это стыдом, бессилием или страхом, что им не поверят. Раньше Дагни думала, что сама никогда бы не повела себя таким образом. Что за глупости? Так почему же теперь она вдруг уподобилась им? Возможно, потому, что, вернувшись домой с кладбища, без остановки прорыдала два часа подряд и только потом позвонила в полицию, но, пока ждала переключения на отдел нравов, или куда они ее там перенаправили, чтобы принять заявление об изнасиловании, внезапно потеряла терпение и бросила трубку. После этого Дагни заснула прямо на диване, а затем проснулась посреди ночи, и ее первой мыслью было, что весь этот кошмар ей просто приснился. Она испытала огромное облегчение. Но вдруг все вспомнила. Однако потом в какой-то миг ей опять подумалось, что все случившееся *могло* быть кошмарным сном. И если она примет решение не рассказывать об этом ни одной живой душе, то все может на этом и закончиться.

– Дагни? У тебя что-то случилось?

Она очнулась, сделала вдох и спокойно ответила:

– Нет, ничего не случилось. Мы пришли, я живу в этом доме. Спасибо, что проводил меня, Гуннар. Увидимся завтра.

– Надеюсь, тебе лучше? Голова прошла?

– Да, спасибо.

Должно быть, Гуннар заметил, что она слегка отстранилась, когда он обнял ее; во всяком случае, он очень быстро ее отпустил. Она направилась к своему подъезду, роясь в сумочке в поисках ключа, а подняв глаза вверх, заметила, как кто-то вышел из темноты на свет висевшего

над входом фонаря. Широкоплечий худой мужчина в коричневой замшевой куртке с длинными темными волосами, подвязанными красной банданой. Она вскрикнула и остановилась.

– Не бойся, возлюбленная Дагни, я ничего тебе не сделаю. – Глаза искрами горели на морщинистом лице. – Я здесь только затем, чтобы позаботиться о тебе и нашем ребенке. Потому что я держу свое слово. – Он говорил тихо, почти шептал, но, для того чтобы она его услышала, ему было совсем не обязательно повышать голос. – Ты ведь помнишь мое обещание, правда? Мы же помолвлены, Дагни. Пока смерть не разлучит нас.

Дагни хватала ртом воздух, но казалось, ей перекрыли доступ кислорода.

– Чтобы скрепить этот союз, надо дать клятву перед лицом Бога, Дагни. Давай встретимся в католической церкви в Вике в воскресенье вечером, в это время там будем только мы с тобой. В девять подойдет? Не заставляй меня стоять у алтаря в одиночестве. – Он хохотнул. – А до тех пор – спите спокойно. Вы оба.

Он отступил в сторону, в темноту, и свет из подъезда на мгновение ослепил женщину, но, когда она прикрыла глаза ладонью, его уже не было.

Дагни молча стояла, а теплые слезы катились по ее щекам. Она смотрела на свою руку, держащую ключ, пока та не перестала трястись, а потом отперла дверь и вошла в подъезд.

Глава 13

Кучевые облака вязаной скатертью покрывали небо над церковью Воксен.

– Соболезную, – проникновенно сказал Микаэль Бельман.

Выражение его лица было хорошо отрепетировано. Бывший молодой начальник полиции, а ныне довольно молодой министр юстиции правой рукой пожал руку Харри, а левой накрыл их сцепленные ладони, будто скрепляя. Словно хотел этим жестом подтвердить, что говорит от чистого сердца. Или же для того, чтобы быть уверенным, что Харри не отнимет руки до тех пор, пока собравшиеся журналисты и фотографы, которым не разрешили присутствовать на отпевании в церкви, получают свое. Так что Бельман поставил галочку напротив пункта «Министр-юстиции-тратит-время-на-посещение-похорон-жен-бывших-коллег» и удалился в сторону ожидавшего его черного внедорожника. Скорее всего, он заранее уточнил, действительно ли Холе находится вне подозрений.

Харри с Олегом продолжали пожимать руки и кивать всем, кто пришел проводить Ракель в последний путь. В основном это были ее друзья и коллеги. Ну и еще кое-кто из соседей. Из родственников у Ракели не имелось никого, кроме Олега, и все же большая церковь наполнилась людьми больше чем наполовину. Ритуальный агент даже предложил им перенести похороны на следующую неделю, поскольку желающих проводить усопшую было еще больше, но не все успели перестроить свои графики. Харри был рад, что Олег попросил не организовывать после похорон никакого официального мероприятия. Ни он, ни Харри не были хорошо знакомы с коллегами Ракели и не испытывали особого желания разговаривать с соседями. Все, что требовалось сказать о покойной, Олег, Харри и несколько подруг детства сказали на церковной церемонии, и этого было достаточно; даже священник все понял и ограничился псалмами, молитвой и чтением Библии.

– Вот черт! – сказал Эйстейн Эйкеланн, один из двух друзей детства Харри. Глаза его были мокры от слез, он тяжело опустил руки на плечи Харри и дыхнул ему в лицо свежим запахом крепкого алкоголя. Харри всегда вспоминал Эйстейна, слыша шуточки про Кита Ричардса, не только из-за его внешности, но и потому, что между ними было что-то общее. «За каждую выкуренную сигарету Бог отнимет у тебя час жизни... и отдаст его Киту Ричардсу». Харри видел, что его товарищ напряженно думает, перед тем как открыть рот с коричневыми зубами и повторить более прочувствованно: – Вот черт!

– Спасибо, – сказал Харри.

– Треска не смог прийти, – произнес Эйстейн, не убирая рук с плеч Харри. – Другими словами, его охватывает панический страх на сборищах, где присутствует больше... ну, больше двух человек. Но он передает привет и говорит... – Эйстейн зажмурил глаз на ярком полуденном солнце. – Вот черт!

– Мы собираемся узким кругом в «Шрёдере».

– Халявное пиво?

– Максимум три.

– Идет.

– Руар Бор, я имел честь быть начальником вашей супруги. – Мужчина со стального цвета глазами был ниже Харри сантиметров на пятнадцать и тем не менее казался высоким. Что-то в его манере держаться и в этом архаичном обороте «имел честь» заставило Харри предположить, что перед ним отставной офицер. Рукопожатие Бора было крепким, взгляд – прямым и уверенным, но в нем чувствовалась ранимость, а может быть, даже некоторый надлом. Хотя, возможно, это было вызвано обстоятельствами. – Ракель была нашей лучшей сотрудницей и замечательным человеком. Это огромная потеря для Норвежского национального института по защите прав человека, как для всего коллектива, так и для меня лично.

– Спасибо, – сказал Харри, поверив в его искренность.

Но может быть, дело просто в теплой руке? Теплая рука того, кто занимается защитой прав человека. Харри проводил Руара Бора взглядом. Он обратил внимание, что, направляясь к двум ожидавшим его на лужайке женщинам, Бор внимательно смотрел вниз, себе под ноги, словно подсознательно боялся нарваться на закопанные в земле мины. Да, кстати, одна из дам показалась Харри знакомой, хотя и стояла к нему спиной. Бор что-то сказал, видимо очень тихо, потому что женщине пришлось наклониться к нему, и Бор легко положил руку ей на талию.

Но вот очередь соболезнующих иссякла. Машина похоронного бюро увезла гроб, некоторые из пришедших на церемонию прощания уже отправились на работу. Харри увидел, как Трульс Бернтсен в одиночестве идет к автобусу, чтобы вернуться в отдел убийств. Вероятнее всего, чтобы поиграть на компьютере в пасьянс. Другие гости расположились группами перед церковью и разговаривали. Начальник полиции Гуннар Хаген и Андерс Виллер, у которого Харри снимал квартиру, стояли вместе с Катриной и Бьёрном, который держал на руках их ребенка. Для некоторых, возможно, детский плач на похоронах был утешением, напоминанием о том, что жизнь действительно продолжается. Точнее сказать, для тех, кто *хотел*, чтобы жизнь продолжалась.

Харри пригласил всех в «Шрёдер». Сес, его младшая сестренка, которая приехала из Кристиансанна вместе со своим парнем, подошла и крепко обняла Харри и Олега и долго их не отпускала. А потом сказала, что ей надо отправляться в обратный путь. Харри кивнул и ответил, что он сожалеет, но все понимает, однако на самом деле испытал облегчение. Кроме Олега, Сес была единственным человеком, способным заставить его расплакаться прямо на публике.

Хельга поехала в «Шрёдер» вместе с Харри и Олегом. Нина накрыла для них длинный стол. Пришло около дюжины человек. Харри сидел, склонившись над своей чашкой кофе, и слушал разговоры других людей, как вдруг кто-то положил руку ему на плечо. Бьёрн.

– На похоронах не очень-то принято дарить подарки. – Он протянул Харри плоский квадратный предмет в подарочной упаковке. – Но это, во всяком случае, помогло мне пережить несколько трудных моментов.

– Спасибо, Бьёрн. – Харри перевернул сверток. Не так трудно догадаться, что в нем. – Кстати, я хотел кое-что у тебя узнать.

– Да?

– Сон Мин Ларсен во время допроса не спросил меня о фотоловушке. Это означает, что ты ничего ему не сказал?

– Он не спрашивал. А я подумал: это тебе решать, стоит ли сообщать о ней Крипосу.

– Мм... Вот, значит, как.

– Ну а раз ты тоже не упомянул о ней, значит и не стоит, так тому и быть.

– Ты скрыл это, чтобы ни Крипос, ни другие мне не мешали, потому что догадался, что я сам планирую выследить Финне, да?

– Что-то я не пойму, Харри, о чем ты толкуешь: какая-то фотоловушка, Финне. Давай лучше вообще об этом забудем.

– Спасибо, дружище. Скажи, а тебе что-нибудь известно о Руаре Боре?

– О Боре? Только то, что он начальник организации, где работала Ракель. Что-то связанное с правами человека, да?

– Норвежский национальный институт по защите прав человека.

– Точно. Это Бор забеспокоился, когда Ракель не вышла на работу, и позвонил в полицию.

– Ясно.

Тут входная дверь начала открываться, Харри взглянул на нее и моментально позабыл, о чем еще хотел спросить Бьёрна. Так вот почему женщина возле церкви показалась ему зна-

комой. Кайя Сульнес! Она стояла спиной к нему и разговаривала с Бором, осторожно осматриваясь. Она не слишком изменилась. Лицо с высокими скулами, четкая линия бровей цвета воронова крыла над почти по-детски большими зелеными глазами, медового цвета волосы, полные губы немного широкого рта. Наконец она отыскала взглядом Харри и просветлела.

– Кайя! – тут же выкрикнул Гуннар Хаген. – Иди к нам! – И начальник полиции выдвинул стул.

Женщина у двери улыбнулась Хагену и жестом дала понять, что сначала должна поговорить с Харри.

Кожа на ее руке была такой же мягкой, какой он ее помнил.

– Мои соболезнования, Харри. Я мысленно с тобой.

И голос такой же.

– Значит, ты вернулась, – произнес Харри.

– Да, ненадолго.

– Мм... – Он думал, что бы еще сказать, но так и не придумал.

Она опустила легкую как перышко ладонь на его руку:

– Позаботься о своих близких, а я пока поговорю с Гуннаром и остальными.

Олег наклонился к нему:

– Кто это? Помимо того, что коллега?

– Долгая история.

– Я понял. А если вкратце?

Харри отпил кофе.

– Однажды я позволил этой женщине уйти, отдав предпочтение твоей матери.

К трем часам почти все гости разошлись. Наконец и Эйстейн встал и удалился, на прощание неверно процитировав Боба Дилана. Харри и Кайя остались вдвоем.

Она придвинула к нему стул и спросила:

– Тебе сегодня не надо идти на работу?

– Нет. И завтра тоже. Я отстранен вплоть до особого распоряжения. А тебе?

– Я в листе ожидания Красного Креста. То есть я получаю зарплату, но в данное время нахожусь здесь, дома, и жду, не вспыхнет ли где-нибудь в мире очередной вооруженный конфликт.

– И долго обычно приходится ждать?

– Когда как. С этой точки зрения моя нынешняя работа напоминает работу в отделе убийств: ходишь и слабо надеешься, что ничего ужасного не произойдет, но оно все равно происходит.

– Хм... Красный Крест. Совсем не похоже на отдел убийств.

– И да и нет. Я отвечаю за безопасность. Последняя моя командировка в Афганистан длилась два года.

– А где ты работала до этого?

– В той же самой стране, и тоже два года. – Она улыбнулась, показав маленькие острые зубы, которые делали ее лицо как раз настолько несовершенным, чтобы вызывать интерес мужчин.

– И чем же тебя так привлекает Афганистан?

Кайя пожала плечами:

– Для начала, наверное, тем, что там ты сталкиваешься с такими глобальными проблемами, что по сравнению с ними твои личные неурядицы кажутся ну просто микроскопическими. И еще тем, что ты на самом деле приносишь пользу. И начинаешь любить людей, которых встречаешь и с которыми работаешь.

– Вроде Руара Бора?

– Да. А разве я говорила тебе, что он тоже был в Афганистане?

– Нет. Но он похож на солдата, который все время боится подорваться на mine. Бывший спецназовец?

Кайя задумчиво посмотрела на него. Зрачки в центре зеленой радужки расширились. В «Шрёдере» явно сэкономили на освещении.

– Секретная информация? – спросил Харри.

Она пожала плечами:

– Да нет. Бор был подполковником армейского спецназа, одним из тех, кого отправили в Кабул со списком разыскиваемых террористов из талибана, которых МССБ¹⁷ хотели вывести из строя.

– Ага. Штабной генерал? Или лично стрелял в джихадистов?

– Мы встречались на общих собраниях по безопасности в норвежском посольстве, но детали мне неизвестны. Я знаю только, что в юности и Руар, и его сестра были чемпионами Вест-Агдера по стрельбе.

– И что, он отработал весь список?

– Думаю, да. У вас с Руаром много общего. Вы не сдаетесь, пока не поймаете того, кто вам нужен.

– Если Бор был так хорош на военной службе, почему же он вдруг уволился и занялся *правами человека*?

Кайя приподняла бровь, будто хотела спросить, почему его так интересует Бор. Но потом, видимо, решила, что Харри просто требуется поговорить о чем-то другом, о чем угодно, только не о Ракели, не о себе, не о своем горе.

– В две тысячи пятнадцатом году на смену МССБ пришла «Решительная поддержка»¹⁸, и состоялся переход от действий с использованием так называемых миротворческих сил к небо-евым операциям. И спецназовцам больше не разрешали стрелять. К тому же жена Бора хотела, чтобы муж вернулся домой. Ей было очень тяжело в одиночку растить двоих детей. Норвежский офицер, имеющий амбиции стать генералом, на практике должен хотя бы один срок отслужить в Афганистане, поэтому, когда Руар подал в отставку, он знал, что отказывается от должности в верхушке армии. А все прочее для честолюбивого человека уже не так интересно. Кроме того, руководители с его опытом пользуются спросом и в других сферах.

– И все-таки странный переход: от стрельбы по людям к защите прав человека?

– А как ты думаешь, за что он сражался в Афганистане?

– Ха! Значит, идеалист и прекрасный семьянин?

– Руар – человек, который искренне верит в свои принципы и готов идти на жертвы ради тех, кого он любит. Как и ты. – Лицо Кайи искривилось в болезненной улыбке. Она застегнула пальто. – Это заслуживает уважения, Харри.

– Хм... Хочешь сказать, что в тот раз я тоже чем-то пожертвовал?

– Мы думаем, будто поступаем рационально, но на самом деле следуем приказам своего сердца, разве не так? – Она опустила руку в сумочку, достала визитку и положила ее на стол перед Харри. – Я живу там же, где и раньше. Если тебе понадобится с кем-нибудь поговорить, то я немного знаю о горе и утратах.

Солнце уже скатилось за вершины холмов, окрасив небо над ними в оранжевый цвет, когда Харри вошел в бревенчатую виллу и запер за собой дверь. Олег вернулся в Лаксэльв, оставив ему ключи, чтобы он на следующей неделе смог впустить в дом агента по недвижи-

¹⁷ МССБ (Международные силы содействия безопасности) – возглавляемый НАТО международный войсковой контингент, действовавший на территории Афганистана с 2001 по 2014 год.

¹⁸ Имеется в виду операция «Решительная поддержка» – небоевая миссия НАТО по обучению и оказанию помощи правительственным силам Афганистана.

мости. Харри попросил Олега еще раз подумать, как следует все взвесить. Действительно ли он хочет продать дом? Возможно, он вернется сюда по окончании годичной практики? Может быть, они с Хельгой надумают поселиться в этой вилле? Олег обещал хорошенько поразмыслить, но, судя по всему, уже принял решение.

Криминалисты завершили работу и убрали за собой. То есть лужа крови исчезла, а вот классический меловой контур, обозначавший положение тела на полу, остался. Харри представил себе, как агент по недвижимости, боясь показаться бестактным, осторожно предлагает стереть мел до прихода потенциальных покупателей, чтобы не отпугнуть их.

Харри подошел к кухонному окну и некоторое время смотрел, как бледнеет небо и гаснет солнечный свет. На землю спускалась тьма. Он был трезв вот уже двадцать восемь часов, а Ракель мертва как минимум сто сорок один.

Харри отошел от окна и встал перед меловым контуром, потом опустился на колени и провел пальцем по шершавому деревянному полу. Затем лег на пол, заполз в контур и скорчился внутри его, пытаясь не выступать за белые линии. И тут наконец-то пришли рыдания. Если только это можно назвать рыданиями, потому что слез не было, только сиплый крик, который начинался в груди, разрастался и рвался наружу через слишком узкое горло. Заполнивший комнату крик был похож на вопль человека, который изо всех сил старается не умереть. Харри замолчал и перевернулся на спину, чтобы глотнуть воздуха. И вот тогда-то из глаз хлынули слезы. И сквозь них, будто сквозь сон, он увидел прямо над собой хрустальную люстру. И букву «S», которую составляли кристаллы.

Глава 14

На улице Лидера Сагена птицы пели от счастья.

Возможно, оттого, что было девять часов утра и до сих пор еще ни одно происшествие не омрачило этот прекрасный день. А может быть, оттого, что сияющее солнце ознаменовало начало выходных, на которые обещали хорошую погоду. Или, может быть, оттого, что даже птицы на улице Лидера Сагена были счастливее всех остальных птиц мира. Потому что даже в стране, которая периодически возглавляет рейтинг самых благополучных государств мира, вполне обычная улица, названная в честь учителя из Бергена, была счастливейшей из счастливых. Четыреста семьдесят метров счастья, свободных не только от финансовых забот, но и от бешеной погони за материальными благами: тут располагаются добротные, не слишком затейливые виллы с большими, но не ухоженными напояками садами, а детям, ко всеобщей радости, есть где поиграть, так что ни у кого не возникает сомнений, чему именно отдают приоритет живущие здесь семьи – немного эксцентричные, но имеющие в гараже, заставленном старой, тяжелой и не особенно практичной садовой мебелью из мореного дерева, новый, хотя и не слишком броский автомобиль «ауди». Улица Лидера Сагена относилась, вне всякого сомнения, к одному из самых дорогих жилых кварталов Норвегии, но казалось, что в представлении ее обитателей идеальным соседом был человек искусства, унаследовавший дом от бабушки. Во всяком случае, живущие на этой улице в основном были добрыми социал-демократами, верящими в устойчивое развитие общества и ценности настолько же прочные, как и непропорционально большие деревянные балки, то тут, то там выступающие из вилл в швейцарском стиле.

Харри открыл ворота, и эхом из прошлого прозвучал жалобный скрип. Все было как раньше. Потрескивание деревянных ступеней лестницы, ведущей к двери. Дверной звонок без именной таблички. Мужские ботинки сорок шестого размера, которые Кайя Сульнес выставила наружу, чтобы отпугнуть взломщиков и других нежелательных посетителей.

Кайя открыла дверь, убрала со лба прядь выгоревших волос и скрестила на груди руки.

Даже шерстяная кофта слишком большого размера и дырявые войлочные тапочки были теми же самыми.

– Харри, – констатировала она.

– От моего дома до твоего можно дойти пешком, поэтому я подумал, что проще зайти, чем позвонить.

– Что? – Она склонила голову набок.

– Именно это я сказал, когда в первый раз позвонил в твою дверь.

– Но как ты умудрился это запомнить?

«Потому что эту фразу я долго сочинял и репетировал», – подумал он и улыбнулся:

– Цепкая профессиональная память. Можно войти?

Харри заметил промелькнувшую в ее взгляде тень сомнения, и ему внезапно пришло в голову – он ведь даже не подумал, что у Кайи, вполне вероятно, кто-то есть. Сожитель. Любownik. Или же у нее имеется другая причина держать гостя по ту сторону порога.

– Если я, конечно, не помешаю.

– Э-э-э... нет-нет, это... просто немного неожиданно.

– Я могу зайти попозже.

– Нет. Нет, боже мой, я же сказала: заходи. – Она открыла дверь и шагнула в сторону.

Кайя поставила чашку дымящегося чая на стол перед Харри, а сама уселась на диван, подогнув под себя длинные ноги. Харри остановил взгляд на открытой книге: «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте. Он припомнил историю о молодой женщине, влюбившейся в угрюмого нелюдимого мужчину, который вроде как собрался на ней жениться, но позже выяснилось, что у него имеется безумная жена, запертая в одной из комнат огромного дома.

– Мне не позволяют расследовать убийство Ракели, – пожаловался Харри. – Несмотря на то, что я больше не вхожу в число подозреваемых.

– Чему ты удивляешься? Все правильно, они действуют по инструкции.

– Надо бы издать специальную директиву относительно следователей, у которых убили жен. Ведь я знаю, кто это сделал.

– В смысле – ты кого-то подозреваешь?

– Я уверен.

– И что, есть доказательства?

– Ага, моя интуиция.

– Как и все остальные, кто работал с тобой, я очень уважаю твою интуицию, Харри. Но уверен ли ты, что на нее можно положиться, когда речь идет о твоей собственной жене?

– Я же не просто нутром чувствую. Я исключил все другие возможности.

– Неужели все? – Кайя держала кружку обеими руками, но не пила, как будто она сделала себе чай прежде всего для того, чтобы согреть ладони. – Если память мне не изменяет, то у меня был наставник по имени Харри Холле, который говорил, что всегда имеются другие возможности, а выводы, основанные исключительно на дедукции, обладают незаслуженно доброй славой.

– У Ракели не было врагов, кроме того единственного. Да и тот, в общем-то, не ее враг, а мой. Его зовут Свейн Финне. Он также известен под кличкой Жених.

– Кто это?

– Совратитель и убийца. Его прозвали Женихом, потому что он оплодотворяет своих жертв и убивает их, если они не выносят ему потомство. Я тогда был совсем молодым следователем и работал день и ночь, чтобы поймать этого типа. Так сказать, боевое крещение. Помню, я смеялся от радости, защелкивая наручники на его запястьях. – Харри опустил глаза на свои руки. – Да уж, правду говорят: хорошо смеется тот, кто смеется последним.

– Да? А что случилось дальше?

Взгляд Харри скользил по красивым старым обоям с цветочным рисунком.

– Как только Финне отсидел срок, он изнасиловал девятнадцатилетнюю девочку и пообещал убить ее, если она сделает аборт. Но она тем не менее избавилась от ребенка. Спустя неделю девочку нашли лежащей на животе в роще в Линнеруде. Повсюду кровь, все были уверены, что она мертва. Но когда ее перевернули, раздался странный звук: вроде как детский голосок, сказавший «мама». Ее отвезли в больницу, и она выжила. Но оказалось, что детский голосок принадлежал не ей. Финне вспорол бедняжке живот, засунул в него пупса с батареей и динамиком и зашил.

Кайя хватала ртом воздух.

– Прошу прощения, – сказала она. – Отвыкла от такого.

Харри кивнул:

– Я снова его поймал, использовал подсадную утку и взял со спущенными штанами. В прямом смысле слова. Даже фотография есть. Яркая вспышка, слишком большая выдержка. Помимо того, что я унизил этого типа, я лично позаботился о том, чтобы Свейн «Жених» Финне провел двадцать из своих без малого восьмидесяти лет за решеткой. В том числе за убийство, которого, по его мнению, он не совершал. Вот тебе и мотив. Так что тут не одна только интуиция. Давай покурим на террасе?

Они взяли верхнюю одежду и уселись на большой крытой террасе, выходящей в сад, полный яблонь с голыми ветвями. Харри взглянул на окна второго этажа дома на противоположной стороне улицы Лидера Сагена. Ни в одном из них не было света.

– А что, – спросил Харри, вынимая пачку сигарет, – твой сосед больше за тобой не присматривает?

– Пару лет назад Грегери исполнилось девяносто, а в прошлом году он умер, – вздохнула Кайя.

– Значит, теперь ты должна сама за собой присматривать?

Она пожала плечами, и в ее движении чувствовался ритм, будто она пританцовывала.

– У меня такое ощущение, что я постоянно нахожусь под пристальным взглядом.

– Ты никак в религию ударилась?

– Нет. Можно стрелкнуть у тебя сигарету?

Харри посмотрел на нее. Кайя сидела, подложив под себя ладони, и он вспомнил: она любит так делать, потому что быстро мерзнет.

– Помнишь, как мы точно так же сидели вот на этом самом месте и разговаривали... сколько лет назад? Семь? Восемь?

– Да, – ответила Кайя. – Я помню.

Она высвободила руку и зажала сигарету указательным и средним пальцем, а Харри дал ей прикурить. Она затянулась и выдохнула серое облако. Кайя обращалась с сигаретой так же неуклюже, как и в тот раз. Харри ощутил сладкое послевкусие воспоминаний. Они тогда болтали обо всем на свете: о никотине и фильме «Вперед, путешественник», о материалистическом монизме и свободе воли, о книгах Джона Фанта и о том, почему мелкое воровство приносит радость. А потом, в качестве наказания за свободные от боли секунды, он вздрогнул, услышав имя, и нож снова повернулся вокруг своей оси.

– Ты так уверенно говоришь, что у Ракели не было других врагов, кроме этого Финне. Но, Харри, с чего ты взял, будто знаешь все подробности ее жизни? Сплошь и рядом люди живут вместе, делят постель и все остальное, но это еще не означает, что они посвящены во все тайны друг друга.

Харри кашлянул.

– Я знал ее, Кайя. А Ракель знала меня. Мы доверяли друг другу. У нас не было тайн. Ты что, мне не веришь? – Он услышал, как задрожал его голос, и замолчал.

– Ну разумеется, верю, просто не знаю, чего ты хочешь от меня: утешения или профессиональной помощи?

– Помощи.

– Хорошо. – Кайя положила сигарету на краешек деревянного стола. – Тогда я покажу тебе другую возможность, просто в качестве примера. У Ракели могли возникнуть отношения с каким-нибудь мужчиной. Ты, наверное, не в состоянии представить, что она могла обманывать тебя, но, поверь мне, женщины лучше мужчин умеют скрывать подобное, особенно если полагают, что у них имеются веские причины для адюльтера. Точнее говоря, мужчины хуже женщин распознают измену.

Харри закрыл глаза:

– Звучит как грубое...

– ...обобщение. Конечно. А вот еще пример. Женщины изменяют по другим причинам. Возможно, Ракель понимала, что ей следует расстаться с тобой, но ей требовался, так сказать, катализатор, трамплин. Например, случайный роман на стороне. И когда этот роман сыграл свою роль и она освободилась от тебя, то порвала и с тем, вторым. И вот пожалуйста, у нас есть сильно влюбленный мужчина, который чувствует себя обманутым, – чем не мотив для убийства?

– Ну-ну, – хмыкнул Харри. – Ты сама-то в это веришь?

– Нет, но эти примеры показывают, что теоретически могут существовать другие возможности. И я уж точно не верю в мотив, который ты приписываешь Финне.

– Вот как? Объясни!

– По-твоему, он убил Ракель только потому, что ты, как полицейский, сделал свою работу? Он ненавидит тебя, угрожает тебе – это нормально. Но люди вроде Финне руковод-

ствуются сексуальным влечением, а не чувством мести. Во всяком случае, не больше, чем другие преступники. Я, например, никогда не чувствовала серьезной опасности со стороны людей, которых отправила за решетку, что бы они там ни говорили. От высказывания дешевой угрозы до убийства – а это дело сложное и рискованное – дорога длинная. Я думаю, что у Финне должен быть гораздо более серьезный мотив, ведь он рискует провести еще дюжину лет, то есть свои последние годы, в заключении.

Харри глубоко и сердито затянулся. С одной стороны, все его существо протестовало против ее слов. Но с другой – он понимал, что Кайя права.

– Допустим, – кивнул Харри. – А какой мотив ты считаешь достаточно серьезным для мести?

Опять это танцевальное, почти ребяческое движение плечами.

– Не знаю. Что-нибудь личное. Соответствующее по масштабу тому злу, которое он причинил тебе.

– А по-моему, так все сходится: я отнял у него свободную жизнь, которую он любил. А Финне в ответ забрал у меня то, что я любил больше всего.

– Ракель. – Кайя выпятила нижнюю губу и кивнула. – Чтобы ты жил дальше, испытывая боль.

– Вот именно. – Харри заметил, что от его сигареты остался один фильтр. – Ты разбираешься в таких вещах, Кайя. Я, собственно, поэтому и пришел.

– Что ты хочешь сказать?

– Что я нуждаюсь в твоей помощи. – Харри попытался улыбнуться. – Ты же и сама видишь, что я уподобился плохому следователю, который руководствуется своими чувствами: сначала делает выводы, а потом придумывает вопросы, ответы на которые, как он надеется, подтвердят его выводы. И поэтому без тебя, Кайя, мне никак не обойтись.

– Что-то я все равно не улавливаю логику.

– Я отстранен от работы и не могу взаимодействовать с коллегами из отдела. Любому следователю обязательно нужен человек, с которым можно обмениваться мнениями. Тот, кто будет ему возражать. У кого есть свежие идеи. А ты как-никак бывшая сотрудница отдела убийств, и к тому же тебе сейчас все равно нечем заняться. Поможешь мне?

– Нет, Харри. Извини.

– Послушай, Кайя. – Харри нагнулся вперед. – Разумеется, ты абсолютно ничего мне не должна, тем более что я ушел от тебя в тот раз. Объяснением служит мое разбитое сердце, но это не извиняет меня, если я разбил твое. Я знал, что делаю, и, если бы все повторилось снова, опять поступил бы так же. Я должен был уйти, потому что любил Ракель. Я понимаю, что прошу слишком много, но все-таки обращаюсь к тебе за помощью. Поскольку чувствую, что вот-вот сойду с ума, Кайя. Я *должен* что-то делать, а единственное, что я умею, – это расследовать убийства. И еще пить. Я могу напиться до смерти, если будет нужно.

Харри увидел, как Кайя снова вздрогнула.

– Я говорю как есть, – продолжил Харри. – Тебе не нужно отвечать прямо сейчас. Все, о чем я прошу, – подумай над этим. У тебя есть номер моего телефона. А теперь я оставляю тебя в покое.

Харри поднялся.

Он надел сапоги, вышел в ворота, дошел до улицы Сума, спустился по холму Нурабаккен мимо церкви Фагерборг, умудрился пройти мимо двух открытых баров, где уже собралась соответствующая клиентура, взглянул на стадион «Бишлетт», который когда-то тоже не знал отбоя от посетителей, а теперь больше смахивал на тюрьму. Харри посмотрел на бессмысленно чистое небо над головой и, переходя улицу, в ярком пульсирующем свете солнца на мгновение увидел дрожащую букву «S». Когда завизжали тормоза трамвая, они показались ему эхом собственного крика, который он издал, поднимаясь с пола и поскользнувшись в луже крови.

Трульс Бернтсен сидел перед экраном компьютера и смотрел третью серию первого сезона сериала «Щит». Он просмотрел «Щит» уже два раза и начал сначала, потому что у сериалов имелась одна особенность: первые сезоны, подобно старым порнофильмам, всегда были лучше. Кроме того, Трульс чувствовал себя Виком Мэки. Ладно, если говорить начистоту, Бернтсен им не был, но очень хотел стать Виком: насквозь коррумпированным полицейским, у которого есть свой моральный кодекс, позволяющий ему вести себя определенным образом. Вот это круто: можно быть таким *bad*¹⁹ и оставаться в границах приемлемого, потому что все дело в том, как на это посмотреть. Под каким углом. Кстати, во времена тоталитарных режимов тоже ведь снимали неплохие фильмы, заставляя зрителей искренне болеть за своих. Все было не очень правдивым, но и чистой ложью это также назвать нельзя. Угол зрения. Вот в чем суть. Да, именно.

Зазвонил телефон.

Ну вот, не было печали.

Хаген решил, что отделу убийств надлежит работать по выходным. Правда, дежурить должен был всего один человек, но Трульса это устраивало, и он иногда подменял коллег. Во-первых, ему все равно нечем было заняться; во-вторых, он планировал провести осенний отпуск в Паттайе, так что лишние деньги не помешают. А в-третьих, на службе в выходные он не перерабатывался, потому что на телефонные звонки отвечали в дежурной части. Иногда Трульс даже задумывался, а знают ли там вообще, что в отделе убийств в субботу и воскресенье тоже находится сотрудник, но рассказывать об этом коллегам не собирался.

Поэтому раздавшийся звонок обеспокоил его: высветившийся номер принадлежал дежурной части.

После пяти звонков Трульс тихо выругался, приглушил звук, не выключая сериала, и снял трубку.

– Да? – сказал он, умудрившись заставить этот единственный позитивный слог прозвучать как полный отказ.

– Дежурная часть. У нас тут женщина, которой нужна помощь. Она собирается подать заявление в связи с изнасилованием и хочет посмотреть на фотографии преступников.

– Пусть обратится в отдел нравов.

– Но у них по выходным никто не дежурит, а у вас в компе единая база фотографий.

– Лучше пусть придет в понедельник.

– Нет уж, лучше пусть посмотрит фотографии прямо сейчас, пока еще помнит преступника в лицо. Ты зачем там вообще сидишь?

– Ладно, – хрюкнул Трульс Бернтсен. – Приводите ее сюда.

– Мы тут очень заняты, так что спускайся и забирай ее сам.

– Я тоже занят. – Трульс подождал, но ответа не последовало. – Хорошо, сейчас спущусь, – вздохнул он.

– Прекрасно. И кстати, отдел нравов уже довольно давно переименовали. Теперь он называется «отдел по расследованию преступлений на сексуальной почве».

– Да пошел ты... – пробормотал Трульс так тихо, что собеседник вряд ли его расслышал, положил трубку и нажал на паузу. Изображение на экране замерло. Эх, жаль, что не досмотрел, сейчас будет одна из его самых любимых сцен: великолепный Вик ликвидирует своего коллегу, полицейского Тэрри, выстрелом прямо под левый глаз.

¹⁹ Плохой (англ.).

– Значит, сами вы не жертва, но считаете, что стали свидетельницей преступления? – спросил Трульс Бернтсен, пододвигая к своему столу еще один стул. – Вы уверены, что это было изнасилование?

– Нет, – ответила женщина, представившаяся как Дагни Йенсен. – Именно поэтому я бы и хотела посмотреть фото насильников из вашего архива.

Трульс почесал свой выступающий, как у созданного Франкенштейном чудовища, лоб.

– И вы не собираетесь писать заявление, пока не опознаете преступника?

– Все верно.

– Обычно мы поступаем не так, – сказал Трульс. – Но давайте договоримся: я устрою вам десятиминутное слайд-шоу на компьютере, и если мы найдем того парня, то вы займетесь всем остальным – заявлением и объяснениями – уже в дежурной части. Я здесь один и завален работой. Договорились?

– Хорошо.

– Тогда начнем. Итак, предполагаемый возраст насильника?

Уже через три минуты Дагни Йенсен указала на фотографию на экране:

– Кто это? – Он заметил, как она старается контролировать голос, унимая дрожь.

– Это сам Свейн Финне, – пояснил Трульс. – Вы его видели?

– А что он натворил?

– Чего он только *не* натворил! Давайте посмотрим. – Трульс понажимал на кнопки, и на экране появился подробный послушной список Финне.

Он увидел, как Дагни Йенсен изучает информацию на экране и, по мере того как сквозь сухой язык полицейских протоколов проступают очертания монстра, на ее лице появляется выражение ужаса.

– Значит, он не просто насиловал женщин, – прошептала она, – но и убивал тех, которые от него не беременели.

– Членовредительство и убийство, – поправил ее Трульс. – Этот тип уже отбыл срок, но если и существует человек, заявление на которого мы примем с удовольствием, так это Финне.

– А вы... совершенно уверены, что сможете поймать его?

– О, мы найдем его, если объявим в розыск, – заверил женщину Трульс. – Гораздо сложнее осудить его по обвинению в изнасиловании. В таких делах обычно бывает слово против слова, и тогда его придется отпустить за недостатком улик. Однако при наличии такого свидетеля, как вы, арифметика будет уже иная: двое против одного. Я надеюсь, мы снова отправим негодяя в тюрьму.

Дагни Йенсен несколько раз сглотнула.

Трульс зевнул и взглянул на часы.

– Ну вот, теперь вы видели фотографию, и вам надо спуститься в дежурную часть, чтобы они оформили бумаги. Мы ведь так с вами договаривались?

– Да, – ответила женщина, не отрывая взгляда от экрана. – Да, конечно.

Глава 15

Харри сидел на диване и пялился в стену. Он не зажигал свет, и наступающая тьма медленно стирала очертания и цвета, опускаясь на лоб влажным полотенцем. Ему хотелось, чтобы она стерла и его самого тоже. Если подумать, то жизнь не обязательно должна быть такой сложной, ее можно сжать до бинарного вопроса группы «Клэш»: *«Should I stay or should I go?»*²⁰ Пить или не пить? Он хотел утонуть. Исчезнуть. Но не мог, пока еще не мог.

Харри распаковал подарок, полученный от Бьёрна. Он полагал, что это виниловая пластинка. «Road to Ruin». Из трех альбомов группы «Рамоунз», как упрямо утверждал Эйстейн, этот был единственным стоящим (он обычно ссылаясь на Лу Рида, который назвал музыку «Рамоунз» дерьмом). Бьёрн и впрямь купил тот альбом, которого у Харри не было. На полке над ним, между дебютными альбомами групп «Рейнмейкерс» и «Ранк энд Файл», стояли только два альбома «Рамоунз»: одноименный «Ramones» и тот, что нравился Харри больше всех, – «Rocket to Russia».

Харри достал черное виниловое солнце и поставил «Road to Ruin» на проигрыватель. Увидел знакомое название песни – «I Wanna Be Sedated» – и решил для начала послушать ее.

Гитарные риффы наполнили комнату. Здесь, в отличие от дебютного альбома, звук был обработан лучше и звучал скорее как мейнстрим. Ему нравилось минималистическое гитарное соло, но Харри не был уверен, что его настолько же привлекали следующие модуляции, уж слишком они походили на буги «Статус Кво» в самой идиотской интерпретации. Но композиция исполнялась с полнейшей самоуверенностью. Это было Харри по душе. Как и его любимая «Rockaway Beach», где музыканты так же самоуверенно отсылали к музыке «Бич Бойз», словно угонщики автомобиля, с шиком катящие по главной улице с опущенными стеклами.

Пока Харри пытался решить, действительно ли ему нравится «I Wanna Be Sedated» или нет, а также стоит ли ему пойти в бар или нет, комнату осветил свет от экрана телефона, лежавшего на журнальном столике.

Он, прищурившись, посмотрел на дисплей и вздохнул. Ответить или нет?

– Привет, Александра.

– Привет, Харри. Я пыталась тебя поймать. Ты бы сменил текст на автоответчике.

– А чем он плох?

– «Говорите, если вам надо», – передразнила она. – Даже имя свое не назвал, только четыре слова, похожие на предостережение, а потом «пи-и-ип».

– Судя по твоему рассказу, все работает как надо.

– Дело в том, господин Холе, что я звонила вам *несколько* раз.

– Я видел, но я... был не в духе.

– Я слышала, что стряслось. – Она тяжело вздохнула, и в голосе ее послышались сострадание и сочувствие. – Это просто ужасно.

– Да.

Последовала пауза, как немое интермеццо, знаменующее собой переход от одного акта к другому. Потому что когда Александра заговорила вновь, то голос ее уже не был ни глубоким, ни сексуальным и в нем не звучало ни сочувствия, ни сострадания. Голос профессионала.

– Я тут кое-что нашла для тебя.

Харри вздохнул и провел рукой по лицу.

– Хорошо, слушаю внимательно.

Он впервые обратился к Александре Стурдза давно, но так долго не получал ответа, что уже перестал его ждать. Больше полугода назад он поехал в Институт судебной медицины при

²⁰ «Мне остаться или уйти?» (англ.).

Государственной больнице, и там его приняла молодая женщина, вышедшая к нему прямо из лаборатории. Суровое веснушчатое лицо, горящие глаза и почти незаметный акцент. Она провела Харри в свой кабинет, сняла белый медицинский халат, а он спросил, может ли она помочь ему, так сказать, без протокола: сравнить ДНК из дел Свейна Финне с материалами старых убийств и изнасилований.

– Значит, Харри Холе, – поинтересовалась женщина-эксперт, – вы хотите проскользнуть без очереди?

После того как стортинг в 2014 году отменил срок давности по делам об убийствах и изнасилованиях, к ним, естественно, хлынул целый поток запросов: все хотели использовать новые технологии анализа ДНК применительно к старым делам, и в результате время ожидания результатов намного увеличилось. Харри подумал, как бы ему поубедительнее обосновать свою просьбу, но встретил ее прямой взгляд и понял, что в этом нет необходимости.

– Да.

– Интересно. В обмен на что?

– В обмен? Хм... А чего вы хотите?

– Для начала меня устроит, если знаменитый Харри Холе пригласит меня на кружку пива.

Под халатом на Александре Стурдза оказалась черная обтягивающая одежда, подчеркивающая изгибы мускулистого тела, линии которого вызвали у Харри ассоциации с кошками и спортивными автомобилями. Но он никогда особенно не интересовался гонками и был скорее собачником, а не кошатником.

– Если это нужно для дела, с удовольствием куплю вам пива. Но сам я не пью. И между прочим, я женат.

– Ладно, посмотрим, что можно для вас сделать, – хрипло рассмеялась она. Казалось, Александра немало повидала на своем веку, но определить ее возраст оказалось на удивление сложно: ей могло быть и на двадцать, и на десять лет меньше, чем самому Харри. Она склонила голову и посмотрела на него. – Ждите меня в «Револьвере» завтра в восемь, постараюсь накопать что-нибудь интересное, хорошо?

Интересного она накопила не слишком много. Ни в тот раз, ни в последующие. Ровно столько, чтобы время от времени напрашиваться на кружку пива. Но Харри вел себя безупречно: держался на расстоянии от Александры и умудрялся делать так, что их встречи оказывались короткими и касались только работы. Так было до тех пор, пока Ракель не выгнала его. Тогда дамбу прорвало, и потоки воды в один миг смыли все, включая и принцип профессионального дистанцирования.

Харри заметил, что стена стала еще на один тон серее.

– У меня нет полного совпадения ни в одном деле, – начала Александра; Харри зевнул: это старая песня. – Но мне пришло в голову, что я могу сравнить ДНК-профиль Свейна Финне со всеми другими из нашей базы. И тогда я получила частичное совпадение с одним убийцей.

– Что это значит?

– Это значит, что Свейн Финне – отец осужденного преступника, сведения о котором имеются в нашей картотеке.

– О черт! – В голове у Харри просветлело, и он почувствовал: вот оно! – А как зовут этого преступника?

– Валентин Йертсен.

По спине у Харри пробежал холодок. Валентин Йертсен. Нельзя сказать, чтобы Харри больше верил в наследственность, чем во влияние среды, но в том, что Свейн Финне приходился родным отцом одному из самых страшных серийных убийц в истории Норвегии, была определенная логика.

– Кажется, ты удивился меньше, чем я рассчитывала, – констатировала Александра.

– Я удивился меньше, чем сам думал, – ответил Харри, потирая шею.

– Эти сведения помогли тебе?

– Да, – сказал Харри. – Очень помогли. Спасибо тебе, Александра.

– Что ты сейчас делаешь?

– Мм... Хороший вопрос.

– Как насчет того, чтобы приехать ко мне и поблагодарить *in persona*?²¹

– Ты же знаешь, что мне сейчас не до этого...

– Да я ничего такого в виду и не имела. Может быть, нам обоим просто нужен сейчас человек, рядом с которым можно полежать. Ты помнишь, где я живу?

Харри закрыл глаза. После того как дамбу прорвало, в его жизни были постели, ворота, дома, но алкоголь покрыл пеленой лица, имена, адреса. К тому же изображение Валентина Йертсена сейчас вытеснило все, что он теоретически мог бы вспомнить.

– Неужели забыл? Черт возьми, Харри, ты, конечно, был пьян, но мог бы, по крайней мере, *сделать вид*, что помнишь!

– Грюнерлёкка, – сказал Харри. – Улица Сеильдюксгата.

– Умный мальчик. Через час?

Харри положил трубку, и когда он набирал номер Кайи Сульнес, то ему кое-что пришло в голову: он вспомнил улицу, потому что, как бы пьян ни был, у него никогда не случалось *полных* провалов в памяти. Хотя не исключено, что вовсе не длительное воздействие алкоголя было причиной того, что он не помнил вечер в баре «Ревность»; может быть, он просто *хотел* забыть все, что там произошло.

У Кайи включился автоответчик.

– Я обнаружил мотив, о котором ты говорила, – произнес Харри после сигнала. – У Свейна Финне, оказывается, был сын по имени Валентин Йертсен. Он сейчас мертв. И это я его убил.

²¹ Лично (лат.).

Глава 16

Александра Стурдза издала протяжный звук, вытянув руки над головой. Пальцы ее рук и голых ног касались латунных перекладин на противоположных концах кровати. Потом она повернулась на бок, зажала одеяло между бедер и положила под голову одну из больших белых подушек. Она усмехнулась, и темные глаза превратились в щелочки, почти исчезнув на суровом лице.

– Как хорошо, что ты пришел, – сказала она и положила руку Харри на грудь.

– Мм... – Харри лежал на спине и щурился на яркий свет люстры.

Когда Александра открыла ему дверь, на ней был длинный шелковый халат. Она взяла его за руку и провела прямо в спальню.

– Тебя мучают угрызения совести? – спросила она.

– Ага, постоянно, – ответил Харри.

– Я хотела сказать – из-за того, что ты здесь.

– Не особенно. Просто еще один пункт в списке косвенных доказательств.

– Доказательств чего?

– Того, что я плохой человек.

– Но если ты все равно уже испытываешь угрызения совести, то, наверное, можешь раздеться.

– Значит, Валентин Йертсен был сыном Финне? – Харри сложил руки за головой. – Это точно?

– Абсолютно.

– Черт, это какая-то эстафета абсурда. Только подумай. Возможно, Валентин Йертсен и сам появился на свет в результате изнасилования.

– А кто появился не так? – Александра потерлась лбом о его бедро.

– Ты знала, что Валентин Йертсен, находясь в заключении, изнасиловал тюремного стоматолога? Попросился к ней на прием, воспользовался одной из бормашин врача, чтобы заставить женщину снять с себя нейлоновые колготки и надеть их на голову. Сначала он изнасиловал ее во врачебном кресле, а потом поджег колготки.

– Замолчи! Харри, я хочу тебя. В тумбочке есть презервативы.

– Нет, спасибо.

– Да ну? Неужели ты хочешь снова стать отцом?

– Я не о презервативе говорю. – Харри накрыл ладонью ее руки, которые только начали расстегивать его ремень.

– Черт возьми! – прохрипела Александра. – На хрена ты мне сдался, если даже трахаться не хочешь?

– Хороший вопрос.

– А почему ты не хочешь?

– Судя по всему, уровень тестостерона резко понизился.

Сердито фыркнув, Александра повернулась на спину.

– Харри, вы с Ракелью не просто расстались – она *умерла*. Когда ты сможешь это принять?

– Ты считаешь, пятидневный целибат – это перебор?

Александра взглянула на него:

– Смешно. Но похоже, на самом деле ты не такой крутой, каким кажешься, да?

– Внешность обманчива, – изрек Харри, приподнял бедра и вынул из кармана пачку сигарет. – Да и пустить пыль в глаза не так уж сложно. Ученые установили, что настроение человека улучшается, если он напрягает мускулы, задействованные при улыбке. Так что, если тебе

хочется плакать, – смейся. Но в моем случае это не сработает. Слушай, а у тебя в спальне можно дымить? Какой политики в отношении курения ты придерживаешься?

– Здесь все позволено. Но когда люди рядом со мной курят, моя политика заключается в цитировании того, что написано на пачке. Табак убивает тебя, друг мой.

– Мм... А ловко ты ввернула это «друг мой».

– Это чтобы ты понял, что наносишь вред не только самому себе, но и всем, кто тебя любит.

– Я понял. Итак, рискуя заболеть раком и еще больше расстроить свою совесть, я все-таки закурю. – Харри затянулся и выпустил дым в сторону люстры. – А ты любишь яркий свет, – заметил он.

– Я выросла в Тимишоаре.

– А какая тут связь?

– Это первый город в Европе, где появились уличные фонари. В этом отношении нас опередил только Нью-Йорк.

– Поэтому ты постоянно включаешь свет?

– Нет, просто сообщила тебе любопытный факт. Ты ведь ими интересуешься.

– Правда?

– Да. Например, тот факт, что сын Финне тоже стал насильником.

– Это чуть больше, чем просто любопытный факт.

– Почему?

Харри сделал затяжку, но не ощутил вкуса.

– Потому что если Валентин Йертсен родной сын Финне, то у него появляется довольно убедительный мотив для мести. Я ведь охотился за этим типом в связи с несколькими убийствами. И в конце концов застрелил его.

– Да ну?

– Валентин Йертсен был безоружен, но спровоцировал меня на стрельбу, сделав вид, что хватается за пистолет. К сожалению, свидетелей не было, а в отделе внутренних расследований сочли проблемой то, что я сделал три выстрела. Но с меня сняли все обвинения. Я заявил, что действовал в целях самообороны, а доказать обратное они не смогли.

– И ты думаешь, что Финне узнал правду и именно поэтому убил твою жену?

Харри медленно кивнул:

– Око за око, зуб за зуб.

– Но разве не логичнее было бы убить Олега?

Харри приподнял бровь:

– Откуда ты знаешь его имя?

– Ты по пьяни много болтаешь, Харри. Особенно о бывшей жене и мальчике.

– Олег не мой ребенок, это сын Ракели от первого брака.

– Ты рассказывал, но это же просто биология.

Харри покачал головой:

– Только не для Свейна Финне. Он любил Валентина Йертсена не как человека, поскольку они едва были знакомы. Он любил Валентина по одной-единственной причине: тот нес дальше его собственные гены. Финне побуждает к действию желание распространять свое семя и производить потомство. Для него биология – это все, она дает ему вечную жизнь.

– Это ненормально.

– Разве? – Харри посмотрел на сигарету и задумался, на каком месте в очереди факторов, стремящихся прикончить его, находится рак легких. – Возможно, мы более тесно связаны с биологией, чем сами хотим думать. Не исключено, что все мы от природы шовинисты, расисты и националисты, инстинктивно жаждущие власти над миром для своего собственного рода. А

потом мы отучаемся от этого в большей или меньшей степени. По крайней мере, большинство из нас.

– В любом случае мы хотим знать, откуда мы появились в чисто биологическом смысле. Только представь, у нас в лаборатории количество заявок на проведение теста ДНК с целью установить или подтвердить отцовство за последние двадцать лет увеличилось на триста процентов.

– Очередной любопытный факт?

– Это говорит о том, что наше самосознание связано с нашими генами.

– Думаешь?

– Да. – Александра подняла бокал с вином, стоявший на тумбочке. – Кстати, если бы дело обстояло иначе, меня бы сейчас вообще здесь не было.

– В постели со мной?

– В Норвегии. Я приехала сюда в поисках своего отца. Моя мать не хотела говорить о нем, я знала только, что он родом из Норвегии. После ее смерти я купила билет и отправилась искать его. В первый год работала на трех работах. Все, что я знала о своем отце: он был образованным человеком, потому что мама обладала весьма средними способностями, а я в Румынии получала самые высокие оценки, да и норвежский выучила за шесть месяцев. Но отца я не нашла. Зато получила стипендию и стала изучать химию в Норвежском университете естественных и технических наук, а потом устроилась на работу в Институт судебной медицины, в отдел, где проводят анализы ДНК.

– А там ты могла продолжить поиски.

– Да.

– И?..

– Я все-таки нашла его.

– Правда? Значит, тебе повезло, потому что, насколько я знаю, ДНК-профили в делах об установлении отцовства хранятся всего лишь один год.

– В делах об отцовстве – да.

До Харри стало доходить, что Александра имеет в виду.

– Ты нашла своего отца в базе полиции. Он оказался преступником?

– Да.

– Мм... И по какой же статье он был осужден?

Тут карман Харри завибрировал. Он посмотрел на номер и нажал на клавишу «ответить».

– Привет, Кайя. Ты получила мое сообщение?

– Да, – мягко прозвучал ее голос.

– И?..

– И я согласна с тобой: думаю, ты и впрямь нашел мотив Финне.

– Мм... Значит, ты pomoжешь мне?

– Не знаю. – Последовала пауза, во время которой он одним ухом слышал дыхание Кайи, а другим – дыхание Александры. – Судя по голосу, ты лежишь, Харри. Ты где, дома?

– Нет, он у Александры! – прогремел голос Александры.

– Кто это был? – спросила Кайя.

– Это... – ответил Харри, – была Александра.

– О, тогда не буду вам мешать. Хорошего вечера.

– Ты не меша...

– Но Кайя уже дала отбой.

Харри посмотрел на телефон и засунул его обратно в карман. Он затушил сигарету в квадратном подсвечнике на тумбочке и свесил ноги с кровати.

– Эй, куда это ты собрался?

– Домой, – сказал Харри, наклонился и поцеловал ее в лоб.

Харри быстрыми шагами шел на запад, а мозг его усиленно работал.

Он достал мобильник и позвонил Бьёрну.

– Да, Харри?

– Все-таки это Финне.

– Мы разбудим малыша, Харри, – прошептал Бьёрн Хольм. – Может, завтра поговорим?

– Оказывается, Свейн Финне – отец Валентина Йертсена.

– Вот черт!

– Мотив – кровная месть. Я уверен. Вы должны объявить Финне в розыск, а когда у вас будет адрес, надо получить ордер на обыск. Найдете нож – и *case closed*²².

– Я слышу тебя, Харри. Но Герт наконец заснул, а значит, и мне пора на боковую. И я сильно сомневаюсь, что на столь шатком основании нам удастся получить ордер на обыск. Прокурор, скорее всего, захочет конкретики.

– Но это *действительно* кровная месть, Бьёрн. Это наша природа. Представь, что кто-то убил Герта. Неужели ты бы не отомстил?

– Даже думать о таком не хочу.

– И все-таки?

– Ой, Харри, не знаю.

– Ты *не знаешь*?

– Поговорим завтра. Хорошо?

– Да, конечно. – Харри крепко зажмурился и выругался про себя. – Прости, что веду себя как идиот, Бьёрн, но я просто не могу...

– Все в порядке, Харри. Завтра разберемся. А поскольку ты пока отстранен, было бы хорошо, если бы ты никому не говорил, что мы обсуждаем это дело.

– Само собой, я буду помалкивать. Спокойной ночи, дружище.

Харри открыл глаза и опустил телефон в карман. Субботний вечер. Перед ним на тротуаре, прислонившись лбом к стене дома, плакала пьяная девушка. Позади нее, склонив голову, стоял парень, он слегка приобнял ее, желая утешить.

– Он трахается с другими телками! – кричала девица. – Ему нет дела до меня! Никому нет до меня дела!

– *Мне* есть, – тихо произнес парень.

– *Тебе*, ага, – презрительно фыркнула она и вновь зарыдала.

Проходя мимо парочки, Харри поймал взгляд парня.

Субботний вечер. На этой стороне улицы метров через сто есть бар. Может, ему стоит перейти на другую сторону и обойти заведение? Движение здесь не слишком оживленное, только несколько такси. Внезапно машин стало много. И они образовали черную стену из кузовов, через которую не проскочить. Вот черт!

Трульс Бернтсен смотрел седьмой, последний сезон «Щита». Он хотел было заглянуть на порносайт, но отогнал от себя эту мысль: наверняка кто-то из айтишников ведет список сайтов, которые сотрудники посещают во время веб-серфинга. Кстати, говорят ли еще «веб-серфинг»? Трульс снова посмотрел на часы. Дома Интернет более медленный, но все равно пора убираться в стойло. Он надел куртку, застегнул молнию. Что-то грызло его изнутри. Он точно не знал, что бы это могло быть, ведь сегодня за зарплату, которую ему платит государство, Трульсу не довелось принести людям никакой пользы, прошел еще один день из числа тех, что смело можно отнести к выгодным для себя.

Трульс Бернтсен посмотрел на телефон.

²² Дело закрыто (англ.).

Глупость какая-то, но если это не дает ему покоя, то лучше позвонить.

– Дежурная часть.

– Это Трульс Бернтсен. Та тетка, которую вы отправили ко мне, подала заявление на Свейна Финне, когда вернулась к вам?

– Она не возвращалась.

– Просто ушла?

– Вероятно.

Трульс Бернтсен опустил трубку на рычаг, немного подумал, набрал еще один номер и стал ждать.

– Холе, слушаю. – Голос коллеги Трульса был едва различим на фоне музыки и галдежа.

– Харри, ты где?

– В баре.

– Там играет «Motörhead», – заметил Трульс.

– Ага, и это единственное достоинство данного места. Чего тебе?

– Тут такое дело. Ты же пытался приглядывать за Свейном Финне.

– И?..

Трульс рассказал о посетительнице, которая приходила к нему сегодня.

– Так. У тебя есть имя и номер телефона этой женщины?

– Ее зовут Дагни как-то-там. Йенсен, что ли? Можешь проверить, записали ли в дежурной части еще какие-то данные, но я сомневаюсь. Она ведь больше к ним не вернулась.

– Почему?

– Я думаю, бедняга боится, как бы Финне не узнал, что она была здесь.

– Ясно. Но я не могу сам позвонить в дежурную часть, поскольку временно отстранен от работы. Сделаешь это за меня?

– Я, вообще-то, уже домой собирался.

Трульс некоторое время слушал молчание собеседника. И Лемми, поющего «Killed By Death». А потом сдался:

– Хорошо.

– И еще одно. Мой пропуск тоже пока недействителен, так что я не могу пройти через турникет. Можешь достать из нижнего ящика моего стола мой служебный пистолет и принести его мне? Давай встретимся возле «Олимпии» минут через двадцать?

– Пистолет? А для чего он тебе?

– Защищаться от зла этого мира.

– Твой ящик заперт.

– Но ты же сделал дубликат ключа.

– Чего? Почему ты так думаешь?

– Я видел, что ты передвигал там мои вещи. А один раз даже хранил там гашиш, конфискованный отделом по борьбе с наркотиками, судя по пакетику, в котором он лежал. Чтобы его не нашли в *твоем* столе, если вдруг начнут искать.

Трульс не отвечал.

– Ну?

– Через четверть часа, – хрюкнул он. – И не опаздывай. Я не собираюсь по твоей милости торчать на морозе.

Кайя Скульнес стояла, сложив на груди руки, и смотрела в окно гостиной. Она мерзла. Ей всегда было холодно. В Кабуле, где температура скакала от минус пяти до плюс тридцати с лишним, она могла окоченеть посреди ночи как в июле, так и в декабре, и тогда не оставалось ничего другого, кроме как ждать, когда солнце пустыни вновь растопит ее. У брата были те же проблемы, и однажды она даже спросила его: может, у них такая врожденная особенность, они,

подобно рептилиям, не способны регулировать температуру своего тела и зависят от внешнего тепла? И Кайя, кстати, долгое время думала, что так и есть, что она не обладает контролем, беззащитна перед окружающим миром, перед другими.

Кайя вглядывалась в темноту. Взгляд ее скользил по забору, окружающему сад.

Может, *он* стоит где-то там?

Неизвестно. Чернота была непроницаемой, а человек вроде него в любом случае умеет прекрасно маскироваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.